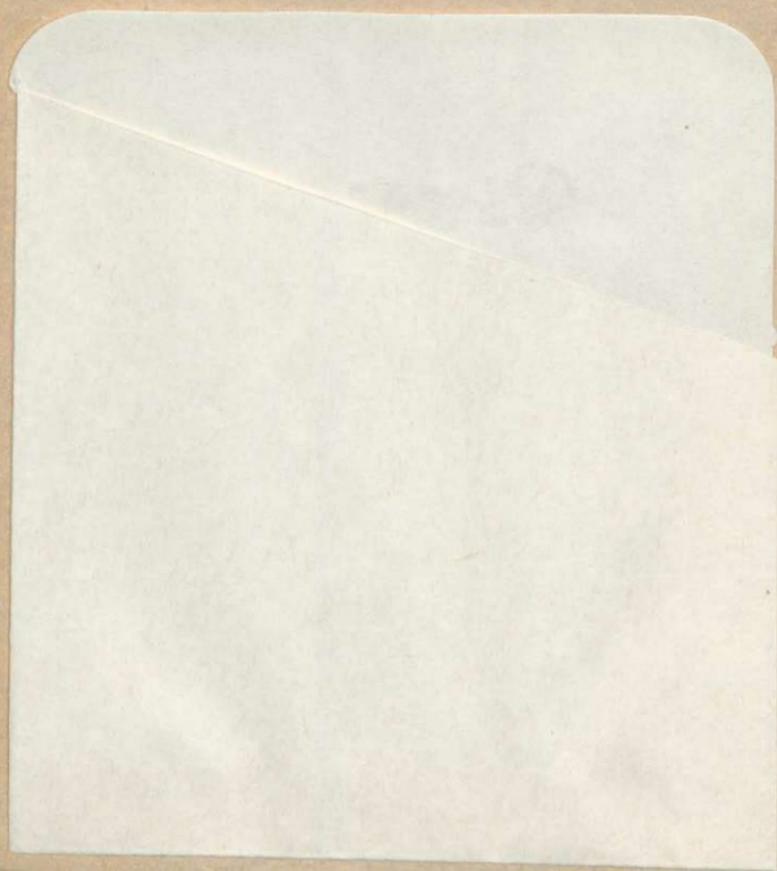

C $\frac{52}{272}$

Мак-говерн.

В. МАК-ГОВЕРН

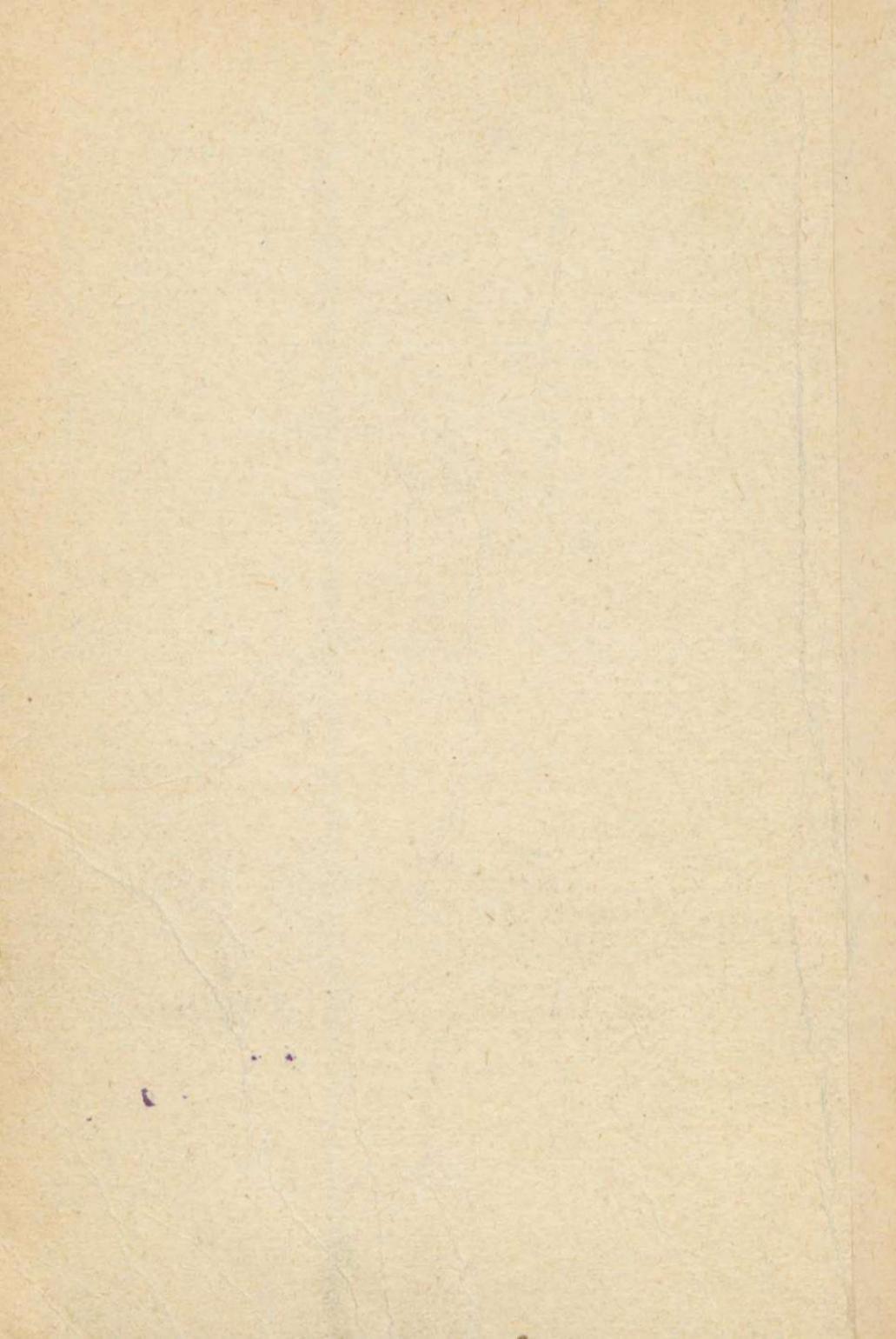

ПЕРЕОДЕТЫМ В ДХАССУ

ТАЙНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
АНГЛИЧАНИНА В ТИБЕТ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1929

Б И Б Л И О Т Е К А

Wm. MONTGOMERY McGOWERN

TO LHASA
IN DISGUISE

AN ACCOUNT OF A SECRET EXPEDITION
THROUGH MYSTERIOUS TIBET

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ЭКСПЕДИЦИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ

52
272
С/у

В. МАК-ГОВЕРН

оп 1-79
9161

ПЕРЕОДЕТЫМ В ЛХАССУ

СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ПОД
РЕДАКЦИЕЙ И С ОЧЕРКОМ „ТИБЕТ“
Э. С. БАТЕННИНА И С ПРЕДИСЛО-
ВИЕМ А. ИВИНА

22 иллюстрации и 3 карты

МОСКВА

1929

ЛЕНИНГРАД

М 15

худ. лит.

Путешествия и экспедиции
АЗИЯ — ТИБЕТ

*Обложка — гравюра на дереве
работы худ. Н. П. Дмитриевского*

2011109987

26632-41

Типография Издат. „Мелодия
Гвардия“. Ленинград, В. О.,
5-я лин., 28. Зак. Изд. № 2770.
Ред. план № 887. Главлит
№ А-21850. Печати. лист. 18^{1/2}.
Тираж 7.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В грандиозном освободительном движении, увлекающем все человечество, необозримым миллионам Азии суждено играть решающую роль. Китай, Индия, Япония, Красная Монголия, Персия, Афганистан, Турция и другие большие и малые страны Востока выходят одна за другой на арену борьбы, становятся активными участниками великой истории нашей современности. Азия, Восток, еще недавно являвшиеся для „цивилизованного Запада“ чуть не сплошной экзотикой, стремительно теряют покров своей таинственности и мистицизма и предстают во всей своей трезвой реальности, куда более захватывающей всяких романов и легенд, созданных необузданным воображением. И все же как мало мы еще знаем Азию! Даже о Китае, который последние два — три года приковывал к себе исключительное внимание, наша советская общественность имеет еще довольно смутное представление. Много хуже обстоит дело с Японией и Индией, не говоря уже о Персии, Турции, Афганистане, тем более Тибете или даже Красной Монголии. А между тем наше молодое советское востоковедение сумело за десять лет своего существования не только накопить богатый фактический и экспериментальный материал по Востоку, но путем нового, радикально отличного от буржуазных востоковедов подхода к азиатским странам, путем применения марксистского метода положить начало новой эры в истории востоковедения.

Как справедливо отметил в своей предсмертной статье тов. Павлович, наши советские востоковеды ищут для Востока не путей к движению вспять, к старому, проклятому прошлому векового рабства и мракобесия, а путей революционного развития. „При чтении,—писал тов. Павлович,—многочисленных французских, английских, американских, итальянских книг и журналов, посвященных специально Азии или Африке, кажется, будто все эти писатели поставили главной, если не исключительной, целью отыскание наилучших путей к окончательному подавлению с каждым днем все выше поднимающегося

национально-революционного движения среди колониальных и полуколониальных народов, к восстановлению того „золотого века“, так недавно царившего на черном и желтом континентах, когда сотни миллионов населения этих частей света безропотно сносили иго мирового империализма... Ныне уж не только колониальная сверхприбыль, но порой и прибавочная стоимость, выколачиваемая из трудовых масс метрополии, все более и более поглощается колоссальными расходами на борьбу со все разрастающимся революционным движением в Марокко, Тунисе, Египте, Китае и т. д.“

Словом, прошли „золотые денечки“ империализма: Азия, Восток требуют к себе иного подхода, даже со стороны востоковедов.

„Сегодняшний Китай,—читаем мы в довольно любопытной статье, появившейся еще в 1925 году в наиболее распространенном китайском журнале „Дун-Фан-Цза-Чи“ („Журнал Восток“),—сегодняшний Китай уже не тот, каким он был всего лишь несколько десятков лет тому назад... Вот почему, чтобы увидеть ясно истинный лик Китая, уже нельзя подходить к нему так, как это делалось раньше—ибо тот, старый Китай уже умер, чтобы больше никогда не воскреснуть—как нельзя к нему подходить с тем поверхностным взглядом любителя „живописной старины“, так как китайская жизнь сложна и поверхностному, дилетантскому взгляду в истинную сущность ее не проникнуть. И вот мы смеем утверждать, что хотя в настоящее время со всеми странами мы находимся в сношениях и хотя в самом Китае живет немало иностранцев, могущих бы, кажется, ясно разбираться в китайских делах, тем не менее ничего подобного мы не наблюдаем: и европейские и американские народы все еще продолжают смотреть на нас попрежнему, попрежнему подходят к нам как к дикарям (может быть, это чересчур резко сказано, но фактически это так и есть). Что же касается долго живущих в Китае господ журналистов, из которых каждый мнит себя китаеведом, знатоком Китая, то в своих статьях и корреспонденциях они или на чем свет стоит ругают Китай или же путают, дурачат своих соотечественников, заставляя их причинять вред нашей стране. Поэтому интерес советской общественности к Китаю, рост советского китаеведения нам приходится только приветствовать. Иной позиции мы не можем и не желаем занимать“.

Мы позволяем себе так подробно цитировать китайский популярный журнал потому, что его меткая характеристика буржуазного европейско-американского китаеведения целиком применима и ко всему

буржуазному востоковедению вообще. Действительно, если „сегодняшний Китай уже не тот, каким он был всего лишь несколько десятков лет (мы сказали бы — несколько лет. А. И.) тому назад“, то разве за этот период не произошло разительных изменений в Турции, Персии, Афганистане, Индии, Монголии — во всей Азии. Разве, чтобы „увидеть ясно истинный лик“ любой азиатской страны, можно теперь „подходить к ней с поверхностным взглядом любителя живописной старины?“

Не продолжают ли и в настоящее время империалисты относиться ко всем азиатским странам „попрежнему“, смотреть на них „как на дикарей“, и наконец разве долго живущие в Азии буржуазные журналисты попрежнему не путают и не дурачат своих соотечественников? Не удивительно, что советское востоковедение, хотя и насчитывающее всего лишь десяток лет, открыло собою новую эру в изучении Востока, и пусть мы все еще в неизмеримо меньшей степени знакомы с самыми основами и экономической и политической структуры восточных стран, чем западных, но все же известное знакомство у нас уже имеется. Беда заключается в том, что это знакомство, эти знания, несмотря на живейший интерес советской общественности к упорной героической борьбе азиатских народов, обычно недостаточно выходят за пределы сравнительно узких кругов. Мы имеем ряд специальных, с весьма ограниченным тиражом периодических изданий, посвященных Азии и Востоку, но ни одного дешевого, популярного журнала в роде, скажем, американской „Эшиа“, в легкой, доступной, а главное — занимательной форме регулярно знакомящего советского читателя с экономикой, политикой, литературой азиатских стран и прежде всего с повседневной революционной борьбой пролетариата и крестьянства Азии. В настоящий момент материала больше чем достаточно, чтобы сделать такой журнал живым, боевым, полным захватывающего интереса. Создание этого журнала, рассчитанного на самые широкие круги нашей общественности, есть, думается, одна из неотложных задач общей кампании за культурную революцию.

Не менее насущной задачей является создание широкой, популярной, занимательной литературы, посвященной Азии, для чего можно (разумеется, с большим разбором) использовать и буржуазных востоковедов. Вот почему инициатива „Молодой Гвардии“, наметившей в своей „Библиотеке экспедиций и путешествий“ целую серию

переводных и оригинальных работ, знакомящих в легко доступной форме с географией, политикой, экономикой, бытом различных азиатских стран, — такая инициатива может быть только приветствуема. Одной из первых работ этой серии является предлагаемая ниже работа англичанина Мак-Говерна, которому несколько лет назад удалось проникнуть в „неизвестную, таинственную страну“ — Тибет — с его „запретным городом“ Лхассой.

Мак-Говерн, несмотря на весь свой либерализм и „почетное звание буддиста“, является истинным сыном империалистической Великобритании. Напрасно искать в его книге марксистского освещения экономической, политической и культурной жизни Тибета. Кроме того, самый срок пребывания его в Тибете слишком краток. И тем не менее его работа представляет значительный интерес, особенно когда в ней идет речь о показаниях очевидца, чье предварительное теоретическое знакомство с Тибетом, изучение ламаизма, а также, что весьма существенно, некоторые познания в тибетском языке гарантировали автора (до известной, разумеется, степени) от неизбежных фактических ошибок всех путешественников, берущихся писать о стране, в которой они пробыли всего несколько недель.

Мак-Говерн дает увлекательно написанный рассказ о своих приключениях, знакомит с суровой природой тибетского плоскогорья, умело зарисовывает ряд живых типов, начиная от забитого тибетского крестьянина, вольнолюбивого кочевника, надменного паразита-монаха и кончая высшими правительственными чиновниками и самой далай-ламой. В то же время он, как бы мимоходом, весьма умело сообщает немало данных, касающихся истории, религии, политики, быта Тибета, равно как и империалистического внедрения Великобритании. Вероятно, кое-что из приводимых им сведений, особенно его подробное описание своего маршрута в Лхассу, представляет известный интерес и для узкого круга специалистов. Но, конечно, это не научное исследование, на что и сам Мак-Говерн отнюдь не претендует. Возбуждая живой интерес к такой своеобразной и в то же время несчастной стране, источаемой отвратительным паразитизмом бесчисленного количества лам, описание Мак-Говерна часто лишь поверхностно скользит по целому ряду интереснейших вопросов. Например, говоря о тибетских кочевниках, он по существу ограничивается лишь двумя — тремя ценными указаниями. Досадно мало сведений сообщает он и о тибетских крестьянах, хотя и то небольшое,

что он о них дает, говоря, скажем, о монастырских землях или описывая встречу им по пути процессию вновь назначенного губернатора, живо рисует все бесправие и гнет, испытываемые крестьянством.

Чего стоит один „тибетский поклон“ простолюдина, когда приходится „открывать рот, высовывать язык, а кулаки сжимать, вытягивая большой палец вверх в знак полного раболепства“, да еще получать в придачу удар кнутом от озорствующего холопа тибетского аристократа!

Однако великая волна крестьянского движения, что идет по всей Азии, докатилась, повидимому, и до забитого тибетского крестьянина. Непосильные налоги, которые требует центральное лхасское правительство, вызвали в августе 1928 г. мощное повстанческое движение в южной части Тибета.

Судя по английской прессе, поводом к восстанию явилось прибытие специальной податной комиссии. Крестьянство не только категорически отказалось от уплаты налогов, но и беспощадно расправилось с членами комиссии. Тогда из Лхассы был послан карательный отряд в 500 человек, наткнувшийся, сверх ожидания, на отчаянное сопротивление. Произошло несколько настоящих сражений. Победителями оказались повстанцы, которые вскоре захватили провинцию По и создали на местах собственную власть. Им удалось занять одну из крепостей. „Лхасское правительство,—сообщалось в английских телеграммах от конца октября 1928 г.,—опасаясь распространения повстанческого движения, производит мобилизацию, готова новую экспедицию“.

Как закончилось восстание и закончилось ли оно, ничего не известно. Британское правительство, которое лучше всех осведомлено о том, что происходит в Тибете, предпочитает по возможности меньше пропускать сведений, касающихся опекаемой им страны. Даже такое крупное для тибетской теократии событие, как острый конфликт между далай-ламой и паньчэнь-ламой (таши-лама), недостаточно освещено. Об открытом бунте в Лхассе против англофильской правящей клики, против иноземных нововведений и в частности против Царонг-шапэ, которого Мак-Говерн прочил в тибетские Бисмарки, английская пресса тоже не распространяется. Из этой прессы мы узнаем лишь, что вскоре после бегства Паньчэнь-ламы в Китай, в 1924 г., Царонг-шапэ выехал — неизвестно, с какой целью—

в Индию, но когда он вернулся, то оказался уже смещенным и вскоре умер (1925 г.), а быть может, и был умерщвлен реакционными ламами.

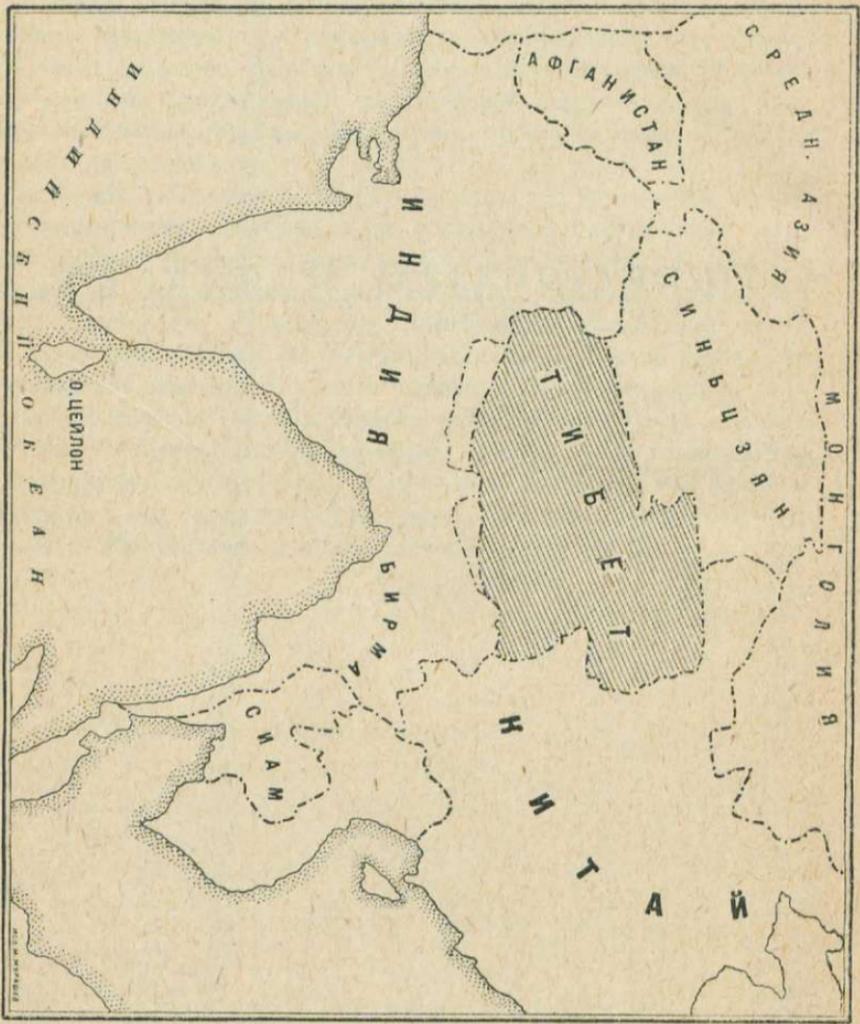
В Китае, равно как и в иностранных дипломатических кругах, особенно британских, из описываемых Мак-Говерном персонажей наибольшее внимание привлекает к себе в последнее время Паньчэнь-лама, все еще проживающий на китайской территории, чьи эмиссары, покровительствуемые нанкинским правительством, проявляют необычайную активность.

В Пекине, в Ганьсу, в Сычуане, а также во внутренней Монголии представители Паньчэнь-ламы организуют политические бюро, субсидируемые Нанкином, целью которых является, как об этом свидетельствуют выпускаемые ими воззвания, избавить Тибет, этот „пограничный бастион“ Китая, от „англофильской клики“, возглавляемой далай-ламой, клики, не стесняющейся быть „слугою тигра, уже несколько лет угнетающего Тибет наравне с Индией и Бирмой“.

Таким образом так называемый тибетский вопрос, то или иное разрешение которого непосредственно интересует не только Китай, Великобританию, Внутреннюю, а отчасти и Внешнюю или Красную Монголию, вновь выдвигается на очередь дня, что, разумеется, придает книге Мак-Говерна интерес подлинной актуальности.

А. Ивин

ПЕРЕОДЕТЫМ В ЛХАССУ

Положение Тибета в Азии

ГЛАВА I

ТИБЕТ И ТИБЕТЦЫ

Долго Тибет оставался неизвестной, таинственной страной, а его столица Лхасса — запретным городом будд, в который тщетно пытались проникнуть отважные исследователи. И природа и жители сделали страну почти недоступной. Огромное плоскогорье, занимаемое ею, имеет среднюю высоту в 4572 м над уровнем моря, т. е. высоту Монблана, высочайшей вершины Европы. Оно окружено и пересечено горными цепями еще более высокими — часто превышающими 6096 м — покрытыми вечными льдами и снегами.

Тибет, занимающий площадь свыше миллиона квадратных километров, лежит между двумя плодородными странами — Индией и Китаем. Это — чрезвычайно холодная страна, почти сплошная пустыня: здесь только местами растет тощая трава, которой питаются олени, дикие ослы, яки да стада овец и рогатого скота. Культивируется исключительно ячмень, созревающий лишь в более защищенных частях территории. Но непочатые недра укрывают огромные, почти неисследованные запасы рудных богатств. Жители рассеяны на обширном пространстве. Они ревниво оберегают его от иноземного вторжения. Многие из них — кочевники, с места на место передвигающиеся со своими стадами. Иные живут кучно в деревнях. По соседству с более крупными городами,

на высоких горах или на краях глубоких пропастей стоят старинные гигантские каменные крепости, грозно смотрящие на равнину. Еще более многочисленны монастыри, потому что Тибет — страна монахов: на четверых мужчин один приходится духовного звания. Монахи живут общинами в обширных зданиях, расположенных вдалеке от жилья. Однако монастыри не являются мирными обителями: множество „воинствующих монахов“ проводит время в ссорах и драках. Это — дерзкие, дикие люди. Случается, что один монастырь затевает войну с другим, иной раз банды монахов врываются в города, хватают и изрубают на куски какого-нибудь не нравящегося им местного администратора. Монастыри, насчитывающие сотни и тысячи монахов, держат в страхе целые округа.

В самом сердце этой мрачной страны находится священный город Лхасса. Здесь живет далай-лама, царь и верховный жрец своего народа, видящего в нем воплощенного бога. В своем великолепном дворце, в Потале, он в торжественных случаях окружается всей помпой, подобающей обожествленному лицу. На прием и на поклонение к нему являются с богатыми дарами паломники со всех концов Тибета.

Тому, кто пожелает проникнуть в Лхассу, предварительно предстоит преодолеть огромные физические трудности, встречающиеся на пути к порогу страны. Даже в том случае, если он и выйдет победителем из льдов и снегов, крутых ущелий и отвесных скал, то по прибытии на плоскогорье встретит озлобленное население, которое станет загораживать ему путь и настаивать на немедленном уходе. С давних времен неоднократно, с помощью различных переодеваний, делались

попытка избежать обратной высылки с границы, и смелые исследователи не раз проникали в глубь страны, но всегда лишь с тем, чтобы рано или поздно, но до достижения Лхассы — жилища богов — быть все-таки

Ламы - танцовщики в масках.

узнаанными и задержанными. Из более известных исследователей давнего времени мы назовем шведа Свен Гедина и американского ученого В. Рокхилля. Попытки последних лет были более удачны. Сэр Фрэнсис Ионгхэзбенд, сэр Чарльз Белл и генерал Перейра проникли до цели и пролили много света на неизвестные до них стороны жизни центрального Тибета. Военная экспедиция Ионгхэзбенда в 1904 году лишь временно повлияла

на изменение внутреннего уклада страны, и Тибет вновь, даже более чем когда-либо, стал таинственной, неизведанной страной, а Лхасса — запретным городом.

Благодаря любопытным нововведениям и страна и столица за последние годы стали особенно достойны изучения. Интригующая тайна, связанная с господством монахов, из которых многие почитаются подобно божествам, двери, закрытые для всякого пришельца, остались, но при всем том появилось много интересного для всех изучающих экономику, политику и дипломатию Тибета. Все мы знаем об удивительном перерождении Японии, превратившейся в конце прошлого столетия из старинного сказочного государства, замкнутого от внешнего мира, в первоклассную современную державу, организованную по западному образцу. Подобное же преобразовательное движение совершается теперь и в Тибете. Оно может оказать большое влияние на политическую будущность восточной Азии. До 1912 года Тибет был вассалом Китая, не имел ни постоянной армии, ни соответствующего военного устройства. Ныне китайцы изгнаны, Тибет независим. Он имеет регулярную армию, постоянно возрастающую в численности. Между значительными центрами установлено правильное почтовое сообщение, в Лхассе есть телефон и телеграф, хотя и примитивные, и фундаментальный признак современной европейской культуры — бумажные деньги. Управление страной значительно видоизменилось. Далай-лама, первосвященник тибетского буддизма — не номинальный, как его предшественники, а фактический единодержавный повелитель страны. Долго в Тибете существовало два учреждения: совет шапэ, или министров — кабинет, и тсонгду, или национальное

собрание—тибетский парламент. За последнее десятилетие эти учреждения эволюционировали и по типу приблизились к соответствующим европейским учреждениям, так что ныне конституционные кризисы уже не редкость и в далеком Тибете. Любопытно, что реформы нисколько не повлияли на изолированность Тибета, — наоборот, кольцо сжалось как-будто еще теснее. Раньше, например, в Лхассу допускались китайцы, теперь же и они под запретом. Новые учреждения — почта и телеграф, к примеру — служат самым действительным средством для воспрепятствования допуску европейцев, так как обеспечивают постоянную связь между границами и столицей.

В настоящий момент Тибет представляет особо заманчивую арену и для искателя приключений и для исследователя. Меня лично в Тибете одинаково интересовали и прошлое и настоящее, в котором таятся зародыши будущего. Как антрополога, меня привлекал тибетский народ — его обычаи, язык, религия, литература. Я стремился изучить эволюцию государственных учреждений этой скрытной теократической империи и узнать, какое влияние смогут оказать реформы на взаимоотношения окружающих эту империю народов. В прошлом я посвятил много времени теоретическому изучению тибетского языка и обычаев; использовать и расширить накопленные знания мне пришлось в совершенно исключительных условиях. Обстоятельства заставили меня перевалить 5486-метровый перевал в Тибет зимою. Когда я проник в страну, мне пришлось одеться тибетским кули и путешествовать под его видом.

Я достиг Лхассы. Здесь я имел неосторожность добровольно признаться властям. Результатом было народ-

ное восстание, возглавленное монахами. Правительство взяло меня под свою защиту. После шестинедельного пребывания в Лхассе мне было разрешено вернуться в Индию, и для безопасности был дан конвой.

Так закончились мои приключения, но за это время успел приобрести бесценные манускрипты, узнать и хотя увидеть важнейших государственных деятелей и использовать выпавшие на мою долю случаи для изучения быта и учреждений тибетского народа.

ГЛАВА II

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Подготовкой к моему рискованному предприятию послужила научная экспедиция, предпринятая в 1921 году четырьмя английскими учеными, в которой меня пригласили участвовать в качестве человека, знакомого с тибетским языком и обычаями.

Приступили к выбору направления. В Тибет можно войти с востока через Китай, с запада — через Кашмир и Северную Индию и с крайнего северо-востока Индии, отделенного от Тибета небольшим полусамостоятельным государством Сиккимом, лежащим между двумя более значительными странами, Непалом и Бутаном, и цепью Гималаев. Избран был последний путь, ведущий через перевал Джелап и долину Чумби непосредственно в центральную часть Тибета, включающую обе ее столицы — Шигацзе и Лхассу.

В результате экспедиции Ионгхэзбенда англо-индийское правительство выговорило себе право отряжать в исключительных случаях специально избранных лиц в два пункта Тибета, что также являлось для нас большим преимуществом. Первый из этих пунктов, город Ятунг, расположен в долине Чумби, непосредственно у тибетской границы; второй — город Гианцзе — километрах в 75 от границы Сиккима. Лицам, получившим разрешение посетить эти места, предписывается дер-

жаться прямой линии, отнюдь не уклоняясь в сторону от главного торгового тракта.

Англо-индийское правительство дало нам разрешение отправиться в Гианцзе и там обратиться к тибетскому правительству за разрешением войти в Лхассу и другие части страны; в дальнейшей помощи нам было отказано.

В июле 1922 года экспедиция отплыла в Индию, прибыв в Калькутту в середине августа, в разгар индийского лета, когда термометр показывает 110° в тени. Закупив все необходимое для походной жизни в Тибете, мы по железной дороге поехали в Дарджилинг.

Дарджилинг лежит на одном из крайних отрогов Гималайского хребта, на высоте 2134 м над уровнем моря. Там прохладно и летом — город сделался летней столицей Бенгалии. Шестьдесят лет тому назад он был небольшой деревней, составлявшей часть территории, отнятой англо-индийским правительством у независимого горного государства Сиккима под видом репараций. Сейчас Дарджилинг — цветущий город. Территория, захваченная вместе с ним, носит название английского Сиккима; она покрыта чайными плантациями, во главе которых стоят европейцы; европейское население немногочисленно; высшие чиновники бенгальского правительства построили свои виллы на склонах гор, но живут в них только летом. Местное население многочисленно. Большой дарджилингский рынок — сборный пункт для всех рас и каст. Низший слой составляет коренное население Сиккима. Сиккимцы — тибетцы, сравнительно недавно поселившиеся к югу от Гималаев; они сохранили внешность, язык и религию своих тибетских предков. В районе Дарджилинга сохранилось три тибетско-буддийских монастыря, За последние годы при-

бавилось много поселенцев с индийских равнин — инду-сов или магометан. Для них в центре города воз-двигнуты индуcский храм и мечеть. Много пришельцев и с окраины Британской Индии, из независимых частей Сиккима, из Бутана, Непала и Тибета.

В Дарджилинге я провел большую часть времени в обществе сиккимцев и тибетцев, сам превратившись в туземца. Между тибетцами было много лам, пришед-ших на богомолье к святыням буддизма. В самой Индии буддизм давно исчез.

Долгие беседы явились для меня практикой в тибет-ском разговорном языке и в то же время обогатили наши скудные познания об условиях жизни, существую-щих в запретной стране.

В организации перевозочных средств и в приискании слуг нам оказал большую помощь сиккимец Ладен-Ла, весьма известное в Дарджилинге лицо. Он — сын мел-кого землевладельца, с детских лет служил в полиции, успел там отличиться; по выходе в отставку с чином капитана последовательно занимал разные высокие должности, а во время нашего пребывания в Индии был назначен почетным адъютантом лорда Литтона, губернатора Бенгалии, что для туземца является делом неслыханным. Неофициально он занимает еще более высокое положение, являясь в полном смысле слова некоронованным королем всего дарджилингского округа. Ладен-Ла держит в руках все туземное население; без его санкции ни один туземец не может поступить на службу — назначения и увольнения всецело зависят от его усмотрения; преимущественно его распоряжениям, например, следует приписать быстрое и почти полное подавление в Дарджилинге охватившего всю Индию ган-

дийского движения. По восточному обычаю он всегда охотно принимал, как знак уважения к себе, всякие подношения от лиц, от него зависящих, так что в настоящее время он — богатый человек. Счастливый случай свел его с верховными правителями Тибета — с таши-ламой, а позднее и с далай-ламой. По назначению англо-индийского правительства он дважды приставлялся к высокопоставленным гостям в качестве проводника и охранителя, в результате чего был награжден титулом почетного канцлера двора далай-ламы и званием „де-пёна“, т. е. генерала новой тибетской армии. Вскоре после моего отъезда из Тибета он был приглашен в Лхассу, где далай-лама поручил ему организацию полицейского кадра для охраны своей столицы.

Гужевой транспорт на перевалах исключен, да в Тибете он и вообще неизвестен. Для себя и для носильщиков мы припасли пони, а для багажа — мулов. Я назначил днем отъезда 5 сентября, но приглашенный мной в качестве секретаря тибетский лама, прозванный нами Тоби, объявил, что это несчастный день. Тибетцы очень суеверны, и счастливые и несчастные дни и числа играют у них большую роль: вторник, четверг и суббота считаются днями, в которые не следует пускаться в новое предприятие, в то время как понедельник, среда и воскресенье — счастливые дни. Девятое, тринадцатое, девятнадцатое и двадцать первое числа — счастливые числа месяца, и Тоби охотнее всего подождал бы до девятнадцатого числа, совпадавшего с воскресным днем. Удалось сговориться на шестом числе, падавшем на среду, с тем условием однако, чтобы двинуться ровно в 9 часов, т. е. в самый счастливый час данного числа и дня. Тибетцы, вынужденные отправляться в путешествие в несчастли-

вый день, зачастую посылают с кем-нибудь вперед свою шляпу или другую принадлежность одежды, в которую они облачаются, уже отъехав хотя бы на небольшое расстояние от дома: этим они рассчитывают обмануть богов и заставить их поверить, что они выехали в положенное время.

Я в сопровождении секретаря, местного ламы, моего личного слуги, носильщика Лхатена и двух кули пустился в путь несколькими днями раньше остальных, с тем, чтобы посетить магараджу Сиккима в его столице Гантоке. Дождь нам сильно мешал. Вскоре пришлось сделать остановку в деревне Песхок. На следующий день удалось добраться до реки Тисты. Через нее перекинут величественного вида мост, оказавшийся однако сгнившим.

После продолжительного подъема мы на второй день после обеда очутились в Калимпонге. Это — последний передовой пост англо-индийского правительства и большой торговый город. Тибетцам вход в Индию разрешен, и Калимпонг является встречным пунктом для торговцев из Тибета и Индии. Его, как важный торговый центр, называют портом Тибета. Тут, особенно на ярмарках, можно встретить образчики множества человеческих рас, преимущественно же сиккимцев, бутанцев и тибетцев, представляющих богатейший материал для антрополога. Калимпонг составляет часть территории, отнятой у Бутана, и центр округа, известного под именем Британского Бутана. Он лежит на высоте 1524 м, т. е. на 610 м ниже Дарджилинга. Тибетцы для сношения с Индией явно предпочитают Калимпонг Дарджилингу, и есть основание полагать, что первый из этих городов будет продолжать расти, а второй постепенно

потеряет свое значение. Социальное различие между обоими городами еще значительнее: Дарджилинг—по преимуществу административный центр, миссионеры в нем большой роли не играют, в Калимпонге же они, наоборот, господствуют.

Дипломатические сношения между британским правительством, с одной стороны, и Непалом и Бутаном, с другой, существуют уже давно, но обе страны сохранили свою независимость. Сикким номинально тоже независим, но британский контроль там гораздо сильнее. Английский политический агент постоянно живет в Гантоке, столице Сиккима, пользуясь большим влиянием в вопросах местной и внутренней жизни. Сикким, так же, как и другие так называемые туземные государства, автономен: имеет свои законы и суды, своих министров, свой государственный совет, свою налоговую систему и свою оборону. Ни один европеец не может проникнуть за его границы, не имея специального паспорта.

Вскоре после вступления в Сикким мы остановились для ночевки в деревне Ронгпо, в влажной, теплой долине Тисты. В этой части Сиккима свирепствуют малярия и другие тропические болезни, воздух кишит ядовитыми насекомыми.

К Гантоку ведет хорошая дорога. Мы пошли по ней на следующий день.

Глава III

БРИТАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В СИККИМЕ

После одной из своих карательных экспедиций в Сикким правительство заставило магараджу построить в стране и содержать несколько больших дорог и воздвигнуть определенное число государственных домов отдыха. Дорогами пользуются все жители, но дома отдыха открывают свои двери только для самого магараджи и одного — двух чинов его двора; построены они главным образом для британского правительства. Эти дома отдыха или „дак-бунгалло“ — красивые маленькие виллы в три — четыре комнаты с пристройками для слуг и животных. Они хорошо обставлены, но согласно обычаю путешественники привозят постельное белье с собой и пользуются своей прислугой. При доме отдыха живет только сторож, „човкидар“. Продукты покупаются на местных базарах.

Вскоре начался длинный подъем. Через несколько часов мы были в Гантоке, столице Сиккима. Я устроился в „дак-бунгалло“, а несколько минут спустя личный секретарь магараджи зашел приветствовать меня от его имени и сообщил, что магараджа примет меня на следующее утро, в одиннадцать часов.

В назначенное время я отправился во дворец. Он состоит из двух зданий, из которых одно выстроено в тибетском стиле, другое — в европейском. Магараджа

оказался очень предупредительным молодым человеком, лет двадцати пяти, бледным, худым, на вид довольно нервным и малокровным. Государственные дела его, видимо, не особенно интересовали, хотя он и считал долгом относиться к ним серьезно. Его любимое занятие — фотографирование; он посвящает также немало времени своим домашним животным.

Магараджа воспитывался в школе св. Павла в Дарджилинге. Он отлично говорит по-английски, но в присутствии его жены, уроженки Лхассы, очень энергичной, повидимому, особы, разговор велся на тибетском языке. Магараджа говорит по-тибетски с сильным сиккимским акцентом и употребляет множество местных выражений. Я понимал его хорошо.

В теории управление государством находится в руках магараджи и государственного совета, члены которого большею частью принадлежат к сиккимской земельной аристократии; все они — туземцы. Туземным государственным деятелям разрешается исполнять свои обязанности согласно собственным желаниям, поскольку нет явных злоупотреблений или вмешательства в дипломатические дела.

На следующий день я познакомился с ближайшим помощником магараджи, англичанином, положение которого отчасти раскрывает настоящий характер отношений, существующих между Сиккимом и англо-индийским правительством.

Английский политический агент, облеченный огромной властью и назначаемый вице-королем Индии, в сущности является послом; его пост чисто дипломатический, и внутренняя администрация страны мало его касается. Поэтому для контроля над туземным элементом

к магарадже приставлен так называемый „личный помощник“. На нем лежит обязанность помогать магарадже во всех государственных делах, а также следить за администрацией и предупреждать злоупотребления.

Сиккимцы необыкновенно ленивы и флегматичны, и иммиграция непальских земледельцев послужила стране на пользу; ныне в Сиккиме на каждого сиккимца приходится до десяти непальцев. Несколько десятков лет тому назад население Сиккима состояло из трех—четырёх тысяч человек племени лепча и несколько меньшего количества сиккимцев. За первоначальных жителей страны принимают лепча. Это — робкий, ребячливый, неумный, любящий природу народец, который и сейчас пытается жить в горах и далеких лесах. Лепча, по всей вероятности, сродни тибетцам, но у них свой язык и своя, совершенно особая примитивная культура. Так называемые сиккимцы — тибетцы, за последние триста лет пришедшие с севера и занявшие место лепча.

Магараджа любезно предложил снабдить меня свежими мулами для дальнейшего пути. На следующее утро я тронулся в трехдневное путешествие, которое должно было довести меня до перевалов, т. е. в долину Чумби, в Ятунг, где ждали меня спутники.

Узкая дорожка, высеченная вдоль скал, все время шла в гору. В некоторых местах она имела не более третьей части метра в ширину; под нами зияла пропасть в 600 м глубины. Впечатление было очень сильное, особенно благодаря тому, что мой мул настаивал на том, чтобы двигаться по самому краю обрыва. Летом эту дорогу часто совершенно смывает, зимою она загромождена снегом; пробраться по ней можно только весной и осенью.

Ганток лежит на высоте 1829 м над уровнем моря. На следующий день я был в Карпонанге, на высоте 2.896 м, а через день — в Чангу, где на высоте 3810 м над уровнем моря лежит великолепное озеро; следующий день привел меня к перевалу Нату, отделяющему сиккимскую территорию от тибетской; он лежит на высоте 4267 м. На перевале Нату снег зимою лежит нередко на 10 м глубины. Здесь находится, очевидно, центр зарождения больших ветров и гроз. Несмотря на суровость ландшафта, вид с вершины вознаграждает за все трудности пути. Вдали виднелся снежный конус священной горы Чумолхари, у подножия которой начинается тибетское плато; непосредственно подо мной лежала долина Чумби, любопытный аванпост тибетского государства, только в этом месте распространяющегося к югу от Гималайских хребтов

Тут пришлось спуститься в густо населенную долину, чтобы уже по ее склонам добраться до обнаженного тибетского плато. Спуск не менее труден, чем подъем. Дорогой служит почти отвесная, извилистая тропа, где мулу приходится шагать в таком положении, что его хвост поднят вертикально над головой. Редкий караван проходит здесь без какой-либо катастрофы.

Был сентябрь, но местами попадался еще прошлогодний снег, который не смогло растопить даже палящее летнее солнце. Мы с трудом добрались до основания долины, и я бегло ознакомился с живописными деревнями, там расположенными. Во многих отношениях она резко отличается от всех других частей Тибета. Узкая долина Чумби образует как бы клин тибетской территории, врезающийся между Сиккимом и Бутаном; как и в этих местностях, здесь склоны гор лесисты и

орошаются обильными ежегодными дождями. Меня особенно интересовала долина Чумби, лишь случайно не ставшая частью британских владений.

После успешной экспедиции Ионгхэзбенда в 1904 году Тибет обязался выплатить английскому правительству 7 500 000 рупий (500 000 ф. ст.) в виде репараций. До окончательной выплаты этой суммы, рассроченной на 75 лет, Англия получала долину в аренду, что практически равнялось аннексии. Однако дело приняло другой оборот. С приходом к власти либералов сумма репараций оказалась сокращенной на две трети. В то же самое время Китай, озабоченный тем, чтобы очистить Тибет от английских оккупантов, выступил с предложением немедленной выплаты долга Тибета. Последовало согласие, и английской оккупации в Чумби пришел конец, но тем не менее английское правительство сохранило за собой право держать там своего коммерческого агента и небольшой отряд солдат для его охраны. Управление округом вновь перешло в руки тибетских чиновников.

Английское агентство находится в деревне Ятунг (Новый Ятунг), которую тибетцы называют Самимой, куда я прибыл в тот же день. По развевающемуся флагу я тотчас же узнал дом, занимаемый агентством, и направился к нему, чтобы сделать официальный визит агенту. „Коммерческий агент“ назначается не министерством иностранных дел, а индийским департаментом, чем и объясняется это не совсем подходящее звание. Должность эта фактически консульская. В настоящее время этот пост занят Макдональдом. Его отец — шотландец, владелец чайных плантаций близ Дарджилинга, мать — сиккимка; жена — непалка; из его дочерей одна замужем

за англичанином. Так как непальский язык, т. е. родной язык его матери, собственно говоря, лишь разновидность тибетского языка, то Макдональд прекрасно владеет этим последним и как нельзя более подходит для роли посредника между тибетцами и английским правительством. Интересно отметить, что и он, несмотря на личную дружбу с далай-ламой, по причине текущей в его жилах шотландской крови, не имеет права уклоняться с так называемого торгового тракта, т. е. с узкой полосы земли, соединяющей Ятунг с городом Гианцзе.

При мне прибыл в Ятунг политический агент майор Бэлей, на которого также возложены дипломатические сношения с Бутаном и Тибетом. Доступ в Лхассу закрыт и ему. В былые дни подобный запрет мешал майору Бэлей бывать в маленьком Бутане, но умелая политика постепенно этот запрет смягчает. Бутанцы имели много сходства с шотландскими разбойничьими баронами, когда-то тревожившими своими набегами англичан. От бутанцев не было покоя. Правительство сочло себя вынужденным отнять у Бутана добрую часть его территории, известную теперь под именем Английского Бутана. Впрочем, бутанскому правительству ежегодно выплачивается денежная сумма. В Бутане было два магараджи, из которых один был духовным правителем, а другой — светским, но ни тот, ни другой не имели достаточной власти над губернаторами округов. Назревала необходимость перемены политики. В 1904 году губернатор (пёнлоп) Тонгса стал самым влиятельным лицом в Бутане. Он оказал существенную помощь экспедиции Ионгхёзбенда и, по совету тогдашнего политического агента в Сиккиме Уэйта, не только был награжден почетным титулом, но и получил возможность объявить себя

первым наследственным магараджей Бутана. Энергичному правителю удалось объединить разрозненные части государства. Новый монарх не забыл оказанной ему услуги: майор Бэлей — политический агент в Сиккиме — не раз наносил официальные визиты столице Бутана, но рядовому англичанину доступ в нее еще не открыт. Майор Бэлей — чрезвычайно способный человек, не раз тайно побывавший в Тибете. До Лхассы однако он добрался только раз, вместе с экспедицией Ионгхэзбенда. Мне интересно было узнать его мнение относительно того, как сложатся в будущем отношения между Индией и Тибетом. Ведь многое зависит от него самого, и существует два взгляда на ту линию, которой следует придерживаться с восточными народами. Предшественник Бэлея, сэр Чарльз Бэлл, никогда не пытался давить на тибетцев, а стремился к тому, чтобы заручиться их симпатией. Для этой цели он даже считал нужным применяться к их суевериям — он между прочим воздерживался от охоты, от употребления рыбы и курения табака. Такое чрезмерное внимание к туземным обычаям, не всегда достигающее успеха, в данном случае сотворило чудеса. Что касается майора Бэлея, то он придерживался того принципа английской политики, который считает это ниже своего достоинства. Макдональд, номинально считающийся подчиненным майора Бэлея, — протэже сэра Чарльза Бэлла. Это обстоятельство придает довольно своеобразный характер взаимоотношениям между коммерческим и политическим агентами.

В Тибете благодаря суровому климату произрастает только ячмень. В Сиккиме главный хлебный злак — рис,

который дал стране ее тибетское название „Дрендусонг“, что значит „Страна риса“. В долине Чумби главный злак — пшеница, тибетское название долины — „Тромо“, т. е. „Страна пшеницы“.

Этнографически и географически Чумби резко отличается от Тибета, и хотя ее жители, подобно сиккимцам и бутанцам — тибетского происхождения, но говорят на своем собственном наречии и имеют много самобытных обычаев; они отличаются своей красотой от других тибетских народностей.

Из Ятунга, дождавшись своих спутников, я отправился дальше, получив определенные и несколько неожиданные приказания от английского политического представительства в Гантоке. Оно вручило нам специальные паспорта для въезда в тибетский город Гианцзе, взяв с нас клятвенное обещание не уклоняться с прямого пути и в случае нежелания Тибета пропустить нас дальше тотчас же вернуться в Индию.

ГЛАВА IV

НА ТОРГОВОМ ТРАКТЕ

Раньше, чем пуститься в путь, мы решили сделать визит тибетскому „депёну“, высшему сановнику долины Чумби, на которого возложены сношения с британским торговым агентом.

Нас встретил старый, китайского типа дипломат. Уверая, что с нашим приходом тибетские пустыни покроются цветами лотоса, и витиевато льстя нам, он обдумывал письмо, которое тотчас же после нашего ухода отправил в Лхассу. В нем он советовал правительству не иметь с нами никакого дела.

Недалеко от Ятунга находится монастырь Чумби, славящийся своим ученым игуменом, а также известным далеко за пределами страны „прорицателем - ясно-видящим“. Я зорко за ним наблюдал и нашел, что его „приемы“ соответствуют приемам наших медиумов. Он впадал в транс и в состоянии одержимости произносил полусвязные слова. Его „пророчества“ очень смутны.

Покинув монастырь, мы вскоре подошли к деревне Гаутса, последней деревне в долине Чумби. Теперь нам предстояло жить на пустынной „Крыше мира“. На следующий день мы вышли из овраго-долинной формации и очутились на большом тибетском плоскогорьи,

на широких обнаженных равнинах, окаймленных волнообразными горами, достигающими однако 5 500—6 000 м высоты над уровнем моря.

ТИБЕТЕЦ - „ПРОРИДАТЕЛЬ“ В НОРМАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ.

После нескольких часов пути по плато мы увидели замок Пари, лежащий в центре большой равнины Пари, а на заднем плане — священную гору Чумолхари. Достигнув города Пари, мы раньше всего заметили крошечный священный островок посреди замерзшего озера; на этом островке, на высоких шестах, развевались по ветру молитвы, уничтожающие, по тибетскому верованию, грехи людские; здесь утром и вечером жгут ладан, сладкий запах которого умиротворяет темных демонов

ночи. За островом молитв, как бы охраняемый им, стоит большой замок Пари, гигантский укрепленный аванпост, стерегущий эту часть тибетской границы.

ТИБЕТЕЦ - „ПРОРИЦАТЕЛЬ“ В ТРАНСЕ.

С крыши замка мы насладились видом на панораму Пари, по праву заслужившего репутацию самого грязного города в мире. Благодаря тому, что отбросы веками выбрасывались на улицу, почва почти сравнялась с крышами домов, которые кажутся выстроенными ниже уровня земли. Пари как бы зарыт в собственной грязи. Тем не менее развевающиеся на всех крышах молитвенные флаги придают ему живо-

писный вид. За окраинами города расстилаются поля, засеянные ячменем, но здесь, на высоте 5000 м и под влиянием гималайских ледников, ячмень редко вызревает и только солома идет на корм скоту.

На следующий день мы были поражены красотой горы Чумолхари. Вершина ее достигает 7296 м, крутые склоны и отвесные ледники делают восхождение на нее почти невозможным. Величественная красота Чумолхари не могла не произвести глубокого впечатления на народную фантазию: тибетцы чтут эту гору как богиню вечных снегов и верят, что на ней обитают гномы, демоны и эльфы, играющие вообще большую роль в тибетском фольклоре.

Наше продолжительное путешествие до Гианцзе каждый вечер прерывалось стоянкой в одном из государственных домов отдыха, построенных Ятунгом и Гианцзе и пригодных для военных целей.

Была осень. Проходя через деревни, мы заставляли крестьян за уборкой урожая. Тибет — не земледельческая страна: для этого он слишком суров и холоден. Сеять там можно только ячмень: это — необычайно выносливый злак. Молотьба производится способом, известным с незапамятных времен, а именно: все члены семьи ходят по колосьям и вытаптывают зерно. Вместе с людьми работает и медленнодвигающийся тибетский рогатый скот — помесь индийского рогатого скота с тибетским яком.

Много дней шли мы не спеша по равнинам и долинам, встречая только маленькие деревни, и наконец увидели вдали город Гианцзе, нашу ближайшую цель.

ГЛАВА V

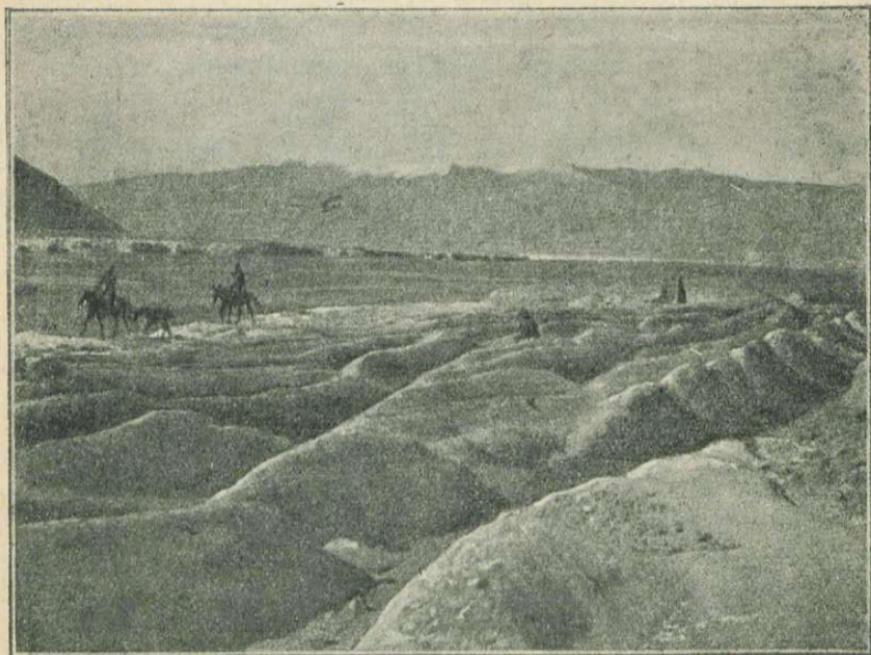
БРИТАНСКИЙ АВАНПОСТ ГИАНЦЗЕ

Гианцзе расположен на расстоянии 224 км от границы. Это — третий по величине город Тибета, административный центр большого округа. Как и везде в Тибете, большой каменный замок, возвышающийся на горе, посредине равнины, господствует над городом и давит его своим величием. Замок Гианцзе — один из самых величественных во всем Тибете. На расстоянии километров двух от замка англо-индийское правительство воздвигло укрепленный блокгауз, где помещаются британский торговый агент и его конвой. Этот вооруженный конвой необходим для предупреждения покушения на жизнь агента со стороны туземцев. Агент, последовавший за нами из Гантока и перегнавший нас по пути, оказал нам очень любезный прием. Форт соединен проводами с Ятунгом и Калимпонгом, так что агент имеет возможность немедленно сообщать правительству о всех важных событиях, имеющих место в Тибете.

Британский агент указал нам, куда следует обратиться с просьбой о пропуске нас дальше — в Лхассу.

Учреждение британского агентства в Гианцзе явилось прямым результатом известной экспедиции Ионгхэзбенда.

Мы начали с того, что поднялись к замку и сделали визит губернатору, но самое важное значение имел

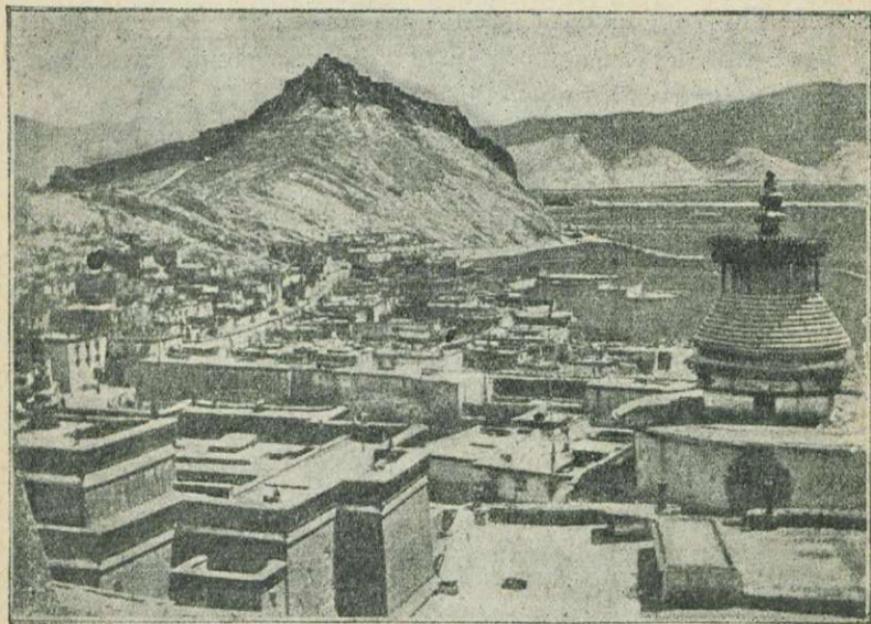

Дорога в Гианцзе.

официальный визит тибетскому торговому агенту, „кенчунгу“, на обязанности которого лежат сношения с британским торговым агентом в Гианцзе. Депен в долине Чумби по своим функциям скорее консул, а кенчунг — как бы тибетский посол, хотя и живет он в своей собственной стране.

Кенчунг — только на три четверти тибетец; в нем есть китайская кровь, а многолетнее пребывание в Китае научило его дипломатическому искусству.

Кенчунг принял нас очень церемонно и, выслушав, заявил, что сам он бессилен дать ответ и что пошлет

Гьянцзе. Третий по величине город Тибета.

запрос в Лхассу, изложив наше ходатайство. В ожидании ответа нам предписывалось ни на шаг не углубляться в тибетскую территорию, но разрешалось сколько угодно гулять по городу.

Период ожидания затянулся месяца на два, но время это прошло для нас не даром. Часть его была посвящена визитам местной знати, имевшим целью завоевать симпатии туземцев, а несколько часов в день мы проводили в прогулках по оживленному рынку и по населенным рабочим людям извилистым улицам города.

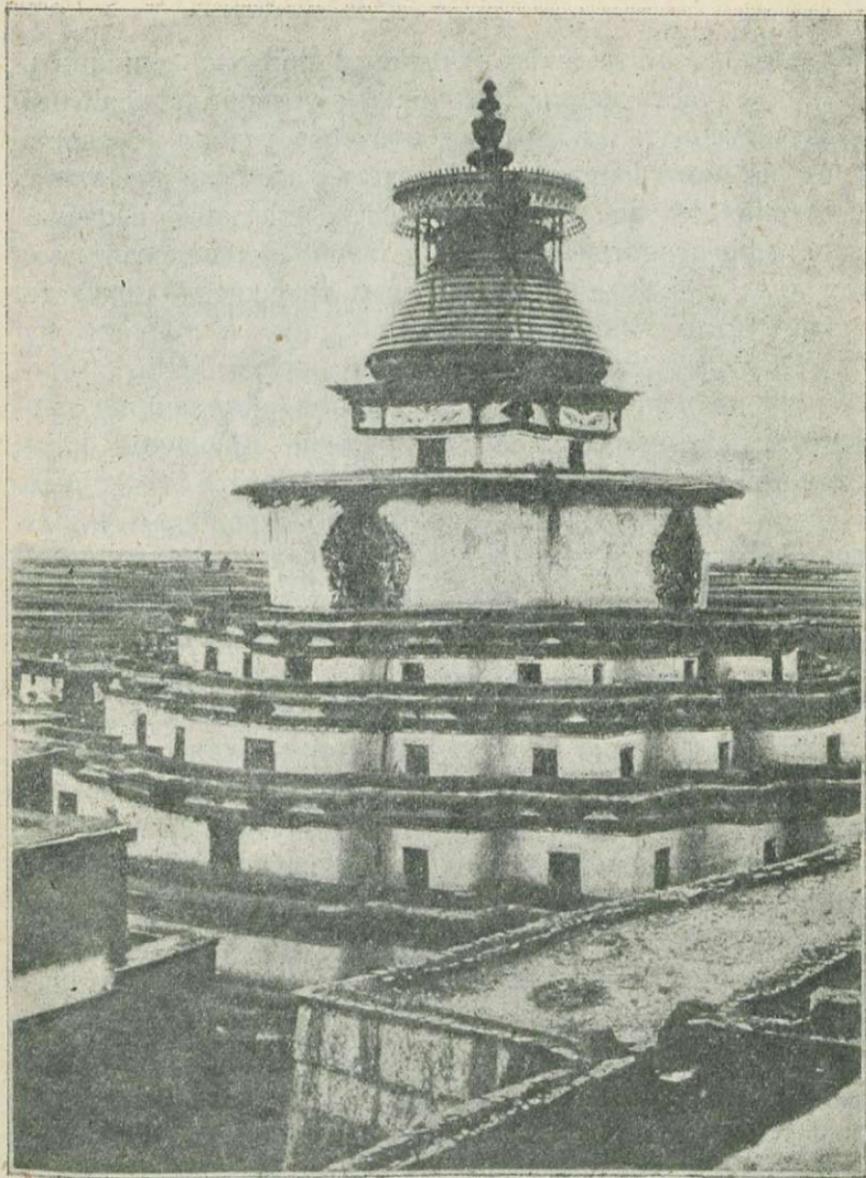
Рыночная площадь и большая часть зданий, в которых размещены правительственные учреждения, принадлежат

монастырю. Этот монастырь мы посетили не раз, конечно. По тибетскому представлению он не особенно велик, так как вмещает всего лишь тысячу монахов, тем не менее историческое значение его весьма значительно. В распоряжении монахов имеется около двадцати строений. Важнейшее из них — „дю-канг“ или большой зал для собраний, в котором расставлены главнейшие изображения божеств; здесь монахи ежедневно собираются для чтения литургии и совершения религиозных церемоний. У входа — с каждой стороны по два — помещены огромные изображения хранителей четырех частей света.

Мы осмотрели также огромный склад, хранящий зимние запасы монахов, состоящие из сушеного якового мяса и ячменной муки. На склоне горы расположена резиденция ламы Тродампы, старшего игумена монастыря.

Я надел полное церковное облачение, поднесенное мне в дар буддийским храмом в Киото в знак моего почетного посвящения в буддисты, и сделал визит старому ламе. Мы долго беседовали, и, благодаря его доброте, я был допущен в библиотеку храма, хранилище ценных, всеми забытых рукописей. Я иногда брал их к себе в дом отдыха и сделал в них много интересных находок. Это еще больше разожгло мое желание попасть в Лхассу, где, конечно, хранится гораздо больше литературных материалов.

Скучать не было времени, но все мы изо дня в день с волнением ждали благоприятных вестей из столицы. Увы! Наши надежды внезапно рушились: в одно прекрасное утро к нам явился сам кенчунг и сообщил, что ответ получен: въезд в Лхассу нам не разрешен.

Гиндза. Золотая пагода.

Мы сделали последнюю отчаянную попытку выполнить хотя бы часть наших планов: мы уговорили кенчунга ходатайствовать снова — на этот раз только за двоих. Трое из моих спутников тотчас же выбыли в Индию, с остановкой по пути для географического исследования окрестностей горы Чумолхари. Мы полагали, что для двух лиц будет легче получить разрешение приехать в запретный город, чем для пятерых, и просили, на случай отказа, позволения хотя бы посетить Шигацзе — второй по величине тибетский город, резиденцию знаменитого таши-ламы, центр крупной церковной организации, или в крайнем случае провести несколько месяцев в Гианцзе для продолжения наших научных изысканий. Через две недели пришел ответ, не оставлявший уже никакой надежды.

Первой моей мыслью было немедленно осуществить мой план — добратсь до запретного города тайно. Но я был связан обещаниями, данным британскому агенту в Гантоке, и решил вернуться в Дарджилинг.

Через перевал Джелап мы в конце ноября возвратились в Индию — как-раз во-время, так как уже начиналась снежная буря, продлившаяся несколько дней и приостановившая на много недель всякое сообщение. Мы прибыли в Дарджилинг 9 декабря. Тут я почувствовал себя свободным от взятого на себя обязательства и принялся за приготовления к новой экспедиции.

ГЛАВА VI

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К НОВОЙ ПОПЫТКЕ

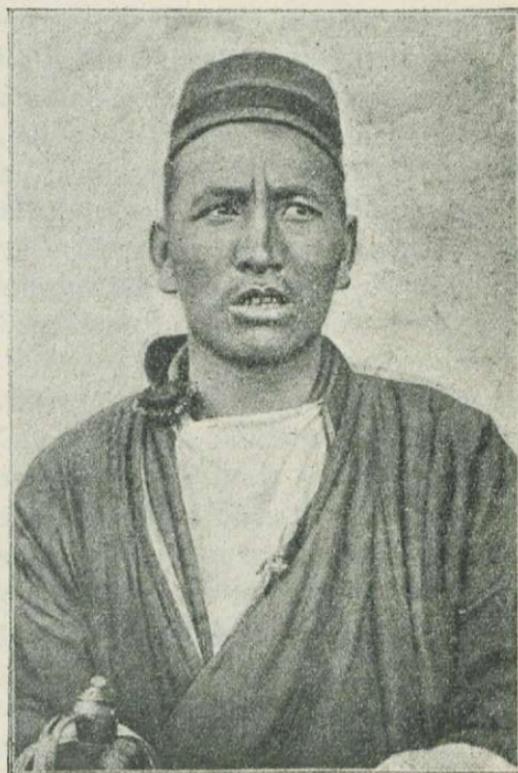
В Гианцзе я все время собирал необходимые сведения для исполнения своего плана. Итти во второй раз по той же дороге представлялось невозможным в виду того, что между Ятунгом и Гианцзе многие успели узнать меня лично. Поэтому я в осторожной форме, как бы случайно, наводил справки о других путях и перевалах, ведущих из Индии в Тибет, о сроках выпадения снега на перевалах, о строгости или халатности тех или других чиновников в разных местах Тибета. Моя записная книжка заполнялась множеством заметок, все еще однако недостаточных для поставленной цели. Ведь я собирался итти переодетым, надо было подготовиться к тому, чтобы играть роль тибетца! В разговорном тибетском языке я упражнялся уже начиная с августа и мог свободно на нем говорить целыми часами, но от этого до настоящего языка туземца было еще далеко; я же решил путешествовать под видом кули, и поэтому мне надо было усвоить особый говор. И вот я, к великому удивлению моих спутников, не подозревавших о моей затее, часто отправлялся на кухню, прислушивался там к разговору слуг, к их тону в отношении хозяев, к их жаргону и вместе с тем тщательно изучал их манеру садиться, плевать, ссориться и любезничать.

Вернувшись в Дарджилинг, я поделился своим планом с соотечественниками. Сопровождать меня в данных условиях никто из них не мог за незнанием тибетского языка, и поэтому мне пришлось посвятить еще некоторое время на изучение искусства кинематографии, так как привезти с собой фильм священного города было моей заветной мечтой. Приготовление заняли месяц. Трех мулов и трех пони я купил в Калимпонге, куда съездил украдкой. В самом Дарджилинге я нанял четырех слуг. Это был, во-первых, секретарь - туземец, которому по прибытии в Тибет предстояло играть роль моего хозяина. Благодаря некоторым особенностям его характера я его прозвал „Сатаной“. Вторым был мой личный слуга и носильщик Лхатен, бывший уже со мной в Гианцзе, на которого я вполне полагался. Кроме того, был нанят конюх для ухода за животными; четвертым был придурковатый парень, которого я окрестил „Диогеном“. Все они были сиккимцы. Их расовое родство с тибетцами признается Лхассой: сиккимцам доступ в священный город разрешен. Так как язык, на котором говорили мои слуги, несколько отличался от того, на котором говорят в Лхассе и в Шигацзе, я счел более безопасным и самому отправиться под видом сиккимца—недочеты как моего произведения, так и чисто бытовые могли быть в таком случае объяснены сиккимским происхождением. Чрезвычайным затруднением был наем слуг под ложным предлогом, но я был вынужден хранить свои намерения втайне, иначе все мои старания пропали бы даром.

Покинуть Дарджилинг незамеченным было невозможно: таинственное исчезновение возбудило бы

подозрения, и тотчас же начались бы поиски. Поэтому за цель своего путешествия я выдал двухмесячное исследование неизвестных областей Сиккима и геологические изыскания. Этот предлог давал мне возможность исчезнуть на несколько недель и в то же время служил пробным камнем при найме слуг: те, которых пугала мысль лезть среди зимы на ледники высотой в 6 400 м, конечно, для моей цели не годились.

Серьезно пришлось обдумать вопрос экипировки. От обычного полевого снаряжения ученого исследователя приходилось отказаться — провиант и одежду надо было закупить под-
добающие случаю.

САНА.

Запас пищевых продуктов был доведен до минимума, так как я решил в Тибете, даже в Сиккиме, употреблять исключительно туземную пищу. Выбор одежды потребовал большого внимания. В моем гардеробе имелись

облачения лам и форменная одежда туземных чиновников, но ни то ни другое не подходило для данного случая. Мне следовало одеться последним бедняком. Поэтому я заказал новый полный костюм кули и, кроме того, купил еще два ношенных. Остальные аксессуары включали краску для волос, состав из иода и орехового сока для окрашивания кожи, темные автомобильные очки, два лимона и флакон клея для изменения цвета глаз.

Никто не знал о том, что подготавливалось, — официально я отбыл в Пермаянцзе, величайший монастырь Сиккима. Мне хотелось узнать и Лхассу и Шигацзе, а так как я намеревался в Лхассе раскрыть свое инкогнито, после чего дальнейшее странствование по Тибету мне было бы воспрещено, то было ясно, что начать следовало с второго города.

Я решил избрать прямой, хотя и более рискованный путь через центр Сиккима и вступить в Тибет около Кампадцонга. Дорога там идет на север, через провинцию Цзан до Шигацзе, и дальше до реки Брамапутры. Затем я предполагал пойти на восток, по течению Брамапутры, и в удобном месте снова свернуть на север и идти в этом направлении до самой Лхассы. На этой части пути мне пришлось однако несколько изменить маршрут.

Дорога, избранная мной, мало известна; ею пользуются мелкие тибетские торговцы, предпочитая ее главной дороге, соединяющей Пари, Гианцзе и Лхассу; зимой она считается закрытой, так как перевал находится на высоте 5486 м, т. е. 1.200 м выше перевала Джелап, и большую часть года совершенно загроможден снегом, тающим лишь на короткий летний период. Официальное закрытие дороги являлось для меня удобством, так как связывалось с ослаблением охраны перевалов.

В день отъезда последние сборы немного нас задержали. Мы тронулись в путь около 11 часов утра. В этот день я решил дойти только до Манжитара, т. е. перейти сиккимскую границу и провести остаток дня в этом городе.

Дорога сразу же пошла под гору и была так крута, что нельзя было ехать верхом; выпал свежий снег, и мы не столько шли, сколько скользили. Лхатен нес кинематографическую камеру и с нею упал; испугавшись, я рассмотрел аппарат, подвинул винты и успокоился: все обошлось благополучно. Мы спустились к реке Ранджит и подошли к мосту, обозначающему границу между Сиккимом и Британской Индией. По ту сторону моста расположен пограничный город Манжитар. Посредине моста нас остановили—началась хлопотливая церемония предъявления паспортов. Один из полицейских чинов непременно желал узнать, представил ли я куда следует поручительство в том, что из Сиккима я не пойду в Непал, Бутан или Тибет. Тут я прибег к полнейшему незнанию сиккимского языка и других местных наречий, отказавшись понять хотя бы одно слово; кончилось тем, что чиновник, не добившись толку, оставил меня в покое.

Я рад был убраться с этой ужасной пограничной станции и, вместо того, чтобы отдохнуть, стал торопить свой маленький караван. Расположились мы на ночлег только за городом, в полукилометре от последнего жилища, в таком месте, где можно было самим добыть все необходимое. Кроме воды, нам требовались дрова для топлива, бамбуковые листья—для корма животных, молоко — для меня и пиво „маруа“ — для слуг; все остальное—мясо, рис, яйца и чай—мы тащили с собой,

только изредка пополняя свои запасы. В обитаемых частях Сиккима эти продукты доставать легко.

В первые дни путешествия, в Сиккиме, порядок наших привалов был следующий: сначала ставилась палатка, и я забирался в нее; для Сатаны в ней места хватало, остальные трое ночевали под открытым небом. В то время как конюх заботился о животных, другие слуги готовили ужин. Наша походная кухня состояла из двух жестяных кастрюль, сковороды и чайника; чайник и одна из кастрюль были общим достоянием, на сковороде делалась яичница для меня, а во второй кастрюле готовилось мелко изрубленное, с овощами мясо. К этому блюду я не мог привыкнуть и довольствовался яйцами и рисом, которые я отлично научился есть пальцами. Ни вилки, ни ложки я с собой не брал. После еды медленно попивали „маруа“ под бесконечную болтовню, к которой так склонна восточная прислуга. Иногда и я выпивал глоток этого пива, предпочитая ему все-таки молоко, но в разговоре я всегда принимал участие, чтобы усовершенствоваться в сиккимском языке. После часов двух такого времяпрепровождения мы укладывались спать.

11 января мы двинулись дальше, с тем, чтобы пройти 10 км, отделяющих Манжитар от Намцзе (на картах — Намчи). Это заняло пять часов, дорога шла круто в гору. К полудню, когда мы прибыли в Намцзе, стало очень жарко; лошади и мулы устали, и мы решили в этот день дальше не идти. На равнинах перегон в 23 км вполне возможен; за день при благоприятных условиях можно сделать два перегона, но в Сиккиме гористая природа не допускает такого передвижения: можно в среднем делать 15 км в день,

употребляя на 3 км час,—тем более, если нет смены лошадей и мулов. А я считал нужным беречь животных, зная какие испытания ожидают их на перевалах.

Мы сделали привал над самым базаром и благодаря европейскому платью которое я еще носил, привлекли всеобщее внимание. Днем местный „кази“, владетельный князь, и его сын посетили нас. Кази, его слуги и приближенные—сиккимцы, но большинство деревенских жителей и рыночных торговцев—непальцы, как и во всех деревнях Сиккима.

На следующий день, 12 января, мы достигли возвышенного плато Дамтанга, где я сделал первый опыт кинематографической съемки. Открылся великолепный вид на гору Канчендзонгу— третью по высоте гору в мире: ее вершина более чем на 8500 м выше уровня моря; она производит больше впечатления, чем Эверест. Отроги горы спускаются на север и юг, образуя часть пограничной линии между Непалом и Сиккимом.

Канчендзонга занимает вполне изолированное положение. Она лежит в нескольких километрах к югу от Гималайского хребта, общая линия которого тянется с запада на восток, и, будучи видимой с тибетского плато, не составляет какой-либо части великолепной гималайской панорамы; по этой причине она кажется самым доступным из гималайских гигантов, но восхождение на нее представляет гораздо больше трудностей, чем восхождение на Эверест. Все попытки достигнуть ее вершины оканчивались катастрофами.

В Дамтанге дороги разделяются. Налево ведет дорога к монастырю Пермаянцзе, направо— в Ганток, столицу Сиккима. До сих пор мои слуги думали, что я

направляюсь в монастырь, но мой путь некоторое время лежал по гантокской дороге, и я, не желая раскрывать им своего плана, объявил, что пошел вправо с тем, чтобы ознакомиться с некоторыми неизвестными местностями центрального Сиккима. Наши мулы устали. Несмотря на то, что мы не прошли еще и половины намеченного на день пути, пришлось сделать остановку. Конюх дал каждому из животных по большой миске крепкого чая, после чего они вернулись к работе.

Дорога превратилась в крутой спуск. Спускаясь все ниже и ниже, мы прошли мимо деревень Теми и Тарко, откуда далеко на севере виднелись перевалы, ведущие в Тибет, и приблизились к долине реки Тисты. Перевал, к которому нам надо было подойти, находится близ истока Тисты, но до него от того места, где мы находились, предстоял еще длинный и трудный путь.

ГЛАВА VII

ОТ ДЖУНГЛЕЙ ДО ЛЕДНИКОВ

На следующий день, 13 января, мы спустились к берегу реки и там окончательно расстались с дорогой, которая пересекает реку и тянется еще много километров, до самого Гантока.

Мы повернули налево с тем, чтобы по течению реки дойти до ее истоков. От Гантока есть другая дорога, которая возвращается к Тисте на тридцать восемь километров дальше, ведя вдоль северного течения реки к перевалам. По ней нам, собственно говоря, и следовало идти, но Ганток—столица, и тибетское правительство имеет там своих шпионов. Захода туда надо было избежать во что бы то ни стало.

После того, как мы покинули дорогу, предстояла задача пройти до деревни Дрикшу, лежащей впереди, вверх по течению в том месте, где дорога из Гантока подходит к Тисте. На большей части пути не было и намека на тропу,—в лучшем случае существовал проторенный след, удобный разве для кули, идущих гуськом, но пользоваться им для животных, да еще навьюченных, было совсем невозможно, особенно же в тех условиях, которые мы застали: тропинка по обеим сторонам была окаймлена густой, джунгледобной растительностью. И вот около тридцати восьми километров пути заняли у нас несколько дней: приходилось идти пешком впереди кара-

вана и огромными непальскими либо бутанскими ножами срезать папоротники и бамбуковые побеги.

Я уверен, что в будущем часть страны, по которой мы пробрались, будет использована для установления сообщения между Индией и Тибетом.

Мы изредка встречали одинокую хижину или крошечную деревеньку, почти отрезанную от внешнего мира. Жители тут по большей части не сиккимцы и не непальцы, а лепча, первоначальные жители Сиккима, у которых тибетские пришельцы, т. е. теперешние сиккимцы отвоевали страну. Лепча ведут первобытный образ жизни и населяют изолированные части страны. В небольшом размере они занимаются земледелием и рыболовством. Там, где земледелие более развито, крестьянам приходится вести борьбу с обезьянами: их массами истребляют ядом. Лепча — мало развитый народ, вымирающий в тяжелой борьбе за существование.

Днем бывало невероятно жарко. В то время, когда мы обливались потом, расчищая себе путь, не верилось, что вскоре, дней через восемь или десять, мы окажемся среди заваленных глубоким снегом ледников, которые виднелись вдали.

Недолюбливая деревень, я предпочел устроить привал за километр до моста, под открытым небом, без палатки. К этому времени мы уже отвыкли питаться три раза в день; утром, прежде чем пуститься в путь, мы выпивали огромное количество крепкого чая, но без всякой еды, и шли по сиккимскому обычаю натошак; привал делали в три часа дня, раньше четырех наш обед не поспевал. Но и ели же мы тогда! Наш аппетит требовал частого пополнения запасов, и в этот вечер мне пришлось послать Сатану и Лхатена в деревню

за припасами. Там мои слуги, встретив знакомого, устроили грандиозную попойку и притащились обратно, когда я уже встал и собирался выступить.

Это было 15 января. Я настоял на том, чтобы отправиться в путь тотчас же, и им пришлось взяться за работу, не поспав и минуты. По ту сторону реки, за деревней Самдонг — или Манка, как ее тоже называют — дорога стала значительно лучше. Местами мы могли ехать верхом вместо того, чтобы идти впереди наших пони, расчищая для них путь. Я пережил очень беспокойные моменты, зная, насколько необходимо было торопиться. Погода была хорошая, и я чувствовал, что если добраться до перевала раньше, чем разразится снежная буря, то есть надежда его пройти. Каждая потерянная минута грозила опасностью. Но Сатана свалился с седла, оказавшись в состоянии полной невменяемости, и нам стоило больших усилий поднять его на ноги.

При таких обстоятельствах я считал необходимым остановиться на день, хотя мысль потерять даже несколько часов была мне крайне неприятна. Короткий переход не уменьшил моего аппетита, и в наш суточный присест я съел цыпленка и шесть яиц. Свободное время я решил употребить на приготовление своего костюма. До сих пор я путешествовал англичанином, и не было причины отказываться от этого до достижения горных проходов, т. е. еще несколько дней, кроме той единственной причины, что отныне я стал особенно бояться привлечь к себе внимание в деревнях, через которые мы проходили. А если бы меня увидели уходящим по направлению к перевалам, то сейчас же распространился бы слух о том, что я иду в Тибет.

С другой стороны, я пока еще не хотел переодеваться, так как это подвергало бы меня большому риску задержания: я имел разрешение дойти до перевалов, но, узнай деревенские власти, что я путешествую одетый тибетцем, они меня наверно подвергли бы допросу.

Я остановился на компромиссном решении: держаться вдалеке от деревень, слуг посылать туда только за провиантом, одеться в сицкимский костюм и окрасить волосы, чтобы издали походить на туземца, не трогая пока лица и глаз; я решил также не отрицать своей национальности в том случае, если бы кто-либо явился с расспросами на место нашей стоянки.

Предварительный маскарад этот со стороны моих слуг не возбудил никаких подозрений. Слуги и так меня считали не совсем нормальным с тех пор, как в Гианцзе я расхаживал в тибетском костюме, и решили, что я и тут фокусничаю и притворяюсь туземцем, чтобы лучше узнать народ. До того слуги ежеминутно ожидали, что мы повернем назад и пойдем в Пермаянцзе, как было намечено, но я им заявил, что раз мы зашли так далеко, то я намерен дойти до Лакена и посетить там знаменитейшего ламу и уже после этого вернуться в Пермаянцзе через Ганток. О моих настоящих намерениях они не догадывались, тем более, что считали перевалы закрытыми.

16 января оказалось возможным продолжать наш путь на север. После шести — семи километров необычайно плохой дороги мы пришли в деревню Дрикшу. Тяжелая работа по расчистке пути была окончена, но мы оказались на большой дороге, где нас могли задерживать. Нервы были напряжены.

Из Дрикшу я, не останавливаясь, пошел один; слуг же оставил там для закупок, внушив им ничего не говорить

обо мне жителям, а на вопросы отвечать, что мы-де идем на богомолье в Лакен.

Эта часть Сиккима мало населена, цветущих деревень тут не встречаешь совсем. Это объясняется отсутствием непальцев и индийцев, которым Сикким обязан своим процветанием. Малочисленность и бедность тех немногих деревень, мимо которых нам случалось проходить, заставляли нас особенно заботиться о снабжении. Мы научились пользоваться всем тем, что попадалось по дороге: животным давали бамбуковые побеги, а овощи для стола прислуги заменялись папоротником, в котором постоянно путались наши ноги. Вместо маруа и молока нам приходилось довольствоваться свежей ключевой водой. Яйца и свежее мясо попадались редко, но в этот день мы купили замерзшего мяса, которое тибетские крестьяне едят сырым. Я его ел поджаренным досуха, хотя и в таком виде оно имеет противный, отдающий гнилью вкус. Народы, населяющие Сикким и Тибет, имеют предубеждение против жареного мяса: они считают, что оно вредит дыханию при восхождении на горы, и единственным способом приготовления его признают варку.

На следующий день, 17 января, мы прошли еще пятнадцать километров и расположились на отдых между двумя крошечными деревушками — Сингтам (почему-то на картах названной „Санджик“) и Тонг. Мое частичное переодевание достигало цели; те три — четыре человека, которые прошли мимо нас по дороге, даже не оглянулись. Дорога почти незаметно шла в гору; мы уже находились на высоте 2130 м над уровнем моря и жары больше не испытывали. В хорошую погоду мы почувствовали бы разве свежесть,

но, к великому моему огорчению, погода нам изменила: стало пасмурно и холодно, и было ясно, что на горных вершинах идет снег. Местность становилась все безотраднее; попадались лишь покинутые раскрошившиеся глиняные дома.

В этот день нам стоило особенного труда выбрать место для ночлега: я опасался деревень, но вместе с тем не хотел удаляться и от дороги. Мы остановились в забитой листьями пещере, однако выбор наш оказался весьма неудачным: ночью наши тела покрылись наполовину насосавшимися пиявками. Летом пиявки являются одной из „сиккимских казней“, но зимою они редко встречаются; наши же, видимо, зимовали под листьями, и мы своим теплом разбудили их от зимней спячки. Горе в том, что они присасываются, не причиняя ни малейшей боли, — боль появляется впоследствии. Избавились мы от них тем, что прикладывали к телу смоченную соль. В Сиккиме существует несколько пород пиявок, встречаются они во всех частях страны до 3000 м высоты. На высотах водится обжорливый черный вид, более мелкий, чем тот желтовато-коричневый, который преобладает в низменных местах. Для путешественников они являются одной из величайших бед. Животные против них беззащитны, и нам пришлось особенно тщательно оберегать наших мулов и пони.

На следующий день, 18 января, нам предстоял длинный переход, и мы, в виде исключения, перед тем как двинуться в путь, поели. При восходе солнца мы любовались чудным зрелищем: на вершине Канчендзонгского хребта падал снег. Дорога была неплоха и довольно интересна, стали появляться лишенные деревьев

тибетские горы. Кое-где вдоль дороги растут деревья, насаженные сиккимским правительством. Я заметил, что зона лесов на севере, с тибетской стороны, кончается ниже, чем на юге. Со стороны Сиккима строевые леса еще тянутся на высоте 4000 м и более, постепенно заменяясь хвойным лесом; до высоты 5000 м они редуют и мельчают, а дальше и вовсе исчезают. По ту сторону перевалов пришлось спуститься значительно ниже, прежде чем появились следы растительности.

На половине нашего дневного пути мы опять перешли на левый берег реки по небольшому, но вполне исправному висячему мосту. Старый сиккимский мост весьма оригинален: он состоит из трех длинных бамбуковых шестов—по одному идут, а два других, пристроенных выше, служат перилами.

Трудолюбивых непальцев здесь уже не попадалось, а те немногие люди, которых мы встречали, принадлежали к племени лепча. Днем мы раскинули свой лагерь в лощинке, в стороне от дороги, в километре расстояния от деревни Цонтанг, к ужасу Лхатена, который жаждал маруа, — он никак не мог понять мое отвращение к населенным местам.

ГЛАВА VIII

В ЗАПАДНЕ ПЕРЕВАЛОВ

На следующее утро, 19 января, мы тронулись в путь очень рано, так как я непременно хотел миновать деревни и правительственную заставу Цонтанга в темноте. Я знал, что регистрировали всех проходящих, и желал этой регистрации избежать. Однако все обошлось благополучно, нас даже не окликнули. Только впоследствии я узнал, что, как только стало известно, что я прошел в Тибет, местные полицейские чины были уведены в Ганток, где их судили военным судом и приговорили к увольнению от службы за то, что они не сумели меня задержать.

Вскоре мы стали предвкушать те условия, которые ждали нас на перевалах. Местами дорога была покрыта ледяной корой в добрую треть метра; было скользко, и приходилось спешиваться. Живописная местность на каждом повороте раскрывала новые красоты, но путь был утомителен, и мы были рады остановиться, не доходя километра до деревни Лакен, где пришлось раскинуть палатку на снегу. Хотя отдых был нам крайне нужен, но я торопился, так как погода все время грозила бурей. И теперь уже перевалы могли быть непроходимы, но после второй бури это стало бы неминуемым; поэтому я был очень раздосадован, когда на следующее утро, 20 января, оказалось, что двигаться дальше нельзя.

Животные были истощены, полный день отдыха был необходим; требовались кое-какие починки; запасы истощились, а до следующей деревни, лежащей уже по ту сторону перевалов, в самом Тибете, было далеко; необходимо было запастись провиантом в Лакене. Все это меня волновало, а кроме того, назревала необходимость сообщить слугам о своих намерениях: они все еще думали, что Лакен и разговор с ламой составляют цель моего путешествия. Я не считал благоразумным уже теперь упомянуть о Лхассе, но решил сказать, что хочу дойти до Кампа Дцонга, т. е. до того пункта, где начинается Тибет. Когда я их собрал и объяснил им свое желание, они пришли в ужас при мысли, что придется итти еще дальше, и уперлись, твердя, что проходы-де заграждены. Я настаивал на том, чтобы хотя немного пройти вперед и вернуться, если это окажется неизбежным. После препирательств они согласились итти дальше, но потребовали, чтобы я пожертвовал лакенскому ламе значительную сумму денег, с тем, чтобы он молился о невыпадении снега!

В это утро нас ожидал еще и испуг. Мы предоставили животным пастись на тех местах, которые еще не были покрыты снегом, и тут-то заметили, что у всех у них открылась изо рта течь: они, повидимому, наелись ядовитой травы „дук-шинг“, составляющей в некоторых долинах бич для пастухов; для овец и яков она смертельна. Мои слуги, нисколько не смущаясь, объявили, что это — сап и что если не принять тотчас же мер, животные погибнут, но что сахар действует как противоядие и мой маленький запас может их спасти. Я с болью в сердце вручил им свой мешочек. Животные действительно не заболели. Когда впоследствии они

пали одно за другим, то это явилось исключительно результатом истощения.

После этого инцидента я отправил слуг в Лакен за покупками, внушив им сохранять молчание относительно меня и нашего маршрута. Когда они вернулись, оказалось, что сахара в Лакене не нашлось, а это означало месяцы лишения, так как в Тибете сахара нет. Кроме того, Сатана, встретив в деревне приятеля, под секретом рассказал ему, кто я и куда мы направляемся. От таких вестей я пришел в ярость. Я знал, как на Востоке сохраняют секреты: весть о том, что я был в Лакене, докатится теперь до Гантока, где много агентов тибетского правительства, и обо мне будет дано знать в Лхассу!

Для довершения бед следующее утро, 21 января, было серое, туманное. По всему видно было, что близка снежная буря. Единственной моей надеждой оставалось то, что мы пройдем через перевал, прежде чем она разразится. На тибетском плоскогорьи снег меня уже не страшил, но обетованная земля лежала за грозно смотревшими на нас горами. Мулы поправились от последствий отравления ядовитой травой, но пони еще пошатывались, и мы шли весь день пешком, чтобы дать им оправиться. Нам приходилось пробиваться через нанесенный снег, и мы подвигались очень медленно, но к половине дня все же километров на восемнадцать отошли от Лакена, поднявшись на высоту 3658 м над уровнем моря. Я знал по опыту, что это критическая высота: здоровый человек редко испытывает горную болезнь ниже этого уровня, но на этой высоте и он может заболеть. Взойдя до нее безболезненно, можно без опасения подняться и до 6000 м, что фактически доказало бы полную

невосприимчивость к болезни. Отмечу, что как-раз на указанной высоте Сатана начал жаловаться на головную боль и звон в ушах. Пострадал только он один. После того, как я дал ему пожевать сухой гвоздики, ему стало лучше. Остальные — и сам я — чувствовали от восхождения одно утомление.

Пройдя еще три километра, мы миновали Тангу, последнюю деревню в Сиккиме. Впрочем, деревней ее назвать нельзя: тут расположено несколько хижин, обитаемых только летом; зимою же живет в них одна пограничная стража, состоящая из двух чиновников, на которых возложена вместе с тем и охрана государственных домов отдыха. Я сошел с дороги и ухитрился провести свой маленький караван незамеченным.

После 3 км пути мы пришли к месту, где на протяжении около $\frac{1}{2}$ км дорога и весь склон горы представляли гладкую ледяную поверхность, по которой в первый момент продвигаться показалось невозможным. Животным было еще труднее — они все время съезжали от частых падений; сильно пострадала наша поклажа; вдобавок слуги окончательно потеряли голову и принялись кричать, отдавая друг другу противоречивые приказания; Сатана и Диоген для довершения бед заплакались. Пришлось энергично взять в свои руки бразды правления, чтобы хоть несколько восстановить порядок. Мы принялись бросать гравий на заледенелую поверхность и кое-где вырезать во льду ступеньки теми самыми ножами, которыми недавно орудовали в джунглях. Применяя такой способ действий, мы прошли, но работа заняла час времени, и все мы так устали, что пришлось почти немедленно расположиться на отдых. У нас уже не было ни сил, ни энергии привести стоянку

в должный порядок; я предпочел спать под открытым небом, чем расставлять палатку. Слуги выбрали местечко под деревом, словно часовой охранявшим пояс лесов, я же — совсем открытое место. Погода нам не благоприятствовала, однако мы заснули как убитые.

Нетрудно представить себе мой ужас, когда, очнувшись после недолгого сна, я увидел, что пошел снег. Делать было нечего, оставалось надеяться на то, что причина снега — случайное облако, а не приближающаяся снежная буря. Но вскоре я уже не мог обманываться: снег ложился на меня, и покров его рос с каждой минутой. Сначала я испытывал приятное ощущение, так как ночь была очень холодная, а свежий снег действовал подобно постепенно уплотняющемуся одеялу. Я не чувствовал ни малейшего желания встать и укрыться под деревом и только изредка хлыстиком протыкал в снегу крошечное отверстие, чтобы сохранить приток воздуха. Слуги, отчасти защищенные деревом, проспали всю ночь.

Когда они ранним утром 22 января проснулись, то подняли страшный вой, считая себя навеки пропавшими. Их страх усугублялся тем, что они меня не видели: снег лежал на метр, если не больше; не было и знака, обозначающего место, где я лежал. Я дал им повыть, боясь расстаться с своим теплым одеялом, но наконец сел. Голова моя появилась как-раз над снегом. Они приняли это, кажется, за чудо, страх их несколько умерился, а мой авторитет на время заметно возрос.

Порадовавшись тому, что еще живы, мы стали серьезно обсуждать, что делать? Итти дальше — значило итти на верную смерть: снег все шел и выше, на перевалах лежал еще глубже. По эту сторону перевала не было ни деревни, ни хижины. Остаться на месте

тоже представлялось невозможным — каждый лишний час грозил гибелью. Итти обратно было также трудно, в настоящем же положении нам грозил самый жалкий конец. Не оставалось ничего другого, как итти назад, но в такой снег нечего было и думать о том, чтобы за один день дойти до Лакена. Слуги стремились в Тангу, под защиту стражников. Но я знал, что раз мы остановимся там, то в Лхассу мне уже никогда не попасть. Тут я вспомнил, что между Тангу и Лакеном кое-где были навесы или хижины, в которых летом живут пастухи; ближайший приют находился в девяти километрах от того места, где мы находились, и я тотчас же скомандовал двигаться туда.

Дорогу совершенно замело, — девять километров пути заняли у нас целый день. Днем у Сатаны началась горная слепота. Известно, что свежес выпавший снег раздражает глаза больше, чем снег уже полежавший, но горная слепота во время снежной бури — редкое явление: обычно лишь отражение солнечных лучей в глазу причиняет вред зрению, но солнца не было. Сатана по глупости забыл захватить свои темные очки, и я был вынужден отдать ему собственные; сам я надринул на глаза меховую шапку. Я и без того чувствовал себя далеко не важно, испытывая первые симптомы болезни, которая позднее перешла в дизентерию: сказались последствия питания тибетским мясом.

Все мы были счастливы, когда под вечер достигли места нашего ближайшего назначения. Мы толкнулись в первую попавшуюся хижину; дверь открылась без труда, и мы очутились в бревенчатой сторожке, с дымоходом, выведенным в крышу. В стенах, в промежутках между бревнами, виднелись большие щели, пропускавшие

снег, — по горнице гулял ветер. Наше пристанище было далеко не идеально, но нас оно вполне удовлетворило, особенно после того, как мы, найдя в нем несколько сухих поленьев, развели огонь. Когда стали разгружать мулов, то к величайшей моей досаде оказалось, что не хватает нескольких мелких мешков с поклажей: о них забыли, и они остались под снегом.

На следующее утро, 23 января, мы собрали военный совет. Погода улучшилась, но шел еще небольшой снег, и пытаться идти к перевалам возможности не было. Я не хотел двигаться с места, но лошади оставались без корма, и все мы тут, в снегах, могли умереть с голоду. Слуги громко заявляли о своем желании вернуться, и в конце концов я дал на это свое согласие, в глубине души решив тормозить по мере возможности обратный путь. Я все еще надеялся, что снег перестанет идти и что мы проберемся-таки в Тибет.

Обратный путь оказался страшно утомительным. Снег доходил до груди. Каждый из нас по очереди шел впереди, словно плугом проводя по снегу борозду, без которой не могли бы следовать за нами животные. Когда мы после четырех—пяти километров так о передвижения дошли до другой группы покинутых сторожек, то буквально умирали от усталости. Меня, очевидно, поддерживала прирожденная настойчивость. Ночной отдых укрепил мое намерение, и на следующий день, 24 января, когда мы прошли километра два, я забастовал и отказался двинуться дальше хотя бы на шаг. В этом месте находились еще две хижины, а я помнил, что до Лакена, до которого насчитывалось еще девять или десять километров, их больше не было. Возвращения же в Лакен надо было избежать во что бы то ни стало.

День был прекрасный. Солнце светило, и снег начал таять. Вдобавок в завороте долины, на склоне горы нашлось местечко, остававшееся свободным от снега. Здесь животные могли пощипать остатки огрубелой зимней травы; это хотя временно разрешало продовольственный вопрос. Наш собственный провиант был невелик, но все же его могло хватить на несколько дней. Я решил остановиться и ждать новой возможности повернуть к перевалам; если бы я путешествовал в нормальных условиях, я бы, конечно, вернулся в Сикким, отложив свою попытку месяца на два.

До 26 января, т. е. двое суток под ряд, наш маленький лагерь оставался на месте. Я наслаждался кратким отдыхом, а для слуг придумывал разные работы, так как праздные думы до добра их не довели бы. Развлекала нас голодная, одичавшая кошка, брошенная тут, вероятно, пастухами.

26 января я решил продолжать свой путь в Тибет. Снег в долине подтаял; на такой высоте, в разреженном воздухе солнечные лучи греют днем чрезвычайно сильно. Но как бы ни были холодны ночи, от этих палящих лучей снег осел, и мне казалось, что идти можно. Продовольственный вопрос не позволял мешкать долее. Утро ушло на уговаривание слуг; впрочем, строгость подействовала лучше уговоров. Наконец среди дня мы двинулись. Пройдя 6 км, мы вернулись к нашей первой хижине. Около нее бродил снежный леопард; животные пугались, и Диогену пришлось ночевать с ними на воле.

На следующий день, 27 января, я сделал такую запись в дневнике: „Это самый ужасный день, который я когда-либо провел“. Помню я его очень хорошо. Снег в этой части долины почти не стоял, и чем дальше

мы шли, тем глубже проваливались. Долина суживалась и походила на ущелье, забитое снегом. Моя болезнь за последние два дня ухудшилась; я чувствовал большую слабость, но скрывал свое состояние от слуг: все время отсылая их вперед, я ковылял позади, часто падая; чтобы не остаться лежать в снегу, мне приходилось делать невероятные усилия; иногда мне казалось, что я окончательно отстал. Слуги по всей вероятности чувствовали себя не лучше. Под вечер я их догнал, и мы вместе еще два часа боролись с снежной стихией; дороги уже не было видно, — в нашем движении мы руководились только контуром долины. Неопределенность положения деморализировала не только людей, но, кажется, и животных.

Иногда казалось, что мы наконец вступили на твердую почву, но шедший впереди снова проваливался в скважину, покрытую снегом. Мы шли уже четырнадцать часов, пройдя не больше четырнадцати километров, а плато Ситанг все еще не показывалось. Нас окружала кромешная тьма, и вдруг — о ужас! — опять пошел снег. Я уже ничего не ощущал, но Лхатен не выдержал и расплакался; его слезы перешли в истерические рыдания; остальные были недалеко от такого же состояния.

Итти дальше было абсолютно невозможно, и я стал искать пристанища. Мы давно миновали все навесы и хижины, и я даже не видел такого места, где бы можно было поставить палатку. Мы стали рыскать кругом, и между большими скалами, нависавшими над рекой, нашли одну, с плоской вершиной, с которой ветром сдуло почти весь снег; тут-то мы и решили устроиться на ночлег. Установка палатки потребовала

огромного напряжения сил; ветер рвал парусину, приходилось прижимать ее со всех концов ящичками, так как шесты в скалу воткнуть было, конечно, нельзя. В нашу крошечную палатку мы залезли впятером; для животных же вырыли яму в снегу. Все устали настолько, что даже не хотелось есть, мы удовольствовались небольшим кусочком мяса, который каждый съел сырым, по-тибетски, так как огонь развести мы не смогли.

Через час ветер перестал дуть, но ненадолго, затем разразилась одна из тех страшных снежных бурь, которые случаются в одном только Тибете. Вскоре сорвало палатку; она свернулась и прикрыла нас. Мы лежали под ней в куче, над нами хлопала парусина. Буря все крепла. Наконец страшный порыв ветра снес нас всех со скалы, и мы полетели вниз, в снег, куда свалились испуганные, но невредимые. Сатана принялся громко призывать на помощь богов и просить у них прощения в том, что последовал за мной. Около трех часов утра ветер внезапно стих, и мы уснули.

Проснувшись через несколько часов (28 января), я застал слуг за укладкой. Они решили вернуться в Сикким и не допускали мысли, чтобы я был другого мнения. Надо признаться, что они были правы, и если бы они поставили вопрос на голосование, то наверно получили бы и мой голос. Но эта хладнокровная уверенность в том, что я отказался от своего намерения, мне пришлось не по вкусу. Убеждения сейчас были бы бесполезны. Я бросился к мешку, содержавшему наши последние запасы, занес его над высоким берегом реки и поклялся, что выброшу весь провиант. Это означало, что они умрут с голоду раньше, чем дойдут до населенной части Сиккима. После этого я стал объяснять,

что мы уже прошли больше половины снежной полосы и что идти назад будет не менее трудно, чем идти вперед. Я не стал дожидаться ответа и бросился вперед, предоставляя им следовать за мной. Моя тактика возымела действие: они пошли за мной как стадо. Подвигался я, конечно, очень медленно, так как снег препятствовал еще больше, чем прежде.

В это утро нам несколько повезло. Снежный леопард, накануне испугавший наших животных, ночью, повидимому, прошел мимо нас в направлении к перевалу: его следы были видны на снегу. У меня явилась мысль, не шел ли он по линии дороги? Наше исследование подтвердило правильность моей догадки. Поразительно, что леопард мог узнать дорогу, покрытую снегом более чем на метр, — чутьем он проследил ее по всем зигзагам.

Через четыре часа нас вновь осенило счастье. Долина продолжала суживаться; по обе стороны пути горы круто спадали; мы ползли словно в трубе. В том месте, где снег лежал всего глубже и где казалось, что дальше прохода нет, долина после поворота расширилась, и внезапно мы вошли в местность совершенно другого характера. Тут не было ни деревьев, ни кустарников; снег лежал не более чем на семь или восемь сантиметров, местами различалась обнаженная земля, та песчаная, плохая земля, которая свойственна тибетскому плоскогорью. В нескольких километрах далее долина завернула вправо и превратилась в широкую низину, окаймленную с северной и южной стороны горными хребтами.

В сущности мы находились еще в Сиккиме — северный горный хребет обозначал пограничную черту — но

географически и геологически мы были уже в Тибете. Об этом свидетельствовало отсутствие снега. Индийский склон Гималаев летом наводнен дождями, а зимою — снегом; дождевые и снеговые тучи, идущие с океана, не поднимаются достаточно высоко, чтобы пересечь гималайские вершины; тучи разбиваются об них и проливаются, почему на тибетском склоне влаги мало. Летом дожди редки, а в некоторых местах их и вовсе не бывает; зимой глубокий снег лежит только на вершинах, там он быстро тает от полуденных палящих лучей, постоянно грозящих путешественнику солнечным ударом. С другой стороны, ночью холод гораздо сильнее, чем на южной стороне Гималаев, а страшные тибетские ветры пронизывают тело до самых костей. Здесь царство пустыни и смерти. Нет другой страны столь угрюмой и печальной, как голые тибетские равнины. Сама Тиста, по мере того как мы приближались к ее истоку, как бы лишалась жизни; тут же она представляла лишь слой неподвижного льда.

Настроение поднялось, и мы шли до самого вечера. Лагерь разбили случайно у самого подножья ледника Чумиомо. Почва так замерзла, что мы сломали несколько шестов, стараясь вогнать их в землю; пришлось, взамен их, прибегнуть к огромным железным гвоздям, которые при вбивании сильно гнулись.

На следующий день, 29 января, я надеялся миновать перевал, но вследствие неточности карт мы сбились с дороги. Пришлось убедиться в том, что мы уклонились километров на двенадцать в сторону. Это явилось для нас большим испытанием, так как наши запасы окончательно истощились и мы буквально умирали с голоду. Животные тоже дошли до последней черты.

Две ночи, проведенные на морозе, доканали нашего большого пони, он застудил легкие, и я видел, что ему остается жить не больше двух — трех дней.

При таких обстоятельствах я решил одним ударом прикончить и его страдания и наши. Слуги строго придерживались правил буддийской религии, и ни один из них не соглашался убить живое существо, хотя поест мяса животного, убитого другими, они не отказывались. Мне пришлось приступить к делу самому. Своим огромным ножом я разрезал бедному пони горло. Мы подождали несколько минут и потом, не будучи в состоянии подавить ощущение голода, стали отрезать лучшие куски туши и поедать еще не остывшее мясо. Топлива негде было взять, и пришлось есть мясо сырым. В других условиях весь этот инцидент показался бы отвратительным, но мы не были в состоянии сделать что-либо другое, чтобы спасти свою жизнь и прекратить страдания пони.

Глава IX

„СЛАВА БОГАМ“

На следующее утро, 30 января, мы пошли по пройденному пути обратно, но на этот раз те же 12 км тянулись особенно долго.

В этой части долины, дороги совсем не было видно, и после долгих поисков я избрал ею узкое ответвление долины, на несколько километров уходящее к северу. Подъем вскоре стал так крут, что нам не только пришлось спешиться, но в виду плохого состояния животных самим взвалить на плечи часть груза. Мы настойчиво карабкались, пока не достигли высоты 5172 м. Приходилось часто останавливаться, потому что на такой высоте всякое напряжение страшно утомляет, и легкие могут не выдержать. Последующие 300 м были истинной пыткой, и когда мы на закате добрались до перевалов, то могли с радостью воскликнуть: „Лха-джиал-ло“ — слава, слава богам!

Находясь на высоте около 5500 м над уровнем моря, мы оглянулись, чтобы бросить последний взгляд на Индию. На многие километры кругом виднелись вершины Гималаев, возвышавшиеся над облаками.

Борьба со снегом и голодом истощила нашу энергию, а между тем это был еще не конец, а лишь самое начало нашего трудного пути. Нас ожидали жестокие ветры и пронизывающие холода суровых тибетских

равнин, главное же, и самое опасное, встречи с людьми. Но эта мысль уже не могла меня остановить. Оставалось махнуть рукой и итти навстречу всему.

Мы раскинули лагерь на широкой, ровной вершине перевала. Насколько известно, плоская формация свойственна именно этому перевалу. Туземцы считают его пристанищем злых демонов, приносящих несчастье всякому здесь останавливающемуся. Животные отказывались итти дальше, да и сами мы тоже истратили последние силы, так что выбора не было; все вместе залезли мы в палатку, а животных обвязали кое-какими одеялами. Удалось набрать немного навоза, оставшегося на перевалах после караванов, проходивших здесь летом; с помощью этого топлива немного поварили наше лошадиное мясо, а главное — вскипятили чай.

Начались разговоры о демонах и дикарях, будто бы обитающих в горах. Я с любопытством слушал рассказы слуг и мысленно сопоставлял их с распространенными по всему Тибету преданиями о сказочных существах, „снежных людях“, первоначальных обитателей страны, ушедших в горы.

До сих пор слуги знали только о моем желании достигнуть Тибета; теперь же я сказал им, что целью моей является не только Тибет, но самая Лхасса, и что для того, чтобы достичь ее, я переоденусь и буду скрываться. Это сообщение было встречено криками возмущения и протеста, но я выдержал натиск и разными доводами и обещаниями добился согласия. Мы перешли к распределению ролей и к необходимым репетициям; достав из багажа богатый костюм сиккимского дворянина, я дал его примерить Сатане. Он должен был изображать мелкого землевладельца, отпра-

вляющегося в Лхассу со свитой на богомолье. Все остальные должны были сохранить прежние свои должности, я же превращался в простого кули, помощника нашего повара Лхатена. Слуги увлеклись этой игрой и даже принялись меня торопить. Однако свое окончательное переодевание я отложил до следующего утра, т. е. до 31 января.

Дело это оказалось очень трудным. Сначала я выкрасил волосы; но для того, чтобы Лхатен смог малярной кистью вымазать меня всего составом из иода и сока грецких орехов, мне пришлось стоять голым на холодном ветру. Я считал полную окраску необходимой в виду могущего приключиться телесного осмотра. Особенную трудность представляли глаза. Они у меня голубые, а таких на Востоке не встречается. Я применил двойное средство: сначала разрезал лимон и выжал в глаза сок—это причиняет боль и раздражает глазное яблоко, но на время придает глазам более темный оттенок. Кроме того, я накапал под веки клея, чтобы изобразить истечение, вызванное снежной слепотой, якобы схваченной мной в пути. Затем я вооружился темными очками, не являющимися особенной редкостью в Тибете, где снежная слепота так распространена. После этого я собрал свое европейское платье и другие мало-мальски подозрительные предметы и спрятал их под большим камнем,—все это, наверное, лежит там и сейчас.

Около девяти часов мы двинулись дальше, уже по тибетской земле. После небольшого спуска начался новый подъем, продолжавшийся до вершины второго перевала, лежащего лишь на метр или два ниже первого, который мы пересекли накануне. От этого пункта

дорога — хотя, пожалуй, это слишком громкое название для такого пути — постепенно спускается по равнине до бассейна Кампа. Спуск так незаметен, а поверхность равнины так гладка, что здесь вполне было бы применимо моторное сообщение. Я вспомнил о том, как широко применяется оно в монгольских равнинах, между Калганом (несколько километров к северу от Пекина) и Ургой, столицей Монголии.

Снега на равнине почти не было, но его отсутствие только усугубляло суровую, пустынную природу страны. Километры за километрами тянулись, а признаков растительности или человеческого жилья не было. Постоянная смена дневного жара и ночного холода разрушила скалы, превратив их в слой песка, усеянного камнями; выступы низко лежащих гор объединены; получилась ровная, однообразная опускающаяся формация грязно-желтого цвета, которую оживляют только блестящие снеговые вершины Гималайского хребта, оказавшегося наконец позади нас. Сначала казалось, что равнина совершенно лишена фауны и флоры. Но вскоре мы стали встречать небольшие стада антилоп, пасущихся как бы на голом камне. Вглядываясь внимательно, я стал замечать кое-где крошечные пучки травы, с трудом пробивавшейся через каменистую почву. Антилопы по окраске своей шерсти так гармонируют с остальной природой, что еле заметны. Когда нам случалось подойти к ним вплотную, они обращались в бегство, и белый пучок на кончике их хвоста походил на уносящийся ком снега. Мы хорошо разглядели этих грациозных животных; человека они не боятся, что отчасти объясняется тем, что в Тибете охота по религиозным причинам строго воспрещена.

Мы продвигались не спеша. Боясь за животных, часто останавливались и давали им пощипать тощую травку. Оба пони качались от усталости, и мы все время шли пешком.

Внезапно перед нашими глазами выплыла деревенька. Мы были всего метров в тридцати от нее, как на наше горе некоторые жители тотчас же нас заметили. Обходить ее было поздно. Деревня оказалась так называемым китайским аванпостом. В период китайского влияния в Тибете, окончившегося только в 1912 году, китайские губернаторы держали здесь небольшой отряд солдат в качестве пограничной стражи; с уходом китайцев этот укрепленный пункт потерял свое значение, но летом в нем, с целью осмотра путешественников, идущих с перевалов, ставится тибетская стража. Зимой, когда прекращается всякое сообщение между Тибетом и Сиккимом, стража эта переводится в большой замок Кампа-дзонг, лежащий в нескольких километрах дальше, — благодаря этому-то и некому было нас осматривать. Стараясь все-таки не быть на виду, мы покинули деревню, лишь только закупили небольшой запас продовольствия.

Это была бедная деревушка, еле способная прокормить самое себя; достали мы в ней очень немного. Было необходимо добраться в тот же вечер до Кампа-дзонга. Я шопотом отдал приказание не останавливаться даже для еды, и мы убрались, заверяя, что очень спешим. Жители деревни в отношении нечистоплотности превосходят то, что вообще известно о тибетцах: лица их были покрыты толстым слоем грязи, вполне понятной, впрочем, при такой бедности и таком холоде. Мы сами не мылись после Лакена и не столь

уж резко отличались от этих несчастных туземцев, представителей вымирающего крестьянства. Деревня состояла из двух — трех десятков кирпичных домиков и носила типичный тибетский характер. Деревя и бамбука, как в Сиккиме, здесь нет; глинистая почва удобна для производства кирпича, но за отсутствием угля, нефти и дров тибетцам приходится для сушки полагаться на солнце; в дождливом климате — например, на южной стороне Гималаев — такие грубые, необделанные, высушенные на солнце кирпичи быстро размыло бы, но в сухом разреженном воздухе Тибета их хватает навеки.

О сухости тибетского климата свидетельствуют и плоские крыши. Контрастируя с покатыми крышами Сиккима, гармонирующими с горно-долинной формой страны, плоские, ровные крыши тибетских домов кажутся продолжением широких тибетских равнин с той лишь разницей, что поставленные на четырех углах молитвенные флаги, развевающиеся на ветру, придают им некоторую живописность.

Вся деревня собралась вокруг нас и с таким любопытством рассматривала путешественников, перешедших зимою через перевалы, что я поспешил уйти по направлению к Кампа-дцонгу с частью каравана, оставив Сатану и Лхатена для окончания расчетов. Мы продвигались медленно; через полчаса они нас догнали. Километрах в трех от деревни мы остановились и наконец поели досыта.

Предстояло решить, что делать дальше. Отсутствие провианта и недостаточное знание дорог вынуждали нас зайти в Кампа-дцонг, но решался я на это не без страха. Кампа-дцонг — главный город большого округа

и резиденция губернатора. Мне грозили бы неприятности, тем более, что кампа-дцонгские власти в прошлом не раз отсылали обратно европейцев, пытавшихся исследовать Тибет. Но было два случая, когда тут были организованы приемные комиссии в крупном масштабе. Первая из них заседала в 1903 году, когда англо-индийское правительство, желая войти в дипломатические сношения с Тибетом для улажения спорных вопросов между обеими странами, отправило на тибетскую границу специальную миссию, возглавленную майором Ионгхэзбендом, которому было поручено вести переговоры с приглашенными из Лхассы представителями власти. Английская миссия под конвоем двух сотен туземцев вошла в Тибет через Лакен, отбросила в сторону горсть тибетских солдат, сделавших попытку загородить ей путь, пересекла пограничный перевал и в июле разместилась перед самым Кампа-дцонгом. Четыре месяца миссия ждала прибытия из Лхассы ответственных лиц для ведения переговоров, но таковые не явились; вместо них в сторону Кампа-дцонга было спешно двинуто несколько тысяч тибетских солдат с угрозой атаковать британскую миссию, если она не удалится. Миссия была отозвана, но вместо нее была организована известная экспедиция Ионгхэзбенда 1904 года. Эта последняя направилась не в Кампа-дцонг, а вошла в Тибет через долину Чумби—Гианцзе.

Второй случай относится к тому дружескому приему, который Кампа-дцонг был вынужден оказать обеим экспедициям на Эверест. Начиная с 1912 года тибетский двор связан с англо-индийским правительством некоторыми обязательствами, чем и объясняется разрешение, данное партии альпинистов, обогнуть Гималаи

с севера. Этой экспедиции не был разрешен доступ в глубь страны, но, проходя вдоль южного края Тибета, альпинисты смогли на несколько дней остановиться в Кампа-дзонге и использовали его как базу.

Тот факт, что Кампа-дзонг уже имел контакт с европейцами, далеко не служил мне на пользу. Наше внезапное появление в этом официальном центре, да еще среди зимы, могло вызвать подозрения, и я счел нужным отстать от своего каравана, предоставив Сатане одному отвечать на расспросы, если бы таковые последовали; его и Лхатена я послал вперед с тем, чтобы они на ночь сняли комнату в одном из домов отдыха и закупили припасы. Колюх, Диоген и я спрятались до заката солнца в стороне от дороги.

Сатана, желавший блеснуть, отправился верхом на нашем младшем пони, Лхассе, еще довольно хорошо сохранившемся; за ним следовал Лхатен. Мы уселись ждать, но отдохнуть не пришлось. Поднялся неистовый ветер. Подобные ветры бывают только на открытых местах. Ветер, дующий с быстротою ста пятидесяти километров в час, в Тибете не редкость. Эти ветры усиливаются после полудня; иногда после абсолютно тихого утра в половине второго поднимается ветерок, часам к четырем превращающийся в ураган. Ветры имеют тенденцию стихать после заката, но иногда дуют до поздней ночи. Они считаются самыми страшными и опустошительными из числа всех постоянных ветров. Ледяные струи воздуха проникают через любую одежду, удаляя тот небольшой слой теплого воздуха, который окружает тело. Слой грязи, которым обычно покрыто тело тибетцев, является естественной и надежной защитой от них.

В тот день, о котором идет речь, ветер нас измучил. Мы расположили наш багаж полукругом и кое-как примостились. Конюх и Диоген крепко заснули, а я принялся читать тибетские тексты — дело, совершенно несовместимое с моей ролью кули. Мои литературные занятия чуть не навлекли на меня беды. Я не заметил, как подошли какие-то прохожие, и испугался, когда они спросили, кто мы. Я не решился ответить на этот вопрос и принялся петь текст, как бы исполняя религиозный обряд, не терпящий нарушения. В то же время я растолкал конюха, и прохожие вступили в разговор с ним. Не знаю, что он им напел, но говорили они долго, а я, не переставая, пел свой текст, слова которого, как во всех буддийских „сутра“, повторяются бесконечное число раз.

ГЛАВА X

ПОД ВИДОМ КУЛИ

Незадолго до заката мы двинулись, но путь до Кампа-дзонга оказался долгим и трудным. Другой наш пони так измучился, что еле волочил ноги; мы его тащили и подталкивали, но все старания оказались тщетными — пони испустил дух на наших глазах. Распределить тот небольшой груз, который он нес, на остальных животных не было возможности, и мне пришлось бросить седло и один мешок с багажом. Мы и так взяли с собой абсолютный минимум вещей, необходимость же заставляла расставаться с немалой частью и этого минимума.

Расставшись с пони, мы стали подвигаться быстрее. Луна взошла, и ее свет несколько смягчал суровый ландшафт.

Не доходя до города, мы были встречены Лхатеном. Он беспокоился за нас, да и чувствовал потребность поскорее поделиться с нами всем пережитым за день им и Сатаной. Оказалось, власти узнали об их прибытии, опрашивали их и не нашли ничего удивительного в том, что их груз отстал вследствие утомления животных; обо мне не говорили, и их отпустили на рынок за покупками. Там им стоило некоторого труда разменять бумажку в сто рупий (около семи ф. ст.), которую я дал Лхатену; ни один из торговцев не мог разменять

такую огромную сумму; в конце концов четверо богатей сложились и сообща выложили требуемую кучу тибетских монет.

Рупии — индийские деньги, но так как Сикким своих денег не имеет, то рупии сделались разменной монетой. Тибетская денежная единица — „транка“ — составляет около одной пятой рупии или одной четверти шиллинга; эта монета считается серебряной, но едва ли содержит много серебра. Однако в руки крестьянского населения чаще попадают более низкого достоинства медные монеты, которые я здесь перечисляю: *каканг* или одна шестая транки, *карманга* или одна треть транки, *чегиа* или половина транки, *шоканг* или две транки.

В Кампа-дзонг мы случайно попали во время ярмарки; все помещения были заняты торговцами и окрестными крестьянами. Сатану, как хозяина, поместили в самом доме, устроив его в одной комнате с двумя торговцами, а нам, слугам, для ночлега отвели крышу. Плоская крыша сама по себе не представляет больших неудобств, но термометр стоял на 30° ниже нуля, Сатана же, воспользовавшись своим положением, забрал себе все наши одеяла, оставив нам всего по одному.

Лхатен и остальные слуги начали с того, что сошли вниз, в общую комнату, и в ожидании холодной ночи должным образом согрелись горячим ужином и немалым количеством „чанга“. Не чувствуя в себе храбрости встретиться лицом к лицу с толпой, обычно наполняющей всякую тибетскую гостиницу, я остался на крыше, поручив Лхатену сказать, что заболел. Под этим предлогом он мне принес поесть, и редко больной ел с таким аппетитом, как я: ведь на перевалах мы

все время были на волосок от голодной смерти, и теперь я был готов наброситься на всякую еду.

Пока внизу пировали, я дрожал от холода и все время беспокоился, как бы мои слуги не проговорились. Отдохнуть мне не удалось. Холод и нервное возбуждение привели меня в такое состояние, что все попытки заснуть оказались безуспешными; пока мои слуги храпели, я сидел и любовался лунной панорамой. Грязные улицы городка тонули во тьме, а на горе величественно красовался замок. Замки или „дзонги“ занимают такое выдающееся место в ландшафте и в жизни Тибета, что о них следует сказать несколько слов.

Большая часть Тибета населена кочевниками, перемещающимися со стада с места на место и ведущими весьма скудное существование; над этими людьми центральная власть Лхассы имеет лишь слабый косвенный контроль. Но там, где кочевники осели и образовали сельско-хозяйственные или промышленные общины, сделана попытка учреждения нормального административного управления, отчасти заимствованного от старой китайской бюрократической системы и измененного в духе тех церковных начал, которые лежат в основе всей политической организации Тибета.

Г л а в а X I

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ

В настоящее время Тибет разделяется на пятьдесят три административных округа, из которых три занимают особое положение. В каждом из этих округов тот или другой город или деревня служат административным центром. В большинстве случаев губернаторы живут в огромном укрепленном замке, расположенном на вершине невысокой горы, господствующей над окружающей равниной; город или деревня лежат у подножия этой горы.

Большинство замков имеет весьма внушительный вид, и хотя они, как показали события 1904 года, не могут устоять против современной артиллерии, но стрелы и винтовки им не страшны. Эти крепости служат, впрочем, не только защитой против неприятеля, но и устрашающим началом по отношению к окрестному населению.

Происхождение этих замков следует приписать тем же условиям, среди которых в Европе возникли прирейнские средневековые замки; построены они были местными вождями, имевшими большое сходство с воинственными европейскими баронами средних веков. Эти полунезависимые феодалы постепенно вытеснялись централизовавшимся правительством Лхассы, а замки превратились в резиденции назначаемых из центра

бернаторов. Некоторые из этих замков сравнительно нового происхождения и выстроены правительством для своего настоящего назначения, по стилю однако они схожи со старыми разбойничьими крепостями. Развалины старых замков, а также богатых селений, постепенно пришедших в упадок, встречаются по всему Тибету.

Внутри замки грязны, темны, неудобны и часто небезопасны для жилья, но наружный их вид, особенно на расстоянии, чрезвычайно живописен, свидетельствуя об архитектурном вкусе, не соответствующем нынешнему упадочному состоянию тибетского народа; возможно, что эти здания отражают исчезнувшую культурную эпоху страны.

Двойственный характер государственного управления выражается в том факте, что каждый административный округ управляется двумя губернаторами, из которых один — монах, другой — мирянин. Несмотря на то, что власть принадлежит обоим, губернатор-монах считается чином выше. Фактически губернаторы имеют огромную власть в смысле самоуправления: в отдаленных округах их сношения с высшими властями Лхассы ограничиваются ежегодной присылкой в столицу небольшой подати, выплачиваемой натурой.

Жизнь в маленьких тибетских городах так убиенно скучна, что в зимнее время, когда прекращаются сельско-хозяйственные работы и денежные доходы чиновников сокращаются, эти последние под разными предлогами нередко уезжают в столицу; я даже слышал про таких чиновников, из молодых, которые никогда не видят вверенного им округа, держа

там сборщика; сами же, пользуясь связями, наслаждаются благами жизни, живя в Лхассе.

Насмотревшись на замок, спящую деревню и обширную равнину, я снова лег и на этот раз заснул; однако мой отдых был непродолжителен. Я встал рано и в сопровождении Лхатена до зари покинул деревню; остальным было поручено нагрузить животных, расплатиться и с восходом солнца последовать за нами.

Мы пересекли замерзшую речку и, пройдя километра полтора, оглянулись на освещенный восходящим солнцем Кампа-дцонг. День был ясный, и первые лучи солнца бросали розовый отсвет на вершины Гималаев. Более величественной панорамы я нигде не видел. Здесь Гималаи не оставались одним географическим названием, а являлись живой действительностью. Кристлически прозрачная тибетская атмосфера рельефно выделяла каждую подробность, и казалось, что одним взглядом обнимаешь целиком всю горную цепь. К востоку стоял Чумолхари; к югу—Канченджао и Чумиомо, а к западу—Эверест, высочайшая гора мира.

Интересно отметить, что Гималайский массив безусловно влияет на океанские приливы. Геологически он очень недавнего происхождения: Гималайский хребет сформировался около половины третичного периода. Гималаи не образуют настоящего водораздела: воды больших равнин, не находя стока, просачиваются через эту массивную каменную стену.

На равнине Кампа, по которой мы теперь шли, не было ни полей, ни деревень. После того, как мы потеряли из виду Кампа-дцонг, не осталось никаких признаков жизни. Но когда мы дошли до группы низких

гор, возвышавшихся посреди равнины, и обошли их, то неожиданно увидели шесть довольно цветущих деревень, так что мое впечатление относительно полного отсутствия здесь жизни потребовало некоторой проверки. Дорога вела через четыре из них. Скрепя сердце, я двинулся, предварительно поменявшись ношей с Диогеном и взвалив на себя самую тяжелую.

В двух домах мы ненадолго останавливались, и я успел их рассмотреть получше. И здесь было грязно, но дома были все-таки лучше выстроены, чем в первой виденной мной деревне. Почти все они были двухэтажные; об их размерах трудно судить, так как они строятся вокруг внутреннего двора; на двор выходят веранды, пристроенные к нескольким этажам; с этих веранд шаткие лесенки ведут вниз и вверх, служа единственным сообщением между этажами. Внизу помещаются конюшни или амбары, а иногда прислуга, наверху — жилые помещения.

На вопросы, обращенные к нам, мы всегда отвечали, что идем в Шигацзе, — о Лхассе я не упоминал. Безразличное отношение жителей деревень, через которые мы прошли, меня несколько приободрило, но сильно беспокоило поведение Сатаи, разозленного тем, что я не разрешил ему нанять носильщиков.

Не желая ничем рисковать, обеденную остановку я сделал не в деревне, а подальше, на берегу небольшой речки. Мне удалось продавить ледяную кору, и я утолил свою жажду. Мои слуги пили захваченное из Кампа-дзонга ячменное пиво, очень приятное на вкус, но я счел нужным отказаться от него. Огромный труд, которого стоило убедить слуг проводить меня в Лхассу,

побудил выставлять на вид мое почетное звание буддийского священника, — и тем обстоятельством, что мои суеверные слуги считали меня ламой, единственно объясняется та верная служба, которую они мне сослужили.

Добропорядочный буддийский священник не пьет спиртных напитков, и мне надлежало по отношению к моим слугам играть роль ламы так же удовлетворительно, как роль кули по отношению к населению.

Подкрепившись, мы быстро дошли до северной границы равнины Кампа, где дорога опять разветвляется: направо она ведет к Шигацзе, а налево — к монастырю Сакья. Монастырь Сакья — один из старейших монастырей Тибета, славящийся между прочим обширным собранием древних рукописей. Прилегающий город построен на восточном склоне Понпо-ри, около подножия которого протекает река Том. В течение многих столетий монастырь Сакья служил резиденцией правительства. Я воздержался от посещения этого исторического места. Мы пошли направо и вскоре начали взбираться на горный хребет, окаймляющий равнину.

Тибет носит название плоскогория, но он пересечен горными хребтами, иногда довольно высокими, которые разделяют его огромную площадь на отдельные плоскодонные бассейны различных размеров. По высоте своего положения эти бассейны значительно отличаются друг от друга. На огромной пустынной низине Чангтан, лежащей к северо-западу от Шигацзе и мало обитаемой, дно бассейнов лежит на высоте 5180 м над уровнем моря. Равнина Лхассы лежит сравнительно низко, имея лишь 3658 м высоты. Низина Кампа, один

из наибольших бассейнов, лежит на высоте 4572 м, т. е. на высоте Монблана, самой высокой вершины Европы. В некоторых местах, как, например, между Туна и Шигацзе, низины соединены долинами, и там путешествовать удобно; но большею частью путешествие по Тибету состоит из долгих переходов по плоским равнинам, чередующимся с крутыми подъемами и спусками с гор, образующих стенки бассейнов.

Хребет, лежавший на нашем пути, был песчаный и настолько крутой, что восхождение оказалось более трудным, чем восхождение на самый перевал Кору. Даже Сатане, все время ехавшему на нашем последнем пони, пришлось спешиться и помогать выбивавшимся из сил животным пробираться через огромные кучи нанесенного песка. Ближе к вершине почва была покрыта обледенелым снегом, и животным стало еще труднее. Опять нам пришлось вырубать для них ступеньки; все это заняло немало времени, так что было уже три часа дня, когда мы добрались до вершины. Под нами, по ту сторону, расстилалась другая равнина, поменьше первой; деревень не было видно, только кое-где паслись стада яков и овец. Когда мы наконец спустились на дно равнины, я решил остановиться для ночлега и раскинуть наш лагерь на берегу крошечного замерзшего озера у подножия горы. Я знал, что на другом конце равнины находится большая деревня Кума, но не стремился к жилью. Пастухов я не боялся. Эти кочевники — простые, добродушные люди, хотя они иногда и промышляют разбоем, особенно на севере. С городскими жителями кочевники не особенно ладят и ко всяким властям относятся враждебно. У одного из пастухов мы купили якового

молока, которого я выпил с наслаждением; по вкусу оно — нечто среднее между коровьим и козьим молоком и содержит много жира. Сами тибетцы употребляют его очень неохотно: они считают это молоко нечистым, разновидностью мочи; пьют они его только в виде лекарства. Масло однако считается чистым и потребляется в Тибете в огромном количестве, главным образом с чаем. Масло служит не только пищей, но и осветительным материалом.

Во всех древних религиях существует обычай зажигать свет перед священными изображениями; в буддизме Тибета этот обычай особенно развит. Перед главными идолами постоянно горят две или три священные лампы, а в праздники в храмах горят сотни и даже тысячи таких ламп; деньги на них жертвуют верующие, а жгут в них исключительно масло. Лампа состоит из широкой плоской чаши с крученым фитилем из шерсти, вставленным в середине куска масла; желтоватое пламя дает мало света. В домах жителей эти масляные лампы редко употребляются; тибетцы, ложась большею частью с солнцем, редко нуждаются в искусственном освещении. За последнее время в больших городах появились восковые свечи европейского изделия, и городские жители начинают к ним привыкать, но жечь их перед священными изображениями было бы сочтено кощунством.

К яковому маслу я не мог привыкнуть. У него неприятный вкус, и оно скоро портится; тибетцами особенно ценится старое масло — кочевник, у которого мы купили молока, предлагал нам масло, пролежавшее у него сорок лет; попробовав его, я охотно поверил в его древность.

Набежали тучи, и пастухи один за другим стали сгонять свои стада к стоянкам. Яки, очевидно, обладают музыкальным слухом, так как слушаются своеобразного свиста, производимого сквозь зубы, и не разбегаются по дороге; что касается тибетских овец, то они музыки не признают,—их подгоняют градом камешков, которые пастухи ловко пускают из пращи.

ГЛАВА XII

ЖИЗНЬ НА РАВНИНАХ

Вскоре мы опять остались одни, и я почувствовал себя свободнее. Когда пастухи собирались вокруг нас, я притворялся спящим, предоставляя ведение всяких переговоров Сатане и Лхатену. К концу дня снова стало холодно, — мы прямо заоченели. Я жаждал укрыться в палатке, но она, этот верный друг, имела европейский вид, а я боялся, как бы не обратить на себя внимания какого-нибудь случайного путника. К великому неудовольствию слуг, я запретил ее ставить. Несколько утешились мы тем, что развели огонь с помощью якового навоза—обычного в Тибете топлива. Навоз собирают и сушат; он горит быстро и жарко, но издает едкий запах, который придает особый вкус приготовленной на нем пище. Как это ни странно, но к этому вкусу привыкаешь: пища, приготовленная обычным путем, первое время кажется даже безвкусной.

За отсутствием палатки нам не оставалось сделать ничего другого, как постелить одно на одно все наши одеяла, подлезть под них и улечься в кучу, прижавшись друг к другу. Мы спали так крепко и долго, что на следующее утро тронулись в путь только около восьми часов. Животные за ночь наелись и приободрились, однако спины у всех трех мулов были сильно набиты. Произошло это оттого, что неумело распре-

деленный груз все время перевешивался на ту или другую сторону: тибетцы с животными не церемонятся.

В Кампа-дзонге мои слуги в качестве средства для лечения ссадин приобрели черный сапожный крем. Он привозится тибетскими купцами из Калимпонга, а так как тибетская обувь преимущественно шерстяная, красного цвета, то крем применения не находит; однако существует нелепое мнение, что он пригоден для лечения ран. За неимением вазелина мы, промыв мулам спины, вымазали их этим кремом; подседельниками служили одеяла, вымазавшиеся в черной мази, — они ночью замазали и нашу одежду. Но Тибет — царство грязи вообще. Перед отправлением мне очень хотелось вымыть лицо и руки, однако осторожность вынудила отказаться от этого: без соответствующего слоя грязи я мог возбудить подозрения.

Сначала дорога шла по открытой равнине, и двигаться было сравнительно легко, хотя равнина перерезалась оврагами, вымытыми давно пересохшими реками. В одной из котловин мы натолкнулись на стоянку кочевников — несколько шатров, сделанных из выкрашенных в черный цвет яковых шкур. Шатры эти чрезвычайно живописны, и мне очень хотелось приобрести таковой, тем более, что мы могли бы смело им пользоваться по ночам; однако уговорить кочевников продать шатер нам не удалось.

Интересно сравнить этих первобытных обитателей шатров с более культурными деревенскими жителями. Первые преобладают в некоторых округах. Они ведут более свободный образ жизни, владеют значительными стадами яков, овец, коз и пони, пася их по склонам гор и в низинах. В районах Рудок, Нгари-Корсум и

в северном Тибете, в районе Дро-па, все жители за исключением монахов и государственных служащих принадлежат к кочевым племенам. Ныне племена зимою живут в деревнях, но во многих местностях их зимние стоянки состоят из каменной ограды, внутри которой в глубоких ямах расставлены шатры. Некоторые племена высекают галереи в склонах гор; входные отверстия — узкие, но внутри галереи — высокие, просторные и теплые. Летом вид кочевнических стоянок, расположенных на высоких плато и состоящих из черных грубых парусиновых палаток, украшенных ячьими хвостами и молитвенными шестами, особенно живописен. Каждая семья занимает особый шатер; наверху, в центре шатра — небольшое отверстие для дыма; у входа — первобытный алтарь. Внутри шатра помещается человек двадцать, глиняная печь занимает центр. Шатер вождя обставлен богаче: в нем можно встретить иноземные продукты, табак, чай.

Материально кочевники живут неплохо, во всяком случае гораздо лучше среднего городского населения: даже бедняки имеют небольшое стадо; шатер, владеющий полуторой тысячью голов, — не редкость. Шерсть длинношерстных овец, которых в Тибете имеется четыре вида, поступает на одежду и одеяла; вывозится она редко; мягкая же козья шерсть вывозится, ее покупают на производство знаменитых кашмирских шалей.

Одежда кочевников состоит из надетого мехом наружу овчинного плаща, опоясанного кушаком из ячьего волоса. Женщины, кроме плаща, носят шерстяные юбки, полосатые шали и головные уборы (традиционные, во всех районах разные), украшенные кораллами и бирюзой. Женщинам-кочевницам живется легче, чем

их деревенским сестрам: всю тяжелую работу исполняют мужчины.

В центральном Тибете — провинциях Уй и Цзан — кочевники передвигаются с места на место, выбирая пастбища для стад и защищенные, безопасные места для стоянок. Они занимают территорию на юг от озера Ямдро, округа, прилегающие к границам Непала и Бутана, и всю ту огромную пастбищную площадь, которая лежит на северо-восток от Лхассы. Каждое племя в пределах своего округа составляет одно целое; отдельные семьи откалываются, но покидают родную землю редко. Дро-па платят подати скотом, маслом или деньгами и поставляют транспортных животных монастырям и правительственным чиновникам; некоторые наиболее дикие племена податей не признают. Кочующие на северо-востоке от Лхассы племена хор-па подчас изменяют пастушечьему образу жизни; бывает, что шайка человек в двести хозяйничает на протяжении сотен километров, отбивая стада у пастухов и грабя деревни и путешественников.

Дро-па, живущие к востоку от земли Уй — воинственное племя атлетического телосложения; помимо земледелия и коневодства, оно занимается охотой. Племена джиа-де восточных и восточно-центральных округов отличаются многоженством, многосемейностью и занимаются исключительно скотоводством, никогда не покидая своих шатров. Взятые в целом, племена дро-па, благодаря особенностям быта и обычаев, составляют одно из самых интересных явлений тибетской жизни.

Гладкие ледяные поверхности озер, пересекавшие иногда дорогу, требовали от нас, а особенно от наших животных, невероятных усилий. В описываемый мною

день наш путь пролегал по льду, и мы необдуманно пустились по скользкой поверхности. Самый бравый и выносливый из наших трех мулов упал и повредил себе ногу; сначала я подумал, что она сломана, но через минуту мул оправился и бодро заковылял. Интересно было наблюдать, как медленно и уверенно шагали по льду яки. Як—замечательное животное, и о нем следовало бы написать целую книгу. Он сохранился и в диком состоянии. Существует несколько видов и скрещений его. Самая распространенная порода—результат скрещеня яка-быка с индийской коровой; эта порода служит в Тибете в качестве сельско-хозяйственной и транспортной. Дикий як похож на американского бизона. У него та же большая, низко посаженная голова, бока до самого хвоста покрыты длинной густой шерстью, свисающей до земли и защищающей от холода обнаженную нижнюю часть живота, раздвоенные копыта приспособлены для лазания, язык вооружен колючками, позволяющими животному отрывать и прожевывать жесткие стебли, мхи, лишай и колючие растения, которыми оно питается. Взрослый самец от головы до основания хвоста длиной около 4 м, его высота до плеч достигает $1\frac{2}{3}$ м, длина обращенных вперед рогов—около 75 см. Домашние яки и помеси—меньше ростом. Як медлителен, зато он чрезвычайно крепок ногами и по кручам лазит как коза; бродят яки стадами, иногда вместе с дикими ослими и антилопами; они могут существовать за снеговой чертой, выкапывая зимой пропитание из-под снега.

Мы были уверены, что знаем путь, но когда дошли до широко расходящегося тройного разветвления его, у нас возникло сомнение в направлении, по какому

следует направиться. Следуя буддийскому правилу, мы избрали „средний путь“. Двигаясь с большим трудом против сильного ветра, дувшего прямо в лицо, мы, пройдя уже с десятков километров, встретили крестьян, гнавших яков в Куму, и от этих крестьян узнали, что мерзли и боролись с препятствиями напрасно. Эти добрые люди, пожалев нас, объяснили, как попасть на верную дорогу, а беззубая старушка, ехавшая взгромоздившись на спину яка, угостила меня и Диогена, самых жалких из нас всех, чангом. Изменив на этот раз обету трезвости, я с удовольствием глотнул ячменного пива. Через час мы были снова на старой дороге и шли по ней, чуть не падая от усталости. Когда мы наконец остановились на голом, пустынном месте, то увидели, что находимся всего в пятнадцати километрах от Кумы. В воздухе носились снежинки. Оглядываясь назад, мы могли различить, что на перевале, которым мы прошли, разразилась снежная буря. Останься мы в горах еще дня три — мы погибли бы в снегу. Однако и настоящее наше положение было далеко не безопасно.

Расставлять палатку мы не решались — дул яростный ветер. Такого холода мы еще не испытывали; якового навоза не было, и мы даже не могли мечтать о том, чтобы сварить себе чаю; всех нас страшно мучила жажда, и хотя мы находились на берегу речонки, но напиться не было возможности: вода замерзла, и можно было лишь откалывать кусочки льда и давать им таять во рту. Это была ужасная ночь. Мы делали отчаянные попытки заснуть, но ледяные порывы ветра проникали через одеяла, не позволяя согреться. Несчастный Диоген простонал всю ночь: отмороженные ноги причиняли ему нестерпимую боль. Такие лишения — сверх челове-

ческих сил, и я ничуть не удивился, когда Сатана среди ночи объявил о своем намерении бросить все это дело. Остальные стали на его сторону. Приняв во внимание положение дел, я решил, что не время спорить, и пошел на компромисс. Я объяснил моим слугам, что наши физические страдания происходят от того, что мы спим под открытым небом и что нам бояться нечего, если мы будем проводить ночи в деревьях, в тепле, и сытно питаться, что, кроме того, возвратиться в Сикким нам сейчас не удастся, так как перевалы закрылись окончательно.

После некоторых возражений мой новый план был принят. Он, конечно, увеличивал риск быть задержанным, но я чувствовал, что больше не имею права подвергать слуг лишениям, подобным тем, которые они только-что перенесли. Мир и согласие водворились снова. По удивительному совпадению умиротворился и ветер, и нам удалось крепко заснуть.

ГЛАВА XIII

ВПЕРЕД, В ШИГАЦЕ!

Проснувшись, я с ужасом увидел склонившуюся надо мной тибетскую физиономию. В моей голове мелькнула, как молния, мысль о том, что я выдан. Я быстро закрыл глаза и притворился спящим. Однако страх оказался напрасным: старик, напугавший меня, шел с сыном из Кумы в Шигацзе и, увидев людей, спящих под открытым небом, пожелал узнать, кто они. Лхатен сумел ответить на все расспросы, а Сатана, не удостоив меня ни единым взглядом, совершенно самостоятельно принял предложение этих людей продолжать путь вместе. Мы поспешно уложились, и я двинулся в путь в подавленном настроении.

Дорога вилась по легкой покатости, и к полудню мы достигли ее высшей точки, отмеченной несколькими алтарями, украшенными молитвенными флагами. Здесь была вершина водораздела. Река, к которой мы подошли по ту сторону ее, текла в Брамапутру, в эту жизненную артерию Тибета, диагонально прорезающую страну на протяжении нескольких тысяч километров. Большинство городов Тибета лежит на этой реке или на ее притоках: Шигацзе и Гианцзе — на Нианге, а Лхасса — на Кию; обе реки — притоки Брамапутры. Я чувствовал, что мы проникли в сердце Тибета. Часть страны, орошаемая Брамапутрой — самая плодородная.

С самого начала спуска стало ощущаться потепление—градусов на пять.

Географически Тибет распадается на три главных ландшафтных типа, известных под именами Ронг или долинный тип, Дро или плоскостный, пастбищный тип и Цзан или пустынно-равнинный тип. Тип Ронг встречается в более гористых частях страны и состоит из узких, часто хорошо обработанных долин и ущелий, лежащих между горными хребтами. Типы Дро и Цзан—широкие равнины или плоскодонные бассейны, из которых ниже лежащие, более плодородные и удобные для пастбищ, носят название Дро или пастбищной земли. За более высокими и холодными равнинами сохранилось название Цзан. Изменение ландшафта указывало на то, что мы из типа Цзан перешли в тип Ронг.

В области Ронг, особенно между Шигацзе и Лхассой, много деревень и монастырей; она изрезана крутыми хребтами, глубокими оврагами, стремительными потоками и узкими, темными ущельями. Путешествовать по ней трудно, но обитатели ее ведут деятельный и, видимо, счастливый образ жизни. Деревни лепятся на уступах и склонах гор, по бокам долин, у слияния рек; обилие воды, плодородные заливные берега рек и защищенное положение всей области Ронг благоприятствуют ее заселению.

Область Дро, территория полукочевых дро-па и их разнообразных стад, лежит преимущественно в южной части Тибета, простираясь до Дро-де, на северо-восток от Лхассы, которая сама на протяжении 200—300 км окружена прекрасной местностью, богатой большими реками и долинами, интенсивно культивированными.

Область Дро — дикая, суровая территория. Огромные горы высятся непосредственно над долинами и своими зубчатыми, образующими разнообразные углы, шпилями смотрят на множество трясин, болот, опасных скважин и пропастей. Темная торфообразная почва покрыта жесткой травой и кое-где кустарниками; на берегах рек встречается ива и тополь, в особо благоприятных местах — можжевельник и низкорослая хвоя, а летом и чудесные цветы. Тут и там разбросаны небольшие города и деревни, далеко не так многочисленные, как в области Ронг. Лето продолжается четыре месяца. В октябре выпадает снег, и вид местности меняется: нанесенные ветрами снежные сугробы замерзают, и между ними в течение всей зимы бродят зайцы, лисицы, редкие антилопы, дикие ослы и яки, которых можно увидеть высоко на скалистых уступах гор, в защищенных углах отыскивающими скудные остатки травы. Пастухи уводят свои стада, уходя в свои хижины или деревни.

Большая территория на западе Тибета известна под именем области Цзан. Ее покрывают дикие степи, а на западной окраине — довольно внушительные горы. Равнина состоит здесь из широких, неглубоких долин длиною от двадцати до пятидесяти километров; долины окаймлены круто возвышающимися горами, с вершин которых не видно ничего, кроме голых, пустынных пространств, кое-где прорезанных рекою или мелким озером. Озера большею частью соленые, обрамленные беловатой каймой из испаряющихся содовых и солевых осадков; почва глинистая, с примесью песка. Озера и болота расположены между 33° и 82° восточной широты, в очень сухой области, где почва покрыта

селитрой. Скучная растительность попадает только на дне более глубоких долин, остальное пространство голо. На юг от 33° широты, на высоте 4500 м, растет жесткая трава, подкармливающая домашний скот чанг-па, жителей этой области, а также служащая кормом диким ослам и антилопам; существует полоса хорошей пастбищной земли, около 120 км длины, где растет сочная трава, дикий ревень и проч. К северу, в соляных долинах, где комы соли лежат прямо на поверхности земли, еще попадает плохая трава; и даже еще далее к северу пасутся стада диких животных. Зимой здесь мороз доходит до 45°, при чем соленые озера не замерзают; это тем более любопытно, что горячие источники, часто бьющие из-под земли в соседстве озер, замерзают, образуя твердые, будто хрустальные ледяные колонны. Следует заметить, что высокое плато „Равнины севера“ лежит на высоте от 4500 до 5300 м над уровнем моря.

У нас был с собою только маленький мешочек с ячменной мукой. Из реки мы зачерпнули в чайник ледяной воды, разболтали в ней муку, и этой скудной пищей пришлось довольствоваться до вечера. Около четырех часов на повороте долины мы увидели в отдалении деревню, в которой нам предстояло отдохнуть.

Тибетцы много путешествуют в пределах своей страны, и в каждой деревне имеется по крайней мере один дом отдыха. На больших дорогах, по которым ездят правительственные курьеры и чиновники, эти дома оборудованы довольно хорошо, но на второстепенных трактах, в роде того, по которому шли мы, устройство их очень примитивно: это — частные жилища,

в которых домохозяйка превращается во всемогущую „немо“—хозяйку гостиницы. Животных предоставляется ставить во двор, заботятся о них сами путешественники. Более богатые или знатные получают отдельную комнату, но обычно все проезжающие пользуются общей комнатой, где отдыхают, едят, пьют и спят. В том доме, куда нас привели наши спутники, общая комната помещалась в первом этаже, и единственное ее окно, полузакрытое ставнями, выходило на двор, где стояли наши животные. В ней было очень темно, что мне было на руку, так как позволяло сравнительно спокойно исполнять роль помощника Лхатена. Кроме нас, тут находилась только одна группа путешественников, состоявшая из четырех лиц, занятых своими делами. С ними мы после взаимных приветствий могли не общаться. Комната была совершенно пуста, с земляным полом и голыми стенами. Только в углах стояли тюки с нашими вещами и грузом проезжих. В Тибете мелкие кражи обычны, и путешественники предпочитают не расставаться со своим багажом.

В два часа утра наши спутники собрались в путь. В Тибете путники обычно выступают так рано для того, чтобы еще до наступления послеполуденных ветров успеть пройти полагающийся на день огромный переход. Наши сборы были очень коротки. Я бы не отказался от горячего крепкого чая, но тибетцы положительно удивились, что такая идея могла притти мне в голову. Конечно, мы не потеряли ни одной минуты на умывание: большинство тибетцев вообще никогда не дотрагивается до воды. Тибетская пословица гласит: „Тибетец снаружи черен, а внутри бел, иностранец снаружи бел, а внутри черен“.

Луна освещала дорогу, которая вела по узкой долине реки Ре, притока Брампутры. Я уже не считал нужным сторониться наших тибетских товарищей. Я успел убедиться в том, что они нас ни в чем не подозревают, и установил с ними дружеские отношения. Это были добродушные, наивные люди; старший нес в руке молитвенное колесо, которое беспрестанно вертел. Младший, которому было лет сорок, видно, еще не достиг возраста благочестия; он временами распевал довольно игривые песни и усердно постегивал свою лошадь кнутом.

Меня беспокоило другое: моя борода начинала линять, а для того, чтобы достать из багажа запасную краску, надо было дожидаться остановки; пока же я мог только все туже и туже завязывать шарф, пряча в него свою бороду.

Часов в девять мы подошли к деревне, расположенной у слияния Ре с притоком, источник которого находится недалеко от Гианцзе. Вид этой деревни меня поразило. Сначала я не понял, что в ней особенного; только потом я сообразил, что с тех пор, как я вошел в Тибет, я не видел ни одного дерева, а здесь, на окраине деревни, стояла небольшая группа черных обнаженных деревьев, вид которых радовал душу. Деревья можно встретить только в бассейне Брампутры и прилегающих речных систем; сохранить их удается только благодаря тщательному уходу. В этой симпатичной деревне я понадеялся утолить голод, но наши проводники упорно шли вперед еще целых два часа и миновали еще две деревни, прежде чем наконец остановились перед стоящим у дороги домом, где предоставили нам один час на отдых и еду.

Трапеза тибетских крестьян неизменно состоит из мяса, ячменя и чая. Мясо, яковое или баранье, всегда мороженное; днем оно оттаивает и портится, хотя в таком виде считается более вкусным. Чай—очень плохой, китайский, прессованный; чтобы получить компактные плитки, к чайным листьям примешивается небольшое количество якового навоза. Чай кипятят, прибавляя к нему огромное количество масла, немного соды и соли. Этот масляный чай потребляется в огромном количестве и служит не только напитком, но и едой: в него бросают горсть тонко смолотой ячменной муки, из которой пальцами скатывают шарики. Сырое гнилое мясо, масляный чай и ячменная мука—не особенно аппетитная еда, но сорокапятикилометровый переход притупляет все чувства, кроме голода.

Лхатен сумел незаметно достать и сунуть мне бутылку с краской для волос. Он понял также, что мне нужно уединиться, чтобы воспользоваться краской. В то время как другие нагружали мулов, он во всеуслышание приказал мне взять узел и итти вперед, так как я всегда-де копаюсь, а он-де не желает, чтобы я отставал. Я поспешил исполнить его приказание. Когда дом скрылся из вида, я привел в порядок свою бороду и расстался наконец с шарфом.

Глава XIV

ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА

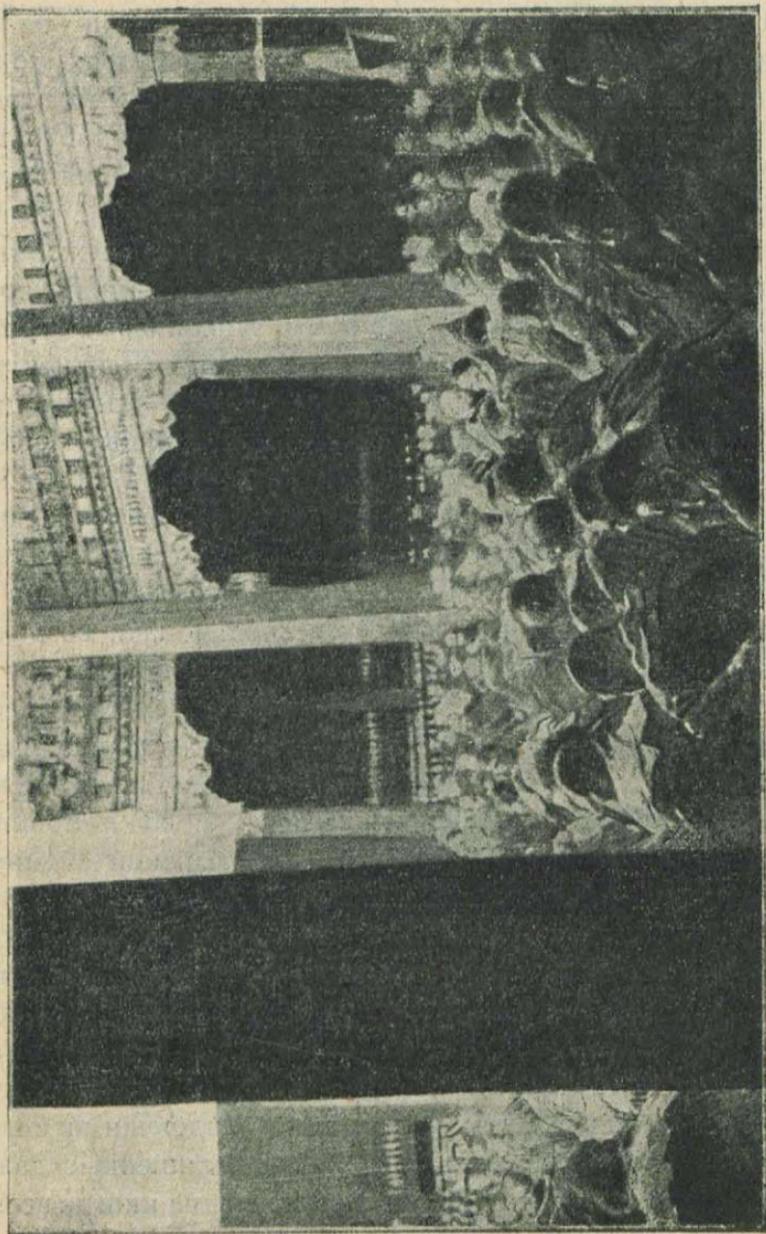
Вскоре дорогу опять пересекла река. Навстречу по ту сторону ее шел огромного роста крестьянин с крошечной женой. Контраст был поразительный. Жители центральных частей Тибета невысоки ростом, и я решил, что этот парень происходит из К'ама, значительной восточной провинции, где большинство жителей очень высокого роста, многие же положительно гиганты. Великан торопился. Огромными ногами с необычайной легкостью мерил он пространство, бедная жена его буквально бежала, чтобы поспеть за ним; мужа это нисколько, очевидно, не смущало, и он только изредка поощрял ее пинком; однако, когда дело дошло до переправы через реку, он выказал неожиданную для меня галантность.

Лед был тонкий и на каждом шагу проваливался; великан, видя, что его жена несколько колеблется, ловко подхватил ее одной рукой подмышку, словно мешок с мукой, перенес и поставил на берег, недалеко от места, где я стоял. Я был бы очень рад, если бы и меня переправили таким же образом, но мне не оставалось ничего другого, как пуститься через реку вброд, по колени в ледяной воде.

Караван догнал меня, и через непродолжительное время мы увидели перед собой монастырь Раджигимпо.

В Тибете деревни, монастыри и замки распределены по территории в определенном порядке. Деревня почти всегда находится на равнине или в долине, большей частью у подножия горы; монастырь почти всегда построен на склоне, а замок — на вершине невысокой отвесной горы, царящей над равниной. Следует отметить, что близкого отношения к деревне тибетские монастыри не имеют. Их храмы не служат приходскими церквями, а являются академиями, где преподаются и совершаются таинственные обряды и религиозные церемонии буддийского культа. Каждое утро в этих храмах собираются монахи для совершения службы, но было бы неправильно называть тибетских священнослужителей жрецами или священниками: они — монахи; монастыри и храмы существуют для них, а не для жителей окрестных городов и деревень; никаких приходских обязанностей монахи не несут. Каждое селение имеет свой алтарь, а иногда и свое молитвенное колесо, но когда больной или умирающий хочет обратиться за религиозной или врачебной помощью к „святому человеку“, посланному за ним приходится идти в монастырь, иногда за 15 км и больше.

Наружные стены монастыря спускаются к самой долине. Отдельные здания его, соединенные между собою каменными лестницами, возвышаются друг над другом по склонам горы; самое верхнее здание — обычно амбар, где сохраняются огромные запасы сушеного мяса и других припасов. Внутри ограды, имеющей выходы на все четыре стороны света, помещаются жилые дома монахов, школы и большая зала, где происходят религиозные церемонии. Эта главная зала обычно украшена резьбой и стенной живописью; крыша поддержи-

МОЛЕНИЕ ЛАМ.

вается резными, изукрашенными деревянными пилястрами; на деревянных и металлических алтарях, тоже резных, стоят изображения будд, перед которыми горят неугасаемые масляные лампы. На стенах висят портреты умерших настоятелей или большие изображения буддийских божеств, которые в июне и в ноябре выносятся и вывешиваются на наружных стенах. Служебные здания, библиотеки, храмы, камеры, служащие для карательных целей, и проч. образуют живописный городок, пересеченный улицами и переулками, в центре которого находится большой двор, где происходят некоторые из церемоний и религиозные танцы. Невдалеке уединенно разбросаны кельи монахов, предающихся созерцательному, молитвенному образу жизни; у подножья, с наружной стороны стены, построены жилые дома и своеобразные клубные помещения монахов и паломников. Они довольно интересны: монахи создают сообщества, каждое имеет свой сборный пункт.

Во главе монастыря стоит старший лама. В более крупных монастырских общинах это—воплощенный Будда, личность, облеченная большой властью и имеющая под своим началом известное число помощников—тоже главных лам. Члены монастырской общины образуют влиятельные политические корпорации; для приведения в исполнение своих целей они не останавливаются перед применением силы. Число этих членов монастырских общин весьма значительно: в двух больших монастырях под Лхассой в совокупности насчитывается их до шестнадцати тысяч человек. На ряду с большими монастырями, владеющими богатыми землями, существуют и бедные, лишенные даже архитектурного значения, гомпы, состоящие иногда всего

из одного только строения квадратной формы, служащего приютом нескольким монахам.

Миновав монастырь, мы покинули берег Брамапутры и свернули вправо, в боковую долину, чтобы сократить путь и пересечь горный хребет. Дорога вела по некрутому склону, но прошло много томительных часов, прежде чем мы достигли самого перевала.

До сих пор мой организм удивительно противостоял огромному физическому напряжению. Казалось даже, что выносливостью я превосхожу своих слуг. Первые признаки дизентерии, появившейся у меня на перевалах, исчезли, и я воспрянул духом, но в этот день они внезапно возобновились с большой силой; понадобилось ужасающее усилие воли, чтобы не отстать от каравана. Дело ухудшалось и тем, что у меня сильно болели ноги. На них от промокшей обуви образовались пузыри; трение обуви причиняло невыносимое страдание. Я стащил сапоги и пошел босиком, но от этого легче не стало, так как острые камни врезались в израненные подошвы. Когда село солнце, стало холодно, пальцы ног страшно озябли. Я боялся, что меня ждет судьба несчастного Диогена, ноги которого не заживали.

После невероятных усилий мы достигли наконец вершины хребта. Этот перевал называется Намбул. Бассейн Брамапутры лежит значительно ниже остальных частей Тибета, так что этот крутой перевал лежит всего на высоте 4511 м над уровнем моря. Мы пришли с юга и восходили постепенно; спуск на другую сторону был крут и каменист. В деревне Намбул-дцонг я постарался хоть несколько восстановить свои силы, после чего мы двинулись в путь. Только около шести часов утра конюх купил мне пару тибетских сапог, на

которые я возлагал большие надежды. Кожаные сапоги в Тибете носят гораздо меньше, чем шерстяные. Эти последние шьются из плотной шерстяной ткани, иногда под подошву подшивается тонкая кожа. Голенища достигают почти колен, поддерживаясь двумя тонкими шерстяными завязками, иногда изящно вышитыми. Чаще всего эти сапоги выкрашены в красный цвет, но попадаются и разноцветные. Различные окраски имеют особое значение. Монахи — особенно около Лхассы — носят преимущественно кожаные сапоги, там же, где носятся шерстяные, существуют особые образцы и расцветки, отличные от принятых у мирян. Женская обувь — преимущественно зеленая.

Новые сапоги сначала мне понравились, но и в них ноги продолжали так сильно болеть, что сапоги эти вскоре пришлось снять; однако камни причиняли рваные раны, боль стала нестерпимой, и мне снова пришлось их напялить.

Вскоре мы очутились в широкой, плоской долине, где местность приняла более цветущий вид. Через километра три дорога слилась с той большой дорогой, которая ведет из Шигацзе на запад, соединяя центральный Тибет с верхним течением Брамипутры и святыми озерами Манасаровар, куда ежедневно отправляются на богомолье тысячи людей. За этой тибетской Меккой дорога продолжается до Лё, в Ладаке, и далее до самой Кашмирской долины. Это — волшебный путь. Движение здесь не прекращается, и как только мы попали на эту дорогу, непрерывный живой поток стал течь нам навстречу и вслед. Мимо нас промчался правительственный курьер. Курьеры отвозят приказания губернаторам отдельных провинций; они делают на

перекладных по 300 км в сутки. Крикливые женщины, пешком и на мулах, возвращались из Шигацзе в свои деревни; шли непальские литейные мастера, за которыми послал сам Великий лама, чтобы заказать им колокол для своего монастыря; ехали кашмирские мусульмане, которым разрешается доставлять в Тибет редкие товары для знати Лхассы и Шигацзе; тянулись, вертя свои молитвенные колеса или перебирая четки, паломники; на худой кобыле трусил казначей какого-то монастыря; лицо у него было сухое, жестокое; его дело — собирать подати, а к стати — заниматься ростовщичеством; очень интересное зрелище представляло стадо вьючных тибетских овец.

Я почти падал от усталости, когда мы наконец остановились в деревушке Нартанг. Монастырь Нартанг славится своей книгопечатней. Здесь печатается большинство книг, потребных для всех монастырей страны. Лхасса имеет свою книгопечатню, некоторые издания печатаются в Пекине, в Монастыре лам, но при всем том слава Нартанга остается незыблемой.

Тибет имеет большую литературу, почти исключительно религиозную; значительная часть ее состоит из переводов сочинений, первоначально написанных в Индии по-санскритски. Оригиналы этих сочинений в большинстве случаев потеряны, так что изучающие древнюю индийскую литературу, историю и философию должны для своих изысканий обращаться к тибетским источникам.

Существует большое количество отдельных индивидуальных сочинений, но большинство известных подлинников заключено в двух сборниках. Названия их — „Кан-чжур“ и „Тан-чжур“.

„Кан-чжюр“ („Бка-чжюр“ или „Передача слова“ Будды) состоит из 100 (иногда 108) томов, приблизительно в тысячу страниц каждый, и включает 1 083 сочинения. Почти все они переведены с санскритского (небольшое число—с китайского) языка и принимаются в качестве подлинных речей исторического Будды, с чем критическая мысль, конечно, не может согласиться. Тринадцать томов посвящены каноническому законодательству, трактующему вопросы дисциплины и организации жизни монахов, остальные томы содержат велеречивые рассуждения о религии и морали. „Тан-чжюр“ („Ботан-чжюр“ или „Передача поучений“) обычно печатается в 225 томах и представляет официально принятый комментарий к „Кан-чжюр“. Это собрание тоже состоит из большого количества отдельных сочинений. Многие из них—оригинальные произведения выдающихся тибетских авторитетов. Это собрание знакомит нас отчасти с философской стороной буддизма. Грубые бессмыслицы „Кан-чжюр“ в нем смягчены. На ряду с сочинениями чисто эзегетического и философского характера „Тан-чжюр“ содержит книги, посвященные музыке, технике и алхимии, которые в эпоху расцвета буддизма являлись составными частями этого учения. Большинство этих книг были переведены и сочинены в период расцвета тибетской словесности, совпадающего с эпохой между IX и XIV вв. нашей эры.

Что касается современной литературы, то она отрывочна и малоценна, состоя главным образом из религиозных трактатов и биографий более или менее известных лам.

После короткого отдыха в деревне, где мы наскоро поели во дворе, не зайдя даже в дом, я ушел вперед

с Диогеном и нашим тибетским стариком. Перспектива большого перехода меня удручала, и я не обратил должного внимания на „молитвенную стену“, стоявшую среди деревенской улицы; я собирался пройти мимо нее справа; на мне были темные очки, и старик, которому была рассказана история о моих больных глазах, считал меня полуслепым. Он меня одернул, сказав, что тут „стена“ и что я иду не с той стороны, с которой следует.

Это заставило меня встrepенуться: я живо отошел влево и прошел мимо стены так, как этого требует религиозный обычай.

Молитвенные стены — каменные или кирпичные — встречаются по всему Тибету; существуют совсем коротенькие, но бывают и такие, которые тянутся почти на километр. Их часто ставят посреди большой дороги; они украшены священными надписями и барельефными изображениями различных будд. Воздвигнуть такую стену считается большой заслугой; встречаются они почти всегда близ селений.

Спутники нас догнали, дневной переход продолжался довольно благополучно, хотя мне все время казалось, что я не выдержу и что придется мне от всего задуманного отказаться.

В середине долины пришлось пересекать широкую мелкую реку. Я разулся, и этим сберег свои ноги. Через несколько часов мы дошли до нового перевала. Он был не крут и довольно удобен, но благодаря дизентерии я так ослабел, что должен был держаться за хвост пони, на котором сидел Сатана. Таким путем меня и втащили на вершину. Но там я был вознагражден за все пережитое.

В конце долины, на расстоянии, не более восьми километров, показались огромные массивы строений, составляющие Ташильгумпо — знаменитый монастырь. Шигацзе был еще скрыт за горой, но я знал, что мы достигли наконец первого этапа нашего пути и что мое предприятие не потерпело полного крушения, если даже мы и не дойдем до Лхассы.

ГЛАВА XV

МИНОВАЛИ ШИГАЦЗЕ

Мы успели подружиться с нашими тибетскими товарищами и с радостью приняли их приглашение остановиться у них, в крошечной деревеньке у подножия монастыря Ташильгумпо.

Центральный Тибет состоит из двух провинций: Цзан — на западе, Уй — на востоке. Столица первой — Шигацзе, второй — Лхасса. Не так давно каждая из этих провинций была независимым государством, и еще доныне настоятель монастыря Ташильгумпо является номинальным повелителем Цзан, хотя эта провинция находится под полным контролем Лхассы. Политически далай-лама имеет большее значение, чем таши-лама, между тем как духовная власть обоих одинакова. Благодаря большей религиозной значимости последнего многие тибетцы рассматривают далай-ламу исключительно как светского, а таши-ламу — как духовного правителя Тибета. К большой моей радости я узнал, что таши-лама должен днем пройти с процессией по улицам Шигацзе. Когда я стоял среди толпы, мне удалось мельком его увидеть. Приятная, утонченная наружность и почти робкий вид как нельзя более соответствуют его духовному облику и положению.

Монастырь Ташильгумпо считается первым в Тибете; он славится как рассадник науки и привлекает в свои

стены из всех частей страны многочисленных ученых монахов, добывающихся той особо почетной ученой степени, которую дает именно этот монастырь. В настоящее время число монахов доходит в нем до пяти тысяч человек.

В этот день мы купили старенького ослика, с тем, чтобы разгрузить себя. Вечером наши хозяева устроили в нашу честь прощальный банкет и щедро угостили нас „араком“. Так называется крепкий дистиллированный чанг. Этот арак чуть не погубил нас. Вечер начался очень весело, быстро сменялись громкие шутки и веселые народные песни, настроение поднялось. Лхатен и Сатана быстро напились и в самый неуместный момент затеяли ссору, перешедшую в драку. В пылу ярости они забыли о своих ролях и принялись взывать ко мне как к хозяину, с тем, чтобы я уладил их спор. Ужас мой был неописуем, но беспредельная наивность наших хозяев спасла положение; они ничего не поняли, и в конце концов все улеглось.

Был уже час ночи, но спать я не мог. Страх принял такие размеры, что я еще задолго до восхода солнца встал и шепнул Лхатену, что пора уходить. Мы нагрузили мулов и нового осла, разбудив Сатану, когда все уже было готово; мы усадили его в седло и вывели на дорогу, прежде чем он успел достаточно очнуться для того, чтобы запротестовать. Вправо от нас лежало китайское кладбище, многочисленными могилами как бы напоминавшее о померкшем владычестве Китая над Тибетом.

В Тибете мертвых не хоронят. Наивысших лам бальзамируют, тела золотят и выставляют в храмах, где они служат предметом поклонения. Менее знатных лам

В отдельных редких случаях сжигают по древнему индийско-буддийскому обряду; но дрова в Тибете так редки, что сжигание мертвых в больших размерах немыслимо, и поэтому народ выработал свои собственные методы уборки покойников: ими кормят свиней и собак, а также коршунов и грифов. Кладбища — лишь места, предназначенные для погребальных церемоний; сюда приносят мертвецов, кладут их лицом вниз на каменную плиту и разрубают на куски, в пищу плотоядным птицам и животным. Тело, съеденное птицами, а не четвероногими, достаивается, по поверью, лучшего возрождения. По кладбищам бродят нищие; они отгоняют четвероногих уборщиков до появления коршунов и грифов, которые издали чувствуют трупный запах и собираются целыми стаями. Первый отрубленный кусок отдается старшему в стае грифу; он отвечает на зов, сам подсакивая за подачкой. Эти птицы совсем ручные и реагируют на голос совершающего обряд ламы. Нищие довершают разрубание тела; кости и последние кусочки, брошенные даже свиньями, зарываются где попало.

Таши-лама.

Шигацзе расположен на Нианге, километрах в пяти от его слияния с Брамапутрой. Нескладный мост, по

которому мы перешли через эту реку, называется Сампа Шар или Восточный мост; он около 100 м длиной и $2\frac{1}{2}$ —3 м шириной; длинные доски, укрепленные на земляных подпорках, покрыты каменными, засыпанными

землей плитами.

ТИБЕТСКАЯ ПРИНЦЕССА.

Сатана продолжал злобствовать. Он вел себя отвратительно: например, без малейшего предупреждения стащил с моей головы и надел на свою мой шлем, объявив, что такая шапка слишком хороша для простого кули.

Дорога из Шигацзе в Лхассу делает большой крюк; курьеры и большинство путешественников следует по ней до Гианцзе,

откуда дорога поворачивает на северо-восток, в Лхассу. Я не хотел возвращаться в Гианцзе, и мы направились наискось, по малоезженной дороге, ведущей к берегу Брамапутры, вдоль которого лежал наш дальнейший путь.

В Шигацзе я мало отдохнул, да и сильно наволновался перед самым уходом. В результате явилась страшная усталость: я стал спотыкаться на каждом шагу, и даже Сатана заметил, что я выбиваюсь из сил. Когда впереди нас оказалось совершенно безлюдное пространство, он предложил мне уступить свое пони. Доброта его чрезвычайно меня удивила,—я увидел в его поступке желание косвенно загладить вчерашнюю вину. Я с радостью принял его предложение, но, видно, сама судьба была против меня. Не успел я проехать нескольких километров, как больной пони внезапно пал.

Знатные женщины. Мать и дочь.

Из шести животных мы лишились трех, а до Лхассы оставалось еще несколько дней. Мы продолжали шагать километр за километром. Я шел только потому, что

чувствовал, что итти надо. В полдень мы часок отдохнули в маленьком грязном деревенском домике.

Отойдя всего 4 или 5 км от привала, нам пришлось снова остановиться—на этот раз в деревне—из-за того, что купленный недавно осел отказался итти дальше: он, видимо, был не кормлен. Мы решили заночевать в деревне Пенгма, чтобы дать ему оправиться. Жители деревни оказались до крайности нелюбезными; дома отдыха были переполнены, и нам грубо отказывали в приюте. В конце концов нас впустили в дом, уже занятый значительным количеством монахов, возвращавшихся из Шигацзе в свой монастырь. Они пили и шумели, пользуясь отсутствием монастырской дисциплины, и я предпочел улечься на дворе в стойле, чем разделить общую с ними комнату. Они и пируя оставались неприветливыми и как бы попадали в тон всей деревне. Исключение, несколько неудачное для меня, составляла наша „немо“, хозяйка, статная женщина лет сорока, имевшая уже пять законных супругов. Ей, по какой-то непонятной причине, понравилась моя наружность, и мне, к моим двум ролям—ламы и кули, пришлось по отношению к ней играть третью роль—Иосифа Прекрасного. В Тибете делание „глазок“ и поцелуи неизвестны, и я часто спрашивал себя, как же тут флиртуют? Сам я однако не собирался учиться этому на собственном опыте и поэтому постарался возможно скорее выйти из неловкого положения; устоять против искушения было не очень-то трудно, если принять во внимание, что моя искусительница, подобно всякой другой тибетской женщине, была невероятно грязна.

И многомужество и многоженство одинаково практикуются в Тибете, единобрачие же имеет мало сторон-

ников. Обычаи несколько различаются в зависимости от условий той или другой части страны, но самым сильным фактором брачных отношений служит нераздельность семейной собственности. Жена старшего сына делается совместной собственностью всех взрослых его братьев. Если братья покидают семью, они не обязаны чем-либо вознаградить общую жену, и фактически отношения между младшими братьями и ею действительны только на время их жизни в семье. Бывают случаи, когда дядя или отец мужа предъявляют права на его жену; в высших кругах признаются, как общее правило, совместные супружеские права отца. Гораздо реже случаи, где мужа одной и той же женщины принадлежат к различным семьям, но встречаются и подобные примеры многожества. Происхождение тибетской формы многожества, имеющего целью сохранение неприкосновенности семейной собственности, приписывается провинции К'ам, где эта форма практиковалась ранее, чем в провинциях Цзан и Уй. Женщины защищают многожество на том основании, что оно придает им большее значение в общине; хотя и существует многоженство, они, особенно в высших классах, относятся с презрением к тем беспомощным женщинам, которые вынуждены, как это имеет место в Индии, подчиняться этому обычаю.

Развод в Тибете получить чрезвычайно легко при условии, что оскорбленная сторона согласна за него платить. Плата варьируется в зависимости от обстоятельств и устанавливается соответствующими законоположениями. Муж, желающий избавиться от жены и обвиняющий ее без оснований, в то время как она желает продолжать жить с ним, должен выплатить ей

двенадцать шо золотом (около 90 рупий) и сверх того выдавать два килограмма ячменя в день и столько же за каждую ночь, проведенную с ним со дня свадьбы. Все сделанные жене подарки остаются за ней, равно как и драгоценности, полученные ею от родственников. Когда ищет развода жена, а муж, признанный невиновным, желает продолжать жить с ней, то она за свою свободу должна заплатить деньгами или ценностями, вдвое превышающими стоимость принадлежащей ей обстановки. Если же невиновность мужа остается под сомнением, то жена имеет право выдать ему только один костюм и одну пару сапог, коврик, одеяло и шарф, а муж вручает жене шарф или какой-либо другой обусловленный предмет. После развода муж оставляет себе мужское потомство, жена — женское, но если муж достаточно состоятелен, то его можно привлечь к участию в содержании дочерей; жена, обладающая собственностью, обязана помогать своим сыновьям. Эти общие правила относятся к высшим классам, в низших же слоях общества они претерпевают разнообразные изменения.

Существуют и временные браки, заключаемые, так сказать, ради удовольствия; расторжение их сопровождается разделением собственности пополам. Развод не мешает новому вступлению в брак.

Я находился на неведомой территории, не занесенной на карту даже местными агентами разведки, обозревавшими Тибет в течение прошлого столетия по поручению англо-индийского правительства. Поэтому я старался записывать как можно больше географических подробностей. Писать я мог только в лунные ночи, да и то приходилось делать это втайне, пряча бювар под

одеяло при малейшем движении кого-либо из спавших около меня.

Двинулись мы в путь еще ночью и до восхода солнца шли ровным шагом, прислушиваясь к отдаленному рокоту реки. Затруднения представляли мелкие речки, текущие в Брамапутру; приходилось перебираться по скользкому льду, но нам помог наш опыт,—караван оставался невредим. Местами горные отроги спускались под прямым углом к самой реке, и нам приходилось итти по самой воде, чтобы их обогнуть.

После часового отдыха в деревне Ругу мы отправились дальше. Снова пришлось огибать горный отрог, за которым показалась новая широкая равнина.

Днем стало очень жарко. Долина Брамапутры — самая теплая часть Тибета; ночи и здесь очень холодные, но в полдень голой рукой ни до чего нельзя дотронуться — все раскалено; между тем в защищенных от солнца местах почти так же холодно, как ночью. Ртуть часто стояла на 30° ниже ноля ночью и на $110\text{—}120^{\circ}$ выше ноля в полдень. Удивительное ощущение испытываешь, когда одной ногой стоишь в тени, другой — на солнце, рискуя одну ногу отморозить, а другую сжечь.

Казалось, что нашему пути нет конца. Я чувствовал себя все хуже, и мне думалось, что дальше двигаться не смогу. Мы решили дойти до деревни Транка, где останавливаются все путешественники. На вопросы, где эта Транка, мы получили все тот же ответ: „недалеко“. После трех часов ходьбы мы наконец в километрах семи различили эту деревню.

Тибетцы вообще удивительно неточны во всем, что касается вычислений и измерений. Для определения

расстояния я слышал следующие три выражения: *козацаа*, что буквально обозначает то расстояние, до которого доходит голос, а практически — от ста до пятисот метров; *цапо* или *цаса* — пол-перехода, т. е. от семи с половиной до пятнадцати километров; и наконец *сказа*, т. е. полный переход. Крестьяне иначе не считают. Должностные лица иногда рассчитывают расстояния в китайских „ли“, довольно изменчивой величине, или в английских милях, с которыми они ознакомились по милевым камням, расставленным по дороге Гианцзе — Ятунг.

По отношению к времени я чаще всего слышал следующие термины: *ниша* — днем, *цен* или *гонгмо* — ночью, *чаке-тангпо* — первая песня петуха, *чаке-ниша* — вторая песня петуха, *торанг* — перед самой зарей („лжезаря“), *цешар* — восход солнца (буквально: „свечение вершин“), *шокке* — раннее утро, *цатинг* — позднее утро, *нин-гунг* — полдень, *гонгта* — послеобеденное время, *са-рип* — сумерки, *нам-че* — полночь.

Я так ослабел, что мог подвигаться очень медленно. Лхатен спас положение, убедив меня выпить большую дозу арака. Этот отвратительный напиток сжег мне все внутренности, но возымел прямо магическое действие: последние километры я прошел в рекордном темпе.

Транка расположена у подножия горы, одиноко возвышающейся среди широкой ровной местности. На вершине замка нет; там стоит алтарь, перед которым утром и вечером жгут ладан. Почва кругом бесплодная. Дом, в котором мы остановились, был хорошо обставлен: толстые твердые подушки с наброшенными на них коврами приятно напоминали диваны. Такого дома отдыха мы еще не видели, так как до сих пор

не пользовались большими проездными дорогами. Один из диванов был занят монахом, другой достался, разумеется, Сатане. Монах нараспев читал религиозную книгу, то и дело прерывая чтение, для того чтобы глот-

Религиозный танец лам в монастыре.

нуть чаю из стоявшей перед ним чашки. Окончив свое занятие, он обратился к нам с предложением за некоторую мзду спеть „сутру“ за спасение наших душ. Пение или чтение молитв за лиц, просящих об этом, составляет один из главных доходов монахов.

Монахи, вообще говоря, зарабатывают на свое питание самыми разнообразными способами, из которых некоторые плохо вяжутся с их духовным саном: например, они шайками выходят на большие дороги

и грабят прохожих и купцов, совершая даже налеты на деревни. Доходы монастыря не делятся между братией, за исключением, впрочем, платы за погребальные обряды и подаяний, жертвуемых „святым“ людям во время жатвы. Определенного жалованья монахи не получают; более богатые получают пособие от своей семьи, которая платит и за их образование; для сыновей землевладельцев, ушедших в монахи, откладывается доход с определенного поля, носящего название „лама и шинг“ („поле ламы“), но такого дохода часто нехватает на жизнь, и в поисках заработка монахи часто прибегают к самым разнообразным средствам. Монахи полноправные, достигшие известной степени религиозного образования, приглашаются для совершения свадебных и других обрядов, а также к больным и новорожденным для предсказаний. За эти услуги они получают плату деньгами или натурой. Есть в монастырских братствах и такие монахи, которые нанимаются на полевые работы.

Монастыри владеют землями, дающими доход; земли эти обрабатываются арендаторами, которые, вместо арендной платы, отдают монастырю треть полученного урожая. Эта подать часто вносится через посредство специальных сборщиков, которые пользуются своим положением для собственных выгод. В то время как монахи свободны от всяких налогов, несчастные крестьяне не отделяются одной податью—на них возлагается доставка транспортных животных для перевозки тех товаров, которыми монастыри торгуют.

По деревне с гамом расхаживали уличные певцы. Настоящая банда ворвалась во двор и изобразила нечто в роде бесовского танца. На певцах были черные маски.

Оркестром служил огромный барабан и несколько медных кимвалов. Ужасающий треск, который производили эти инструменты был, однако, заглушен пением женского персонала труппы. Танец исполняется мужчинами,

ОРКЕСТР ЛАМ.

но в деревнях их роли большею частью берут на себя женщины.

Вечером монах ушел, и вся комната оказалась в нашем распоряжении. Я этому обрадовался, а Сатана— больше меня: он воспользовался случаем, чтобы потребовать с меня тысячу рупий под угрозой сообщить местным властям, кто я. Первым моим движением было его исколотить, но я во-время спохватился и пошел на

компромисс. Я обещал ему двести рупий на случай, если мы окажемся в Лхассе, — я сам, конечно, дал бы ему больше этого, если бы он вел себя иначе. В то же время я потребовал от него письменного подтверждения его претензии, на что он пренаивно согласился, и после этого объяснил ему, что теперь он в моей власти и что если нас вышлют из Лхассы по его вине, то он будет посажен в Индии в тюрьму за шантаж.

После этого инцидента мы улеглись спать, а на следующее утро двинулись дальше, как всегда, за два часа до восхода солнца.

По ту сторону оригинальной горы Транка, которую нам пришлось сбогнуть, равнина настолько песчаная, что следы, указывавшие нам дорогу, были занесены. Из страха снова заблудиться я настоял на том, чтобы придерживаться берега реки, хотя это и удлинило путь.

Около одиннадцати часов мы проходили через деревню Наму, в центре которой расположен большой монастырь. К нам подошла небольшая группа монахов, и один из них принялся нас расспрашивать: сиккимские костюмы, не вполне схожие с теми, которые носят в центральных частях Тибета, повидимому, возбудили в нем подозрение. Сатана, от которого я все время ждал предательства, теперь, очевидно, решил во что бы то ни стало доставить меня в Лхассу. Угрожающие мины монахов его не смутили, он отвечал на их вопросы или, вернее, обходил их с изумительной ловкостью. Любознательный монах, не вполне удовлетворенный, насел на Диогена, несколько отставшего от нас. Но этот проstack твердо помнил, что не следует

ничего рассказывать, и его односложные ответы помогли, пожалуй, еще больше, чем разглагольствования Сатаны.

Наш инквизитор по всем признакам был „чот-тримпа“ или тот инспектор, обязанностью которого является слежка за тем, чтобы поведение монахов согласовалось с каноническими правилами. Во всех больших монастырях существует целый ряд должностей, связанных с различного рода обязанностями и носящих особые наименования, но какого-либо одного устава для назначения и распределения этих должностей не существует. В преобразованных монастырях толка „желтой шляпы“, которая в настоящее время составляет государственную церковь Тибета, обычные должности приблизительно таковы.

Во главе монастыря стоит настоятель. В некоторых случаях он—воплощение божества (трю-ку), и в этом случае его избрание происходит еще в младенческом возрасте; в других случаях он является специально назначенным властями начальником (кенпо). Управление и все светские дела монастыря находятся в руках казначея — „чандцо“ и заведующего — „чиньер“. За порядком следит „лобпен“ или „профессор“, устанавливающий программу занятий и сам отчасти ведущий преподавание; его помощником является вышеупомянутый чот-тримпа.

Главный храм и установление больших церковных церемоний находятся в ведении законодательного органа, состоящего из главного священнослужителя — „умдце“, пономаря—„киниер“, раздатчиков чая—„чама“ и других монахов. Часть их несет специальные обязанности. Таковы, например, монахи-врачи, заклинатели,

живописцы, счетоводы, сборщики, кастеляны, повара и прочие.

Я намеревался в этой деревне пообедать и отдохнуть, но присутствие монахов меня напугало, и мы продвинулись вперед еще на целый час пути, зайдя для обычного дневного отдыха на стоявший в стороне от дороги постоялый двор.

ГЛАВА XVI

ВДОЛЬ БРАМАПУТРЫ

После обеда мы двинулись дальше вдоль самого берега реки. Горные хребты, тянувшиеся до сих пор параллельно руслу ее, в расстоянии около 5 км от обоих берегов, начинали сдвигаться; в некоторых местах мы могли заглянуть в прозрачную глубь воды, кишевшей невероятным количеством рыбы, и полюбоваться бесчисленными стаями уток и журавлей на берегу. Изредка по реке проплывала лодка. Тибетские лодки квадратные, очень неуклюжие, гребцы управляют ими плохо. Лодки пропитываются водой; на каждой остановке торопятся их вытащить на берег; сделаны они из очень тонкой кожи и чрезвычайно легки.

На озерах лодок не бывает; деревни и храмы, построенные на островках среди озер, имеют сообщение с берегом лишь в короткий зимний период по льду.

Под вечер нам пришлось долго идти по пескам. Ветер дул с такой силой, что мы подвигались с трудом. Я заметил, что песок почти не сметало, и воочию убедился в уже известном мне факте, что ветер большей частью дует не над самой землей, а приблизительно на метр выше ее поверхности и почти не ощущается, если ляжешь. Наблюдение над песком навело меня на

другое любопытное явление. В одном пункте довольно мощная река текла из поперечной долины по направлению к Брамапутре, но приблизительно за километр до главной реки течение ее ослабевало, и в расстоянии около 600 м до своего впадения она исчезла, будто поглощенная песками! Ее течение продолжается, очевидно, под землей, однако полное исчезновение потока производит поразительное впечатление.

С трудом пробирались мы через глубокий песок. На протяжении нескольких километров не видно было и следа человеческого жилья. Я серьезно стал подумывать о том, как бы расположиться под открытым небом; остальные однако настояли на том, чтобы двигаться дальше. Наконец после длительного пути мы добрались до голой, мрачной деревни Лангтру. Здесь Брамапутра, до сих пор разветвляющаяся на несколько мелких потоков, извивающихся по широким руслам, соединяется в один узкий поток с течением необычайной силы и скорости. Отсталый способ местной навигации бессилён справляться с такими условиями, и речное сообщение, существующее на протяжении целых сотен километров, в этом месте приостанавливается. Я узнал, что в 90 км ниже оно возобновляется, но вследствие быстроты течения речного сообщения между Шигаце и Лхассой нет. Деревня Лангтру—последняя пристань на верхнем течении реки.

В доме с наступлением ночи стало нестерпимо холодно; чанга не было, топлива хватило только на то, чтобы вскипятить чай. Поев, мы тотчас же залезли под свои одеяла, чтобы согреться. В Тибете помещений не топят; тибетец для тепла только кутается, зимой и ночью таская на себе весь свой гардероб.

На следующий день мы шли вдоль скал, окаймляющих Брамапутру; местами тропа настолько узка, что мулов и пони приходилось разгружать и перетаскивать тяжести самим, из боязни, что животное оступится и свалится в пучину, бурлящую на глубине свыше 100 м. На голых скалах местами встречаются священные надписи и прекрасно исполненные барельефные изображения будд.

Долина Брамапутры — по-тибетски Цзан-по — представляет много интересного для исследователя. Река на протяжении 1980 км течет с запада на восток, через центр южного Тибета, большей частью по широкой долине; в эту долину изливаются другие небольшие реки; в период половодья они, сливаясь с Брамапутрой, образуют широкий поток, местами очень бурный; в обычное же время каждая из них течет по собственному ясно очерченному руслу, промытому в общем русле.

Долина Брамапутры — старая формация, с горами, отлого спускающимися к широкому руслу реки, со скалами, покрытыми почвой и обильной растительностью. Но по какой-то странной причине там, где Ронг сливается с главной рекой, начинается формация совершенно нового типа: горы изрезаны глубокими крутыми долинами, скалы голы и не обветрены. Эта формация тянется километров на восемьдесят, а дальше вновь появляется прежний равнинный тип. Остается только предположить, что в сравнительно недавнее время река проложила себе новый, более узкий путь в середине старого широкого русла.

Наша тропа была очень неудобна: приходилось карабкаться то вверх, то вниз вдоль уступа скалистой стены. Дальше дорога выпрямилась и расширилась, и мы ускорили шаг.

В поисках за солью и ячменем Лхатен познакомился в деревне с крестьянами, отправлявшимися в город Язе, лежащий на дороге в Лхассу, и уговорился итти вместе с ними, при чем они разрешили нам воспользоваться двумя из их пони, которые в ожидании груза шли по-рожняком. Таким образом мы имели надежных проводников, а Лхатен и я могли, подобно Сатане, ехать верхом. Я почел это за великое счастье. Свежие пони я представил Лхатену и Сатане, а себе взял нашу измученную клячу, с тем, чтобы под хорошим предлогом отставать от других и держаться подальше от новых товарищей.

С выходом из деревни мы покинули берега Брамапутры и начали подниматься по широкой поперечной долине вдоль реки Ронг. Итти дальше по берегу главной реки не представлялось возможным: горы сдвигались все ближе и ближе, и тут Брамапутра на протяжении 90 км превращается в ряд стремнин, ущемленных между отвесными скалами, местами достигающими 300 м высоты. Несмотря на то, что Лхасса лежит на северной стороне Брамапутры, нам приходилось делать большой обход к юго-востоку, до озера Ямдро, истока реки Ронг. Там мы могли опять свернуть к северу и, перейдя горный хребет, вновь подойти к Брамапутре близ того места, где река Кии, на которой стоит Лхасса, впадает в Брамапутру с севера.

Поздно днем мы увидели перед собою Ронгпо, где должны были заночевать. Несмотря на то, что я все время избегал близости замков, мне пришлось подчиниться маршруту наших проводников, которые настояли на том, чтобы остановиться в доме отдыха у самого подножия „дзонга“. Дом был переполнен; разговоры не умолкали, делались попытки вовлечь в общую беседу и меня.

Я однако знал, что моего тибетского разговорного языка хватит ненадолго, и поэтому, ответив на несколько вопросов, укутался в свое одеяло и улегся раньше других.

В половине второго меня уже подняли на ноги. Ранним утром сильного ветра обыкновенно не бывает, но в этот день дул настоящий ураган. Я заметил, что в долинах Тибета ветер особенно силен благодаря тому, что он в них концентрируется.

Была полная тьма, но наши проводники шли не колеблясь. Дорога лежала то в более старой верхней долине, то в нижней, позднейшего происхождения, и уходило много времени на переходы из одной в другую; долины отделены друг от друга скалистыми уступами в пятнадцать — двадцать метров высоты.

Мы прошли через город Рачампа в темноте и стойко продолжали свой путь до зари, когда достигли места, где река Ронг раздваивается. Около полудня мы сделали привал в деревне Трумза. По двору дома отдыха бегали цыплята, при виде которых у меня потекли слюнки; о гнилом яковом мясе я не мог думать без отвращения. В согласии с тибетским предубеждением до сих пор я воздерживался и от яиц и от цыплят, но здесь, при виде последних, меня осенила мысль, что не для красоты же их держат, что наверно кто-нибудь ими лакомится без свидетелей, следуя индийской пословице: „нет глаза — нет касты“. Мое желание хотя какой-нибудь перемены в пище было настолько сильно, что я решил преступить обычай и через посредство Лхатена приобрести двух птиц. Заплатить пришлось по одной транке (3 пенса) за штуку, но хозяин, „непо“, настоял на том, чтобы мы поймали этих птиц сами, так как он не желал принимать участия в незаконном деле.

Ветер дул с ледников, — такого холода я в Тибете днем еще не испытывал. Я убедился в том, что долина Брамапутры — самая теплая часть Тибета; чем больше мы от нее удалялись, тем становилось холоднее. При таких условиях легко понять мое удивление, когда около четырех часов пополудни я заметил близ берега несколько совершенно голых людей, лежавших у самой дороги; подойдя ближе, я увидел, что они лежали в мелких лужах дымящейся воды. Я узнал, что деревня, по которой мы проходили, славится горячими ключами; им приписывается огромное целебное действие, и тибетцы, иногда превозмогая свое отвращение к какому бы то ни было омовению, на целые часы погружаются в горячую воду. Устройство этих ванн крайне примитивное, — можно только удивляться тому, что больные не схватывают воспаления легких, вылезая из ванны прямо на ледяной ветер. Для использования ключей все же была произведена довольно сложная работа: мелкие водоемы, в которые собирается ключевая вода, выдолблены, и в них, с помощью отвода холодного ручейка, получается вода разных температур, от теплой до почти кипящей. Помимо целебных свойств, серные источники и в другом отношении имеют большое значение для населения: тибетцы страдают от паразитов, буддийская же вера запрещает истребление насекомых; источники дают возможность избавляться от них путем, не явно противоречащим религиозному предубеждению. Дома отдыха кишат насекомыми, они завелись и на моем теле. Я охотно окунулся бы в горячую серную воду, но не решился этого сделать из боязни смыть краску, эту необходимейшую принадлежность моего внешнего вида.

Минеральных источников особенно много в области соленых озер, на больших высотах. Некоторые из них, в виде гейзеров, бьют высоким фонтаном, другие просачиваются через скалы и, стекая, образуют бассейны в естественных водоемах. На плато, на высоте 4800 м над уровнем моря, где почва замерзает на восемь месяцев в году, а ртуть стоит на 30° и 40° ниже нуля, струи воды, с силой вырывающиеся из-под земли, иногда замерзают в воздухе, образуя подобие сталагмитов.

За деревней вид долины изменился. Горы сдвинулись, на месте широкой верхней и узкой нижней долин осталось лишь вымытое рекой ущелье с высокими отвесными стенами, возвышающимися на 100 м над головами. Для прохода между утесами и водой оставался уступ в полметра ширины; река была покрыта толстым слоем льда, по которому нам приходилось идти по отмелям у самых скал.

Солнце уже село, когда мы вышли из ущелья и вошли наконец в деревню Рампа. В этот день мы находились в пути восемнадцать часов. Конюх по дороге ощипал и вымыл цыплят, и в доме отдыха мы сумели, не привлекая внимания, опустить их в кастрюлю и сварить. Свежая горячая пища явилась для нас истинным благодеянием.

Вечером я имел новое доказательство преданности моего слуги Лхатена. Его одежда была теплее моей, и он, заметив, как я страдаю от холода, настоял на том, чтобы поменяться ею со мной. Я носил все три свои тибетских костюма, надевая их, согласно местного обычая, один на другой, при чем самый плохой—снаружи: чем беднее, несчастнее и угнетеннее я казался, тем меньше ведь было опасности задержания.

ГЛАВА XVII

КАРТИНЫ ЖИЗНИ И ПРИРОДЫ

В третьем часу утра мы двинулись дальше. Характер ущелья не изменился, но теперь мы шли не около самой воды, а верхом, по краю скалистого берега, метров на десять — пятнадцать выше русла реки. В полной темноте я шел без очков, но на рассвете, на виду у чужих спутников, снова вооружился ими, и все вокруг меня затуманилось. Наскочив на шедшего впереди меня, я скатился в обрыв. Скалы, казавшиеся отвесными, на мое счастье, в этом месте были достаточно отлогими, что несколько смягчило силу падения. Все же, ударившись с страшным треском об лед, который провалился, я, вместо горячей ванны, о которой мечтал накануне, окунулся в ледяной поток. Ошеломленный, я выругался на родном языке. Хорошо, что моего голоса не было слышно сверху. Слуги перепугались и бросились меня спасать. Глубина воды была не более 1,75 м, и Лхатен с конюхом меня быстро вытащили. Сатана прямо обрушился на меня за неосторожность, и его тибетские ругательства выразительностью и разнообразием далеко превзошли мои английские. Несмотря на сотрясение и сильный ушиб бедра, я довольно скоро оправился, и мы смогли продолжать наш путь.

Долина опять расширилась, ландшафт резко изменился; река текла уже не по ущелью, а в центре широкой, ровной местности. Не доходя Язе, мы остановились в небольшой деревне, у родственников наших спутников, и там неожиданно-негаданно мне удалось восстановить свои силы.

Одежда требовала починки. В поисках за иглой Лхатен на дне мешка нашел горсть рассыпавшейся овсянки; чашку молока удалось раздобыть „для большого“. Увы, сахара не было, но и то, что оказалось, было для меня настоящей оргией. Я воспрянул духом и набрался свежих сил.

На пути в Язе мы встретили интересную процессию. Какое-то знатное лицо, назначенное гражданским губернатором одного из дальних округов, проезжало со своей свитой, направляясь из Лхассы. Впереди шествия проводники длинными бичами разгоняли народ, в том числе и нас. Вельможу окружали вооруженные отличными ружьями всадники; сзади, на некотором расстоянии, следовал багаж на двадцати мулах, украшенных красными шерстяными кисточками и обвешанных бубенчиками. Одежда свиты была из тонкого красного сукна, на головах у всех были огромные плоские шляпы, обшитые красной тесьмой. Сам губернатор и его штаб шегбляли в китайской желтой шелковой парче. Повар— „макен“—и дворецкий—„ниерпа“—в подобных случаях едут впереди, приготавливая лучший дом отдыха. Великолепие подобной процессии усугубляется тем угнетенным состоянием крестьянского населения, перед глазами которого она проходит. Тибетский крестьянин тяжело страдает от системы косвенного обложения—„ула“. Согласно закону „ула“ каждая семья, в зависимости от состоя-

ния, обязана поставлять каждому совершающему какую-либо поездку должностному лицу известное количество верховых и вьючных животных, а также фураж,—и все это без всякой компенсации. Крестьяне должны сами сопровождать своих животных, уход за которыми лежит на них же, а также молча мириться с их гибелью, нередко являющейся последствием дурного обращения с животными во время пути.

Как только губернаторское шествие появилось на горизонте, мы спешили и сошли с дороги. Сатана и старший из наших спутников, как лица почтенные, только сняли шляпы и стояли с непокрытой головой, но я с остальными участниками нашего каравана были вынуждены изобразить тибетский поклон по положению. Для этого открывают рот и высовывают язык, а кулаки сжимают, вытягивая большой палец вверх, в знак полного раболепства. Губернатор не ответил, разумеется, на поклон, а двое слуг из озорства хватили нас кнутами; мне больно обожгло плечи.

В Язе меня ожидали неприятные новости. Весть о моем исчезновении из Дарджилинга была передана тибетскими агентами в Лхассу, и там уже распространились самые нелепые слухи об „иноземном дьяволе“. Хорошо еще, что мы прибыли в Язе в обществе людей, хорошо известных всей деревне: на нас не падало и тени подозрения. Но до Лхассы оставалось еще 100 км, а наши спутники дальше не шли. Было над чем призадуматься.

Впредь приходилось быть еще осторожнее. Ночевать я решил в Язе. До вечера оставалось еще много времени, и я отправился гулять, взяв собою Лхатена. Я захватил свою косметику, чтобы вдали от людей поправить грим.

Одной из целей моей прогулки было хотя издали взглянуть на знаменитый монастырь Самдинг. Мы пошли берегом реки Ронг; впереди нас виднелся рукав озера Ямдро. В этом месте я наблюдал необычайное количе-

Процессия. Паланкин таши-ламы.

ство дичи, зайцев, журавлей, а также красивых диких браманских уток, считающихся несъедобными. Мы подошли к ним почти вплотную, — так мало боятся они человека; враги их — лисицы и волки — находились неподалеку, и мы своими глазами видели, как волк погнался за зайцем и поймал его. И волки и лисицы — песчано-бурого цвета, сливающегося с окружающим ландшафтом; разглядеть их удастся лишь тогда, когда

они находятся в движении. Такое обилие фауны поражает при обычном взгляде на Тибет, как на огромное голое пространство, лишенное растительности. Между тем на востоке и юго-востоке на плодородных долинах и в других мало известных северных областях, даже на высотах, достигающих 4900 м над уровнем моря, животный мир исключительно богат. Яки, овцы, пони, козы, антилопы и дикие ослы встречаются повсеместно; есть места, где изобилуют волки, черные и желтые медведи, рыси, а кое-где—тигры и леопарды. В огромных количествах водится и всякий мелкий зверь: заяц, сурок, бесхвостый кролик, крыса, бесхвостая полевая мышь и другие грызуны, а также выдра, куница, барсук, дикобраз и всякого рода дичь: утки, гуси, тетерева, куропатки и др.

Знаменитейший в Тибете монастырь Самдинг (буквально: „Храм парящего созерцания“) — на половину женский; во главе его стоит женщина, перевоплощение Дорье-Памо, свиноликой богини, пользующейся в Тибете исключительным почетом. Ее монастырь принадлежит к ордену „Красной шляпы“ (не принявшему реформ), к которому господствующий орден „Желтой шляпы“ относится с пренебрежением. Но в отношении настоятельницы сделано исключение: она пользуется высшими почестями и разделяет с таши-ламой и далай-ламой привилегию церемониальных поездок. Она имеет право не стричь волос, однако, например, лежачее положение ей воспрещено; спать она может только днем, сидя на стуле, ночь же проводит в созерцании, в позе, специально установленной для этого умственного упражнения.

Когда мы шли обратно в Язе, Лхатен уговаривал меня отдаться в руки властям и не рисковать жизнью.

Добрый слуга беспокоился за меня, но узнав о моем непоколебимом намерении довести до конца начатое дело, только поворчал, обещая меня не покидать.

После прогулки он отправился, по моей просьбе в деревню на поиски попутного каравана. Путешествие в обществе тибетцев представляло для нас неоценимые преимущества. Нашлись люди, шедшие в Кушул, и, хотя от этого пункта до Лхассы еще около 70 км, мы сговорились идти вместе.

Глава XVIII

В ЛЬВИНУЮ ПАСТЬ

На следующий день около четырех часов утра мы двинулись в путь с нашими новыми товарищами. Я шел пешком, взвалив на себя самый большой, с виду самый тяжелый из наших мешков. Было еще темно, когда мы снова достигли озера. На этот раз мы свернули влево и долго шли берегом его. На рассвете мы увидели замок Педе-дцонг (часто пишут: Палти-дцонг). Я надеялся миновать его под покровом ночи, но мы вышли из Язе слишком поздно — при первых лучах восходящего солнца наш караван был замечен и остановлен двумя выбежавшими из замка служащими. Судя по внешности, чин их был невысокий: костюм состоял из длинного халата фиолетового цвета и широкополой шляпы. Огнестрельного оружия при них не было, а были длинные кнуты с бамбуковыми ручками. Когда они начали нас подробно расспрашивать и рассматривать, я был уверен, что на этот раз дело мое проиграно. На Сатану было обращено особое внимание, на его слуг — гораздо меньше; физический осмотр моей персоны ограничился обследованием груди, оказавшейся столь же черной и грязной, как грудь любого тибетца; на глаза внимания не обратили; впрочем, трудно было

вообще предположить, что белый человек согласится тащиться пешком по сорока пяти километров в день, да еще с тяжелой ношей за плечами.

Нас отпустили, и мы опять зашагали вдоль берега.

Озеро Ядро лежит на высоте 4300 м над уровнем моря и окружено сочными пастбищами. Оно имеет около 160 км в окружности и очень глубоко; в него вдается знаменитый полуостров, оканчивающийся подобным острову мысом То-нанг; полуостров соединен с западным берегом двумя узкими перешейками, придающими ему вид скорпиона, держащегося за берег своими когтями. Монастырь Самдинг стоит на одном из мест соединения полуострова с сушей, а на невысоких горах, уступами спускающихся к центру полуострова, расположено четыре монастыря, подчиненных монастырю Самдинг.

Вода озера Ядро пресная; с юга в него впадают три небольшие реки, с северо-востока он питается ледниками. Северный берег отделен от реки Брамипутры высоким горным хребтом Камба-ла, расположенным на полосе суши шириной в 2 км; он не допускает сообщения между озером и рекой, лежащими на 610 м ниже его уровня. Недалеко от южного берега на маленьком острове Ямбу, стоит другой монастырь. Отделенное только скалистым хребтом от Ядро, озеро Рамбуда-цо или „Бутыль червей“ служит местом погребения монахов. Ядро или озеро Палти, как его иногда ошибочно называют, расположено чрезвычайно живописно; снежные вершины контрастируют с величественными пастбищами, а сравнительно густо населенные берега представляют оживленную для Тибета картину.

Тибет — страна озер. Во многих местах они расположены группами, большинство из них очень мелки; почти все они питаются исключительно ледниками и тающими снегами. Здесь находятся высочайшие в мире водоемы. Рекорд высоты — за озером Хора-цо; его поверхность равна 274 кв. км, на нем несколько островов; оно лежит на высоте 5465 м над уровнем моря и находится на северо-западе Тибета. Высочайшее европейское озеро (Невшатель в Швейцарии) лежит на уровне 438 м. Южно-американский рекорд — 4175,8 м (озера Гуатапури, Колумбия), а северо-американский — 1280,2 м (озеро Уотертон в Скалистых горах). Самое большое из тибетских озер, Куку-нор, на северо-восточном хребте Нань-шань, имеет 390 км в окружности; второе по размеру — Цагуи-цо. Цо — по-тибетски озеро, но соленые озера называются „цакка“ — соленые колодцы.

Многие из тибетских озер, особенно на севере, насыщены солями. На территории Дро — озера пресные и изобилуют рыбой. Соль, а также хлористый калий, осаждаются после испарения воды; ветер наносит целые горы этих минералов. Во всех озерах наблюдается тенденция к высыханию и исчезновению, — по многим данным и воспоминаниям местных жителей, водная поверхность значительно уменьшилась. Интересно отметить, что по-тибетски названия гор — все мужского рода, а названия озер — женского.

Около четырех часов дня мы покинули берега озера и свернули влево, к перевалу Кампа; вскоре начался очень крутой подъем, правда, не очень длинный, так как горы, отделяющие озеро от долины Брамапутры, имеют не больше 309 м высоты; нам он показался бесконечным благодаря тому состоянию переутомления,

в котором мы находились. С животными было особенно трудно: один из мулов лег на полпути, и нам стоило невероятных усилий поднять его на ноги. К концу подъем стал менее крут. Незадолго до захода солнца мы достигли вершины перевала и вновь увидели перед собой долину Брамапутры. Такого великолепного вида я еще в Тибете не встречал, но в моей роли тибетского простолюдина мне не подобало долго любоваться красотами ландшафта.

Длинный, отлогий спуск в долину занял по времени больше двух часов. На окраине деревни Кампбарцзе мы провели ночь в доме отдыха обычного типа. Язык, обычаи, костюмы (особенно женские) несколько отличались от тех, с которыми мы уже познакомились; особенно бросались в глаза женские головные уборы совершенно особого рода.

Фактом было то, что мы оставили провинцию Цзан за собой и находились в провинции Уй. Таким образом мы находились теперь не только в Тибете, но в самом сердце Тибета, в той провинции, столица которой — Лхасса.

ГЛАВА XIX

„СКВОЗЬ СТРОЙ“

Сознание преодоленных препятствий давало мне большое удовлетворение, и могущие встретиться новые затруднения меня не пугали.

Мы вышли рано утром, в полной темноте. Была безлунная ночь, и можно было продвигаться вперед исключительно благодаря изумительному знанию дороги нашими неопенимыми спутниками. Дорога лежала вдоль реки, то вёрхом, в некотором отдалении, то самым берегом, где приходилось итти по колени в сыпучем мелком песке. Еще не рассвело, когда мы достигли Чакзама, места переправы через Брамапутру. Там огромный горный выступ нависает над самой рекой. Вопреки моим страхам стражи, опрашивающей путешественников, направляющихся на другой берег, не было. Объяснялось это тем, что перевоз был не казенный, а частный, составляя доход ближайшего монастыря.

Перевозчики еще спали, и я успел прогуляться. Монастырь, стоящий на берегу, раньше служил точкой опоры большого железного висячего моста, некогда соединявшего оба берега Брамапутры. Хотя мост еще и стоит, являя на фоне утренней зари необыкновенно красивое зрелище, но им уже давно не пользуются.

Река расширила свои берега, и мост, как островок, стоит среди воды. Современный Тибет, находящийся в периоде упадка, не заботится о восстановлении мостов, довольствуясь первобытными парами. Между тем древний мост этот был прекрасно построен и простоял столетия. Его воздвиг Тантонг, родившийся в 1385 г. Тибетская религия почитает его как святого, и его изображению поклоняются в прилегающем к мосту монастыре. Этому же царю приписывается постройка ста восьми храмов и семи других мостов на Брампутре, из которых некоторые сохранились до наших дней.

С первыми лучами солнца я поспешил обратно к перевозу, куда, смеясь и оживленно болтая, бегом направлялась группа монашенок. Я заметил, что у некоторых из них сверх стриженных волос были надеты густые шерстяные темно-красного цвета парики.

Для нашего каравана подали прямоугольную плоскодонную деревянную лодку, в которую нелегко-таки было поместить животных.

На противоположном, северном берегу расстилась песчаная равнина; наша дорога опять потянулась все той же теплой, местами усеянной деревьями долиной Брампутры. Мы находились на незначительной для Тибета высоте — 3657 м над уровнем моря. Долина вновь сузилась и постепенно превратилась в узкое скалистое ущелье, доступное не более чем одному всаднику в ряд. Обогнув отвесный утес, мы неожиданно очутились в городе — или скорее деревне — Кушуре.

Кушур занимает важное стратегическое положение. Здесь Кии — Река благоденствия — впадает в Брампутру. Лхасса лежит на Кии, и отсюда нам предстояло

итти вверх по течению этой реки приблизительно 70 км, до самой Лхассы.

В 1910 году, когда китайцы вошли в Тибет и далай-лама был вынужден бежать в Индию, в погоню за ним китайцы послали отряд. Тибетский отряд под предводительством Намганга, теперешнего Царонг-шапэ, главнокомандующего тибетской армии, стоял в Шукуле. После боя китайцы были задержаны на несколько дней, что дало далай-ламе возможность достигнуть границы. Этот бой был поворотным пунктом не только в карьере Намганга, но и в судьбе самого Тибета.

На вершине соседней горы еще стоят развалины старого замка, но губернатор со свитой живет теперь в самом городе в специально выстроенных прекрасных домах, не имеющих никакого сходства с крепостями. Здесь уже чувствуется начало той эволюции, которая в Европе завершилась несколько столетий тому назад, приведя к замене феодальных замков дворцами.

Кушул — преддверие Лхассы. Пройти незамеченным через этот крупный административный центр казалось невозможным. Положение и на этот раз спасли наши спутники: они поручились за нас перед местными жителями, которые их знали. После краткого отдыха мы среди дня собрались в дальнейший путь, который, к большой моей досаде, нам предстояло совершить в одиночестве.

Мы находились в долине реки Кии. На протяжении первых двенадцати километров долина эта очень широка и густо заселена. По дороге мы встретили интересное свадебное шествие.

В Тибете брачные церемонии во всех сословиях и классах совершаются более или менее по одному обряду.

Сватовство происходит через посредника, после чего жених делает формальное предложение родителям невесты. После традиционных переговоров согласие передается родителям жениха, которые в ответ подносят родителям невесты большое количество вина. После этого устраивается пиршество, в котором участвуют все члены обеих семей со своими слугами; вино выпивается, участникам раздаются парадные тибетские шарфы — „ката“. Это пиршество предшествует передаче отцу невесты приданого — „рин“; передача эта сопровождается новым пиршеством. Жених за своей невестой отправляется не сам, а посылает к ней своих друзей, которые „уговаривают“ ее покинуть родительский дом. Они проводят три дня в семье невесты, по прошествии которых сопровождают ее и все причитающееся ей хозяйственное и домашнее имущество до жилища жениха. По прибытии невесты, ее и жениха сажают рядом на возвышенном месте, устланном подушками. Лама совершает короткую службу. По окончании молитвы родители жениха объявляют, что невеста будет принадлежать исключительно своему жениху и его братьям. За этой церемонией следуют трехдневные празднества, после которых жена сменяет свое девичье платье на поднесенное ей мужем новое. Через короткий промежуток времени празднества повторяются.

По мере того, как мы продвигались, почва становилась все песчанее, а местность безлюднее. Я с трудом передвигал ноги. Я так ослабел, что положительно мог думать только о том шаге, который делал. А тут еще мул внезапно остановился, опустился на задние ноги и остался без движения. Однако вскоре счастье снова нам улыбнулось. Несколько шедших по дороге крестьян

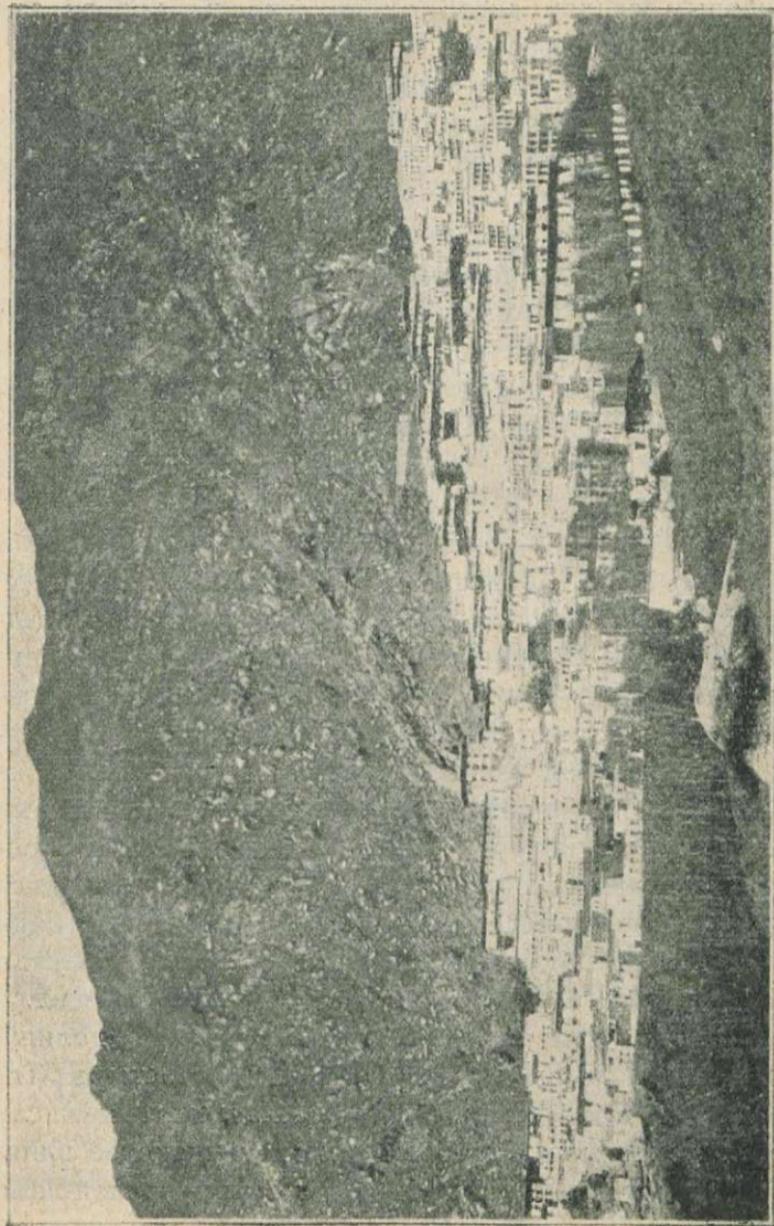
согласились за небольшую плату донести наши тюки до следующей деревни, а мул, избавленный от своей ноши, кое-как заковылял дальше.

Смежные деревни Янгте, Верхний и Нижний Янг, до которых нас проводили наши носильщики, находятся в 45 км от Лхассы. Мы поужинали в доме отдыха, который они же нам указали, и, когда я несколько пришел в себя, мы принялись выработать маршрут следующего, знаменательного для нас дня, который должен был привести нас к цели нашего долгого путешествия.

Мы начали с осмотра животных, давшего печальный результат: один мул еле стоял на ногах, а у другого от постоянных ссадин и сапожной мази, которой его лечили, образовался на спине большой нарыв. Положение становилось поистине критическим. У меня оставалось всего триста рупий, — о покупке новых животных не могло быть речи. Но унывать я не был намерен, — средства передвижения надо было найти, и мы их нашли.

После долгих скитаний по деревне Лхатен набрёл на старого крестьянина, который согласился нас выручить без убытка для себя: за наших двух больных мулов он давал одного маленького пони, а сверх того отпускал нам на прокат до Лхассы еще двух пони, с тем, чтобы его два сына шли с нами и привели пони обратно. Каждый поймет, как я обрадовался такой сделке. Ночь мы все проспали особенно крепко и утром бодро и уверенно пустились в путь с новыми проводниками.

Сначала тропа пролегла вдоль песчаного берега реки, но когда долина опять сузилась, пришлось взбираться по скалистым скатам прибрежных гор. Наверх вела каменистая, очень неудобная дорога, но все же по

Брѣвун. Величайший монастырь мира, близ Лхассы.

высеченным скалам было видно, что на дорогу эту человеком были затрачены труды. Я тут впервые в Тибете увидел попытку искусственного проложения дороги. Дороги, пересекающие равнины и перевалы, протоптаны тысячами мулов и пони, которые проходили там, где было удобнее.

Нашу дневную остановку мы сделали в деревне Нетанг, где я успел посетить старый, плохо сохранившийся храм великого индийского жреца Атиза, внесшего в тибетское богослужение реформы, способствовавшие росту ордена „Желтой шляпы“, ставшего государственной церковью Тибета. Атиз умер в 1052 году. Храм, воздвигнутый над его останками—одна из величайших святынь страны.

По дороге нас то и дело догоняли и перегоняли группы путников. Людская волна катилась к Лхассе, где на следующий день начинались новогодние празднества. Один из странников обратил на себя мое внимание тем необычайным способом, каким он передвигался с места на место. Он стоял на месте, выпрямлялся, вытягивая руки над головой, затем ложился в такой же позе и, как бы меряя землю телом, отмечал концами пальцев точку, с которой он, встав на ноги, вновь проделывал те же телодвижения. Когда я приблизился к нему, он остановился и попросил милостыню; ради искупления грехов он совершал такое паломничество в Лхассу из Шигацзе, откуда вышел год тому назад.

С хребта горного отрога, пересекавшего долину, я издали увидел Брöбун, величайший монастырь Тибета, да и всего мира. Брöбун принадлежит к числу тех трех монастырей, которые имеют решающее влияние на политику страны и с которыми далай-лама

и его министры постоянно должны считаться. Эти три монастыря расположены в окрестностях Лхассы. Брöбун—самый влиятельный и самый реакционный из них. По числу монахов он стоит на первом месте: его стены вмещают не меньше десяти тысяч обитателей. От Брöбуна до Лхассы не более 6—7 км. Второй по размерам монастырь — Сера. Он расположен к северо-востоку от столицы, в 3—4 км от нее. Третий—Гандан, по числу членов несколько отстающий от первых двух, лежит от Лхассы в 38 км. С исторической точки зрения он для современного Тибета имеет наибольшее значение, так как его основатель Цонг-Капа—учредитель ордена Желтой шляпы, стоящего во главе тибетского буддизма.

Начались топкие болотистые места, и мы отошли от реки далеко влево. Километр за километром шли мы по пустынной равнине в направлении к Брöбуну. Все мы устали и ехали молча. Наконец опять показалась деревня, но прежде чем попасть в нее, нам пришлось выдержать нападение целого роя нищих; они бежали за нами километра полтора, не удовлетворяясь нашими подачками; отстали они только после того, как Лхатен пустил в ход хлыст.

Движение усилилось. Из окрестных деревень стекались на дорогу толпы крестьян, спешивших в Лхассу к началу празднеств. Шло много монахов, державшихся гордо и надменно. Многие из прохожих косо посматривали на наш чудный маленький караван, медленно ползший по дороге; несколько раз к нам обращались с вопросом: откуда мы? Сатана раз ответил, что мы пришли с границы Сиккима. Его спросили, не видели ли мы где-нибудь иностранца, пробирающегося в Лхассу.

ГЛАВА XX

ЦЕЛЬ ВИДНА

В пункте своего разветвления главная река Кии, круто поворачивая вправо, слева принимает крупный приток, реку Ти, которую мы перешли по хорошему мосту длиною свыше 100 м, прочно построенному на каменных быках и соединенному с берегами солидной каменной кладкой.

Я в это время находился в состоянии полного изнеможения и перестал различать окружающий меня ландшафт. Громкий окрик Лхатена заставил меня повернуть голову направо. Вдали, километрах в двенадцати, я увидел Поталу, дворец далай-ламы, вождя и бога тибетского народа...

Наконец-то я увидел свою цель, наконец-то я мог сказать, что перенесенные лишения, болезни и страхи были не совсем напрасны!

Медленно пробираясь через все растущую толпу, заполнявшую дорогу, мы добрались до подножия гор, которые я заметил уже несколько часов тому назад. Там мы свернули вправо, чтобы по долине Кии пройти в Лхассу, до которой все еще было безмерно далеко.

В тот момент, когда мы, идя в гору, проходили под развалинами старого замка Донгкар, а гигантский мона-

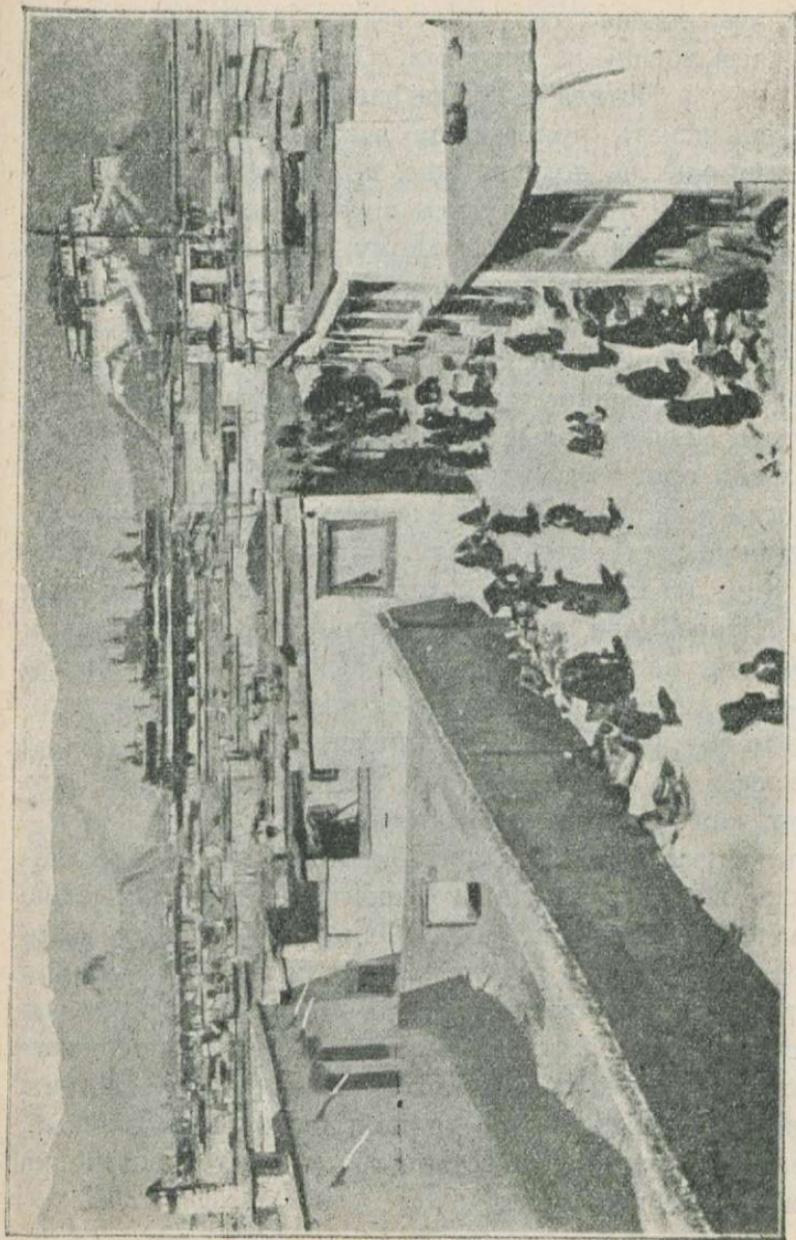
стырь Брөбун высоко нависал над нашими головами, неожиданно свалился наш ослик. Мы остановились, сняли с него груз, но он не вставал; все наши усилия поднять его были тщетны. Вокруг нас собралась толпа; среди нее были и монахи; всех заинтересовало наше приключение, все подавали советы. Между тем Сатана, не желая попасть в неприятную историю, в первый же момент ускакал вперед, делая вид, что он не принадлежит к нашей компании. Брөбун — главный центр агитации против иностранцев, и близость монахов пугала меня. Однако пришлось помочь Лхатену разместить ношу ослика на наших пони. После этого мы с Лхатеном отправились вперед, поручив ослика конюху и Диогену.

Брөбун лежал теперь позади нас, пути оставалось не больше пяти километров. Сатана ждал нас, укрывшись за глиняной лачужкой,—не время было, конечно, высказывать ему мнение о его постыдной трусости. самого города еще не было видно, но на фоне вечернего неба ясно выступал силуэт двух гор, завершавшихся зданиями. Справа вырисовывалась Чакп-ри, или Железная гора, с оригинальным квадратным, похожим на башню, зданием Медицинской школы, слева—высокая закругленная гора, служащая основанием Поталы. К нам был обращен задний фасад дворца, на крыше которого ясно выделялись золоченые шпили. От этих двух холмов до самого города не больше полутора километров. Мне хотелось на ночь остановиться в деревне Поталашол, у подножия горы. Дорога в деревню тянется между горами; лощина очень узка и застроена храмом, соединяющим обе горы. Для сообщения в самом храме построен крытый ход, похожий на трубу: через него проходят спешившись, по одному в ряд.

По ту сторону перед нашими глазами открылась чудесная картина. Великолепный длинный проспект тянулся до самой Лхассы, главные здания которой виднелись в отдалении. Рядом с нами, слева, возвышался исполинский дворец Потала, занимающий собой всю гору. Внезапное появление этого грандиозного сооружения произвело на меня потрясающее впечатление. Оно построено из камня и кирпича; верхняя центральная часть — красная, все остальные части — белые. Дворец имеет 300 м длины, он благородной красотой стиля может поразить самого изощренного зрителя. На равнине, прилегающей к горе, расположены многочисленные строения, имеющие отношение к дворцу, дома для служащих, конюшни, амбары и т. п.; к ним с наружной стороны стены, окружающей всю территорию дворца, примыкают частные дома и лавки.

Тут имеются и дома отдыха; мы к ним и направились. С этого момента начались новые наши мытарства. Все дома отдыха были переполнены, не было свободного уголка даже на дворах. Мы явились в Лхассу в самый торжественный период года: день нашего прибытия — 15 февраля — последний день тибетского года и первый день трехнедельных новогодних праздников. Кроме несметных толп богомольцев, сюда прибыло огромное число монахов из трех больших монастырей для участия в религиозных церемониях.

В обыкновенное время число жителей Лхассы немногим превышает 20 тысяч, но к новому году оно доходит до 100 тысяч и более. Я увидел, что нам ни за какие деньги не найти места. Мы заходили во все дома отдыха деревни, и нас отовсюду почти гнали; в последнем же доме, куда мы особенно настойчиво

Лхасса. Одна из главных улиц. На заднем плане в центре — храм, справа — дворец далай-ламы, слева — медицинская школа.

просились, на нас спустили такую огромную собаку, какой я в жизни не встречал. Стало совершенно очевидно, что в Потала-шол для нас места не было, и мы решились искать пристанища в самой Лхассе. Конюх и Диоген еще не догнали нас, но темнело, и мешкать было некогда. Мы двинулись по проспекту в город.

Ехать по широкому, гладкому, немощенному проспекту, с обеих сторон окаймленному обширными садами, было большим наслаждением. Эти сады, засаженные деревьями — преимущественно ивами и ветлами — составляют собственность самого далай-ламы и нескольких вельмож. Черные, голые в это время года деревья все же придавали проспекту удивительную прелесть.

После поворота дороги влево мы подошли к каналу, наполненному стоячей водой. Раньше тут было русло реки Кии, на которой и стоял знаменитый Бирюзовый мост, Юток-Сампа, любопытное сооружение со стенами и крышей, напоминающее длинный коридор. Обычно здесь находится стража, но мы прошли это место, к великому моему успокоению, беспрепятственно. Сам город начинается на несколько сот метров дальше; в него входят через низкие китайские ворота.

Было уже темно, и осматривать город не представлялось возможным, да и единственной моей мыслью было найти приют на ночь. Однако и здесь началось с того же, что и в деревне: наши проводники водили нас из одного постоянного двора в другой, и везде мы встречали одну и ту же картину — нигде не оказывалось ни одного свободного угла. Между тем улицы заполнились праздничной толпой; было много пьяных, затевались драки; я чувствовал, что такая обстановка угрожает мне гибелью.

Мы находились теперь в самом центре города, на рыночной площади. Налево от нас стоял хороший трехэтажный дом. От проводников я узнал, что это государственное здание, занятое под квартиры чиновников. Быть может, вопреки всякой логике, я отрядил туда Сатану и Лхатена, поручив им разыскать кого-нибудь из обитателей и вымолить на одну ночь приют для благочестивых сиккимских паломников. Двадцать минут оставался я один-на-один с животными, все время стараясь стоять так, чтобы окружающие не видели моего лица. Наконец мои слуги вернулись с вестью, что на одну ночь, но не больше, нас впускают.

Когда мы доплелись до большого двора, где нам разрешили поставить животных, я еле держался на ногах; когда же наступил момент подняться на второй этаж, где нам отвели место, я уже не был в состоянии сам взобраться по узкой крутой лесенке, и мои слуги втащили меня наверх полумертвого от болезни и усталости. Меня положили на пол в каких-то сенцах, где хранился разный домашний скраб и топливо, т. е. яковый навоз. Я был рад и этому и тотчас же заснул. Верный мой Лхатен вскоре меня разбудил и отлично накормил. Поел я так, как давно не ел.

Г л а в а ХХ I

Я РЕШИЛ ОТКРЫТЬСЯ

Наш хозяин даже не вышел посмотреть на нас; он оставался в своей комнате, и только его собачонка, почуяв запах еды, выбежала и стала вертеться около. Вдруг она неистово залаяла, чутьем узнав, видно, что „чужой“ — именно я. Лай раздавался по всему дому и мог привлечь внимание жильцов. Я не на шутку испугался и, чувствуя приближение опасности, внезапно, быть может, вопреки здравому смыслу, решил больше не скрываться. Лучше признаться добровольно, чем быть накрытым другими. Впрочем, я подумывал с самого начала о том, чтобы открыться в Лхассе. Это было, может быть, неразумно и ребячливо, но ведь мне хотелось показать правительству Лхассы, что я сумел попасть туда, несмотря на все его старания не впустить меня; с другой же стороны, в Индии по моем возвращении могли бы не поверить рассказу о совершенном путешествии. Между тем, раз я буду здесь признан, у меня в руках будет доказательство того, что мое предприятие удалось.

Я понимал, что раскрыть свою личность следовало перед лицом верховной власти. Страх перед британским правительством должен был удержать ее от насилия,

тогда как безответственная толпа могла бы меня живо стереть с лица земли.

Так как необычайное стечение обстоятельств привело меня в дом, занятый исключительно государственными служащими, то я решил воспользоваться нашим хозяином для того, чтобы через него дать знать о моем присутствии далай-ламе. И вот при не прекращающемся лае собачонки, к великому изумлению Сатаны и Лхатена, которые подумали, что я сошел с ума, я вмиг сбросил с себя добрую половину своего костюма и, придя во внутренние комнаты, очутился лицом к лицу с моим хозяином и удостоверил свою личность.

Такого изумления я никогда не видел. Он остолбенел и несколько минут глазел на меня, неспособный произнести ни одного слова. Когда он несколько пришел в себя и заговорил, то в свою очередь удивил меня не меньше, чем я его. Оказалось, что человек, по доброте своей оказавший нам гостеприимство, был не кто иной, как Сонам, чиновник, заведующий новой системой сообщения между Тибетом и Индией. Именно он распространил весть о том, что я проник в Тибет и что я, наверное, переодет; именно от него изошли приказы разыскать меня, задержать и вернуть обратно.

Сначала я подумал, что попался льву на растерзание и что я не мог раскрыть свою тайну более враждебному лицу, чем он. Но вскоре я заметил, что дело мое не так уж плохо. Сонам—лепча, рожденный в Сиккиме, временно воспитывался в Калимпонге, где и видел немало англичан. Его знакомство с „иностранными дьяволами“ было причиной того, что тибетское правительство призвало его в Лхассу для работы по улучшению путей сообщения.

Придя в себя после пережитого треволнения, мы уселись и принялись старательно обсуждать, как поступить со мной в ближайшие дни. Сонам выказывал готовность поддержать меня, но предвидел всякие осложнения. Решили на следующий день дать знать далай-ламе о моем прибытии частным образом, после чего ждать дальнейших событий.

Сонам удивил меня своей заботливостью: он настоял на том, чтобы я занял его личную комнату, и, несмотря на то, что я уже поел, отдал приказания слугам—и в полночь был подан легкий ужин из индийских и китайских блюд, от которого я, несмотря на свою болезнь, не решился отказаться. Чанг и арак появились на столе как бы сами собой. Не забывая об опасностях, грозящих мне в ближайшие дни, я счел благоразумным, сославшись на свой духовный сан, отказаться от крепких напитков, но Сонам поборол мои сомнения, сказав, что в новогоднее время даже верховные жрецы Лхассы не отказываются от вина. В Индии Сонам пристрастился к папиросам и, хотя в Тибете употребление табака считается преступлением, не отстал от своей привычки; полагаясь на мою терпимость, он после ужина угостил меня отвратительной индийской папирсой. С момента вступления своего в Тибет я перестал курить и после долгого страдания уже привык к этому лишению, однако побоялся обидеть Сонама, от дружбы которого зависела моя безопасность, и потихоньку от всех мы с ним покурили.

Утром я проснулся рано. Лхатен принес мне чашку чая, и я поручил ему закупить припасов на несколько дней; хотя я жил у Сонама, но по тибетским обычаям само собою подразумевалось, что хозяйничать мы

должны самостоятельно. Кроме того, я отдал Сатане и Лхатену приказание отыскать Диогена и конюха, судьба которых меня беспокоила.

Я намеревался в Лхассе изучить все, что только возможно. Выйти на улицу было слишком опасно, к тому же для прогулки я был еще слишком болен; с помощью Сонама я взобрался на крышу дома, и там перед моими глазами развернулась панорама города. Благодаря парапету меня не было видно, а так как дом был самый высокий в городе и находился в центре, то мой наблюдательный пост оказался идеальным.

На запад лежал Бирюзозый мост, за ним тянулись сады и красовались залитые лучами утреннего солнца Потала и Медицинская школа. Гора Потала скрывала от глаз Брöбун, который лежит за ней, километра на три или на четыре к северу; у подножия горной цепи, тянущейся на запад и на восток, виднелся Сера, второй из трех больших монастырей.

Брöбун играет первенствующую роль в политике, а монахи монастыря Сера особенно славятся своим знанием литургии. Согласие такого монаха совершить богослужение считается большой честью, и в стране, где верят, что от богослужения зависят судьбы вселенной, такая репутация неоценима. Каждого, кто знаком с крупными церковными организациями, не удивит то обстоятельство, что Брöбун и Сера постоянно и беспощадно друг с другом враждуют.

Великая равнина Лхассы тянулась на восток километров на девять до того места, где ее опять заграждают горы. Местами виднелись, подобно точкам, одиноко стоящие замки, а по равнине тянулась боль-

шая дорога, ведущая в Ганден — последний из трёх больших монастырей — и далее, в Китай и Монголию.

Вход в Тибет из Китая и из китайской части Тибета ныне запрещен, но жителям Монголии разрешено приходить на богомолье в Лхассу, и мне даже удалось увидеть два или три каравана благочестивых монгольцев, пробиравшихся по равнине. Монгольский караван всегда можно узнать по большим монгольским двугорбым верблюдам, — в самом Тибете верблюдов нет.

На юге течет Кии, Река благоденствия, вполне заслуживающая свое название: ее воды оплодотворяют долину Лхассы. По ту сторону реки равнина тянется еще километра на три, уступая место южной цепи холмов, тянущихся на восток и на запад. Вокруг меня лежала сама Лхасса, занимающая приблизительно квадратный километр. В былые дни она была окружена стеной, от которой уцелели небольшие остатки.

Лхасса состоит из нагромождения домов обычного тибетского типа, выстроенных из высушенного на солнце кирпича и выбеленных; большинство из них — двухэтажные, с внутренними дворами; есть и трехэтажные. Кое-где бросалось в глаза здание более или менее величественное по размерам и архитектуре; в этом случае с уверенностью можно было сказать, что это религиозное учреждение. Выделялся Рамоче, старейший храм — не монастырь — в Тибете; он славится своим историческим мавзолеем, а по святости занимает первое место после Чоканга, собора, о котором речь впереди. На запад от Рамоче стоит Цомолинг, а еще дальше в том же направлении — Тенджиелинг, два из так называемых царских монастырей. Третий, Кундулинг,

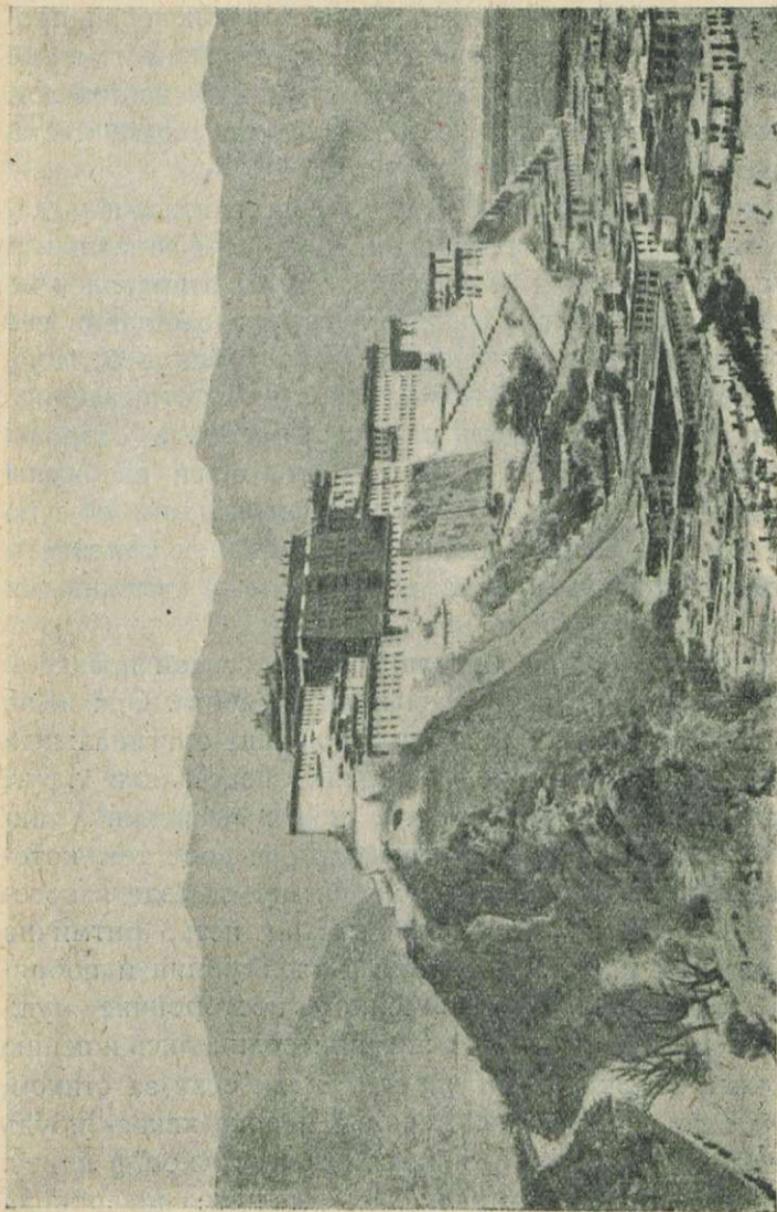
лежит за тем холмом, на котором расположена Медицинская школа, а четвертый — к югу от реки Кию.

Эти четыре монастыря занимают интересное, единственное в своем роде положение. Они невероятно богаты и владеют землями во всех частях Тибета, однако при всем этом они остались учреждениями, чрезвычайно своеобразными по своему уставу. Между тем как население Сера, Брбун и Ганден постоянно возрастало, указанные четыре линга ограничили число своих членов, и ни один из них не имеет более пятисот монахов, принимаемых по строгому выбору. Ежедневный уклад жизни их особенно тщательно регламентирован и точно выполняется. Игумены этих монастырей — телесные воплощения какого-нибудь тибетского божества; в былые времена им, в силу звания, принадлежала монополия при избрании регента, т. е. фактического повелителя страны, на срок несовершеннолетия далай-ламы. А так как нынешний далай-лама — первый после периода многих поколений доживший до совершеннолетия, то ясно, что игумены этих четырех привилегированных монастырей играли громадную роль в управлении страной. За долгое царствование настоящего далай-ламы, способного управлять страной без помощи регента, эти старинные учреждения утратили в большой мере свое значение.

Большой, цветущий с виду монастырь Муру Гомпа лежал на северо-восток от того места, где я стоял; однако больше всех упомянутых зданий привлек мое внимание „Чоканг“ или собор.

Этот собор — святая святых тибетцев и монгольцев, к нему ежегодно стекаются тысячи паломников. Он вдвойне интересен тем, что является не только центром

тибетской религии, но и резиденцией тибетского правительства; в одном крыле этого огромного здания размещены служебные помещения „ленчена“ или премьер-министра, „кашак“ или кабинет и „цонгду“ или национальное собрание. Несмотря на свою славу и значение, Чоканг по размерам и архитектурным красотам не может сравниться с Поталой, дворцом монарха. Вокруг Чоканга настроена масса зданий; видны только большие ворота, расположенные на западной стороне, да блестящие башни, высоко вознесшиеся над окружающими строениями; днем конусы башен возвышаются как шпили над живописной, китайского типа крышей. Они сделаны из желтой меди и густо позолочены, главная же, как уверяют, вылита из чистого золота. Собор со всеми окружающими его строениями, из которых одни представляют собою казенные здания, а другие — особенно на восточном конце — частные дома, составляет громадный центральный узел строений. Вокруг этого массива проходит главная улица Лхассы, Паркор-линг или Внутренний круг. Обычай обходить вокруг священного памятника высоко чтится в Тибете, как особая заслуга, и богомольцы совершают этот круговой обход два раза в день, утром и вечером, конечно, двигаясь слева вправо. Этот Внутренний круг достаточно широк для того, чтобы вместить некоторое количество торговых палаток; таким образом он является не только главной улицей, но и самой большой рыночной площадью. Та часть улицы, которая проходила перед моим домом, особенно открыта, почему она и стала центром рыночной торговли. По этой причине сам дом получил название „Тром-си-Канг“, т. е. „Дом, видящий рынок“.

Потала. Дворец далай-ламы в Лхасе.

Демонстрации и процессии, все без исключения, проходят по Внутреннему кругу; точкой отправления часто служит именно часть улицы, лежавшая у наших ног. При мысли, что я увижу все, не покидая своего места, я испытал беспредельную радость.

Был как раз день тибетского нового года, и у да-лай-ламы в Потале происходил большой официальный прием в присутствии министров. Сонам отправился во дворец, захватив с собою письмо, а я в ожидании его возвращения улегся в своей комнате у самого окна, выходящего на рынок. Таким образом я, отдыхая, мог в то же время наблюдать разные интересные стороны уличной жизни. Окна Тром-си-Канга были снабжены стеклянными рамами, привезенными из Индии; обычно в Лхассе окна завешиваются редкой тканью или закрываются глазированной бумагой, а ночью — деревянными ставнями.

Все утро площадь кишела разношерстной праздной толпой, собравшейся со всех концов Тибета. Она пела, кричала, танцевала. Тут я увидел крайне оригинальный танец: три или четыре женщины составляли круг; каждая из них держала в руке кожаный ремень, унизанный маленькими колокольчиками, в роде тех, которые вешают в Тибете на шею пони при выезде какого-нибудь вельможи. Женщины начали петь, ритмично притапывая и в то же время тряся ремни и побрякивая колокольчиками. Понемногу посторонние мужчины, собиравшиеся вокруг них, присоединялись к пению и так же топали ногами в ритм. Пели стих за стихом, пока у певцов хватало дыхания или пока какая-нибудь из женщин не бывала сшиблена с ног толчком в спину. Тогда вся орава отправлялась дальше и, пройдя

несколько метров, составляла новый круг, при чем повторялась прежняя сцена. Было очевидно, что эти развеселые кружки постепенно совершали предписанный путь вокруг собора. На рынке и дети и взрослые забавлялись бросанием петард и огромных хлопушек.

Почувствовав усталость, я задремал, но в тот самый момент, когда я забылся, весь дом сотрясся от ужасного взрыва. Я моментально вскочил на ноги и в первое мгновение подумал, что брошена бомба. В окно я различил, что взорвалась палатка со складом фейерверков. Вокруг убитых и раненых собралась толпа, так же, как это бывает везде. Но помощи никто не оказывал. В Лхассе нет ни амбулаторий, ни госпиталей, „скорой помощи“ здесь не знают. Удивительно также отсутствие полиции или лиц, исполняющих ее обязанности. Наконец появился какой-то жалкого вида субъект, вооруженный кнутом, и заставил очистить место взрыва.

Тибетские крестьяне имеют положительно пристрастие ко всякого рода фейерверкам. Несчастные случаи, подобные описанному, здесь не редки. Далай-лама энергично борется с ввозом фейерверков из Китая и распространением их в стране, но в Тибете незаконная торговля этим товаром доведена до виртуозности, — я сам видел, как петарды продавались открыто.

Описанная история должна была иметь, впрочем, интересные последствия.

Ракеты официально разрешены для одной единственной цели: каждый вечер в половине девятого в Лхассе раздается сигнал к тушению огней. Тогда четыре огромные ракеты пускаются с четырех концов внутреннего круга, предупреждая о том, что всем надлежит оставаться дома. До сих пор не было еще сделано даже

попытки осветить темные, извилистые улицы Лхассы, полные нищих, превращающихся ночью в разбойников. Правительство считает более целесообразным приказать жителям сидеть по ночам дома, чем принять меры к оборудованию освещения и организации полиции.

Еще не успело вполне улегься волнение, вызванное взрывом, как вернулся Сонам. Записка о моем прибытии была передана далай-ламе во время приема. Далай-лама ее прочел, никому из окружающих ничего не сказал о ее содержании и не проявил никаких признаков удивления, недовольства или волнения. Другого и нельзя было ожидать от столь опытного восточного самодержца.

Глава XXII

ЦАРОНГ-ШАПЭ

Утро я провел поневоле в полном бездействии. Решалась моя судьба.

Около двух часов ко мне явились два посланца главнокомандующего армией и государственного секретаря Царонг-шапэ с приказом негласно явиться к нему. Царонг — личный друг и любимый министр далай-ламы.

Было крайне важно произвести благоприятное впечатление, и я счел за лучшее облачиться в одеяние ламы, право ношения которого было мне даровано в Индии; голову я обвязал толстым тибетским шарфом, позволявшим закрывать лицо на улице. Следуя тибетскому этикету, я взял с собою слуг, и мы в сопровождении посланных отправились во дворец министра.

Дворец отделен от дома Сонама лишь центральной группой строений, которую образуют собор с прилежащими к нему зданиями. Нам пришлось пройти по Внутреннему кругу, т. е. по той широкой улице, которая ведет вокруг указанной группы строений и по которой движение проходит исключительно слева направо.

Во дворец Царонга входят из узкой поперечной улочки. Архитектура его ничем не отличается от обы-

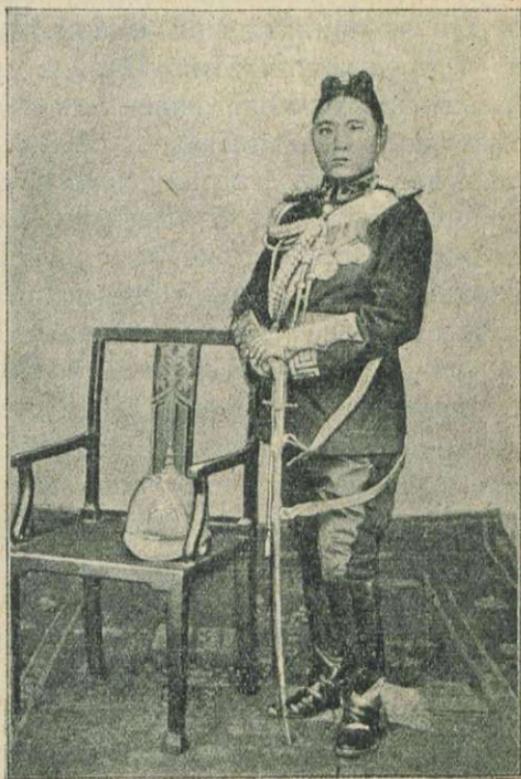
денной: в наружных стенах трехэтажного дома маленькие окна расположены только в верхних этажах; жизнь дворца сконцентрирована в помещениях, окружающих внутренний двор — квадратную площадку, в которую ведет огромная деревянная дверь, снабженная крепкими засовами. Двор, хотя и чище обычных тибетских дворов, все же грязен и завален всяким хламом; в окружающих двор конюшнях стояли мулы и лошади, — некоторые из них были в пышной седловке.

Мы пересекли двор и через маленькую, помещенную сбоку дверь вошли в резиденцию министра; в верхние этажи ведет неудобная лесенка с высоко расставленными железными ступеньками и перилами из полированной ивы. В первом этаже я был встречен одним из чиновников и проведен в официальную приемную, окна которой выходят во двор. Эта комната одновременно служит и домашней церковью; одна стена ее покрыта золочеными священными изображениями, перед которыми горели масляные лампы и стояли чашки для сбора пожертвований; вдоль другой стены, на возвышении, были разостланы толстые тюфяки из шерсти, заменяющие стулья. По обе стороны алтаря в открытых шкафчиках стояли священные книги. Яркие разноцветные краски и позолота покрывают все стены. Вся эта пестрота производит в полумраке довольно гармоничное впечатление.

Меня усадили. Тотчас же появился чай. Началось довольно томительное ожидание. Слуги остались в коридоре, — был слышен их шопот.

Наконец в комнату вошла женщина. Ее сопровождал секретарь. Это была жена Царонга или, вернее, одна из двух его жен. Ее муж простудился во время утрен-

него приема в Потале, и она вышла ко мне, чтобы занять меня разговором. У мусульман, обитающих на востоке и севере Тибета, также, как в Китае и Индии, женщины высших классов не имеют общения с посторонними мужчинами, но здесь, в Лхассе, дело на этот счет обстоит иначе, и я пожалел, что наш разговор был вскоре прерван и что мне не удалось поближе познакомиться с психологией этой особы. За мной явился слуга и проводил меня на третий этаж, в изящно обставленный частный кабинет, где я застал хозяина лежащим. Он предложил мне сесть на стул, любезно извинился, что заставил себя ждать, и наша беседа началась.

Главнокомандующий тибетской армией
Царонг-шапэ.

В наружности его нет ничего необыкновенного, однако этот приземистый человечек обладает совершенно необычайной индивидуальностью. По моему мнению, он предназначен в своей стране сыграть ту

роль, которую в Германии сыграл Бисмарк, а в Японии—Ито. В Тибете он является единственным примером *self made man*, т. е. человека, достигшего своего положения исключительно собственными силами.

Он не принадлежит к аристократии, его отец простой крестьянин. Имя Царонг и титул „шапэ“ ему присвоены; его настоящее имя — Намганг. Четырнадцатилетним мальчиком он бежал в Монголию, чтобы спастись от последствий каких-то неблагоприятных проделок, и там превратился в смелого искателя приключений. Случай выдвинуться представился ему через несколько лет, в 1904 году, когда далай-лама в связи с экспедицией Ионгхэзбенда в Тибет был вынужден искать приюта в той же Монголии. Там Намганг своей преданностью и своим умом сумел снискать милость далай-ламы и привлек к себе его особое внимание. Сначала ему был дан невысокий военный чин, в 1908 году, по возвращении далай-ламы в Тибет, был пожалован чин капитана. Вторжение Китая в Тибет в 1909—1910 годах дало Намгангу новый случай выдвинуться. Как уже было рассказано, Намганг своей блестящей защитой Кушула остановил китайцев и этим предоставил далай-ламе время достигнуть британской территории. Намганг сумел пробраться через китайские посты переодетый курьером и присоединился к своему повелителю в Дарджилинге. Царонг от души смеялся, сопоставляя мое прибытие в Лхассу со своим подвигом совершенным в обратном направлении. В 1911 году революция в Китае ослабила дисциплину китайских войск, находившихся в Тибете. Намганг и воспользовался этим для восстановления власти далай-ламы: вернувшись тайком в Тибет, он организовал крестьян-

ское восстание против китайских гарнизонов и заставил последние сдаться. Те из тибетских чиновников, которые поддерживали добрые отношения с китайцами, были казнены или изгнаны. Между казненными был и „шапэ“, или государственный секретарь, Царонг. Он и его сын были изрублены в куски на улицах Лхассы группой воинствующих монахов. Далай-лама с триумфом возвратился в Лхассу. В награду за его услуги Намганг был произведен в „шапэ“ и назначен в то же время главнокомандующим армией и начальником монетного двора. Так как у Царонга не было наследников, его имения были дарованы Намгангу, который принял имя Царонг-шапэ и женился на дочери и на снохе умерщвленного. Царонг — один из немногих в Тибете лиц, открыто практикующих многоженство.

Царонг сохранил милость далай-ламы, и в настоящее время власть его в стране неограниченна. Он проникнут современными идеалами, и его мечта — видеть в Тибете пробуждение, подобное тому, какое имело место в Японии. По его совету далай-лама ввел много важных для процветания страны реформ, крайне недружелюбно встреченных церковной партией. Неоднократно производились покушения на его жизнь, — он постоянно окружен охраной.

Разговор наш сначала касался общих вопросов, затем перешел на меня. Далай-лама, по словам Царонга, отнесся к совершившемуся факту довольно благосклонно. Тем не менее требовалось исполнение формальностей: на следующий день мне предстояло сделать официальное письменное заявление о моем прибытии городским старшинам, которые в свою очередь должны были известить обо всем „кашак“ или кабинет министров,

который состоит из одного „ленчен“—премьер-министра и четырех „шапэ“ — министров. Этому-то органу и надлежало распорядиться моей участью. Царонг, входящий в него, обещал замолвить за меня словечко и во всяком случае оказать мне личное покровительство. Выразив Царонгу мою благодарность, я после трехчасового пребывания у него отправился обратно.

Нарушать установленное направление нельзя, и мы завершили начатый круг, что дало мне возможность увидеть вблизи все главные здания города. Интересен стоящий против собора и окруженный высокой каменной стеной памятник — высокий монолит, на котором высечен текст мирного договора, заключенного в 783 году между властителем Тибета Рипачен и властителем Китая; одна сторона этого памятника — в тени старой ветлы, которая по тибетскому преданию выросла из посаженного здесь волоса Будды.

После всех впечатлений, вынесенных за день, я был рад вернуться „домой“ и отдаться полному отдыху.

Следующий день ознаменовался важным событием: я вымылся, впервые после того, как покинул Дарджилинг. Нелегко было мне осуществить мою затею. У Со-нама, да и во всем доме не было ни ванны, ни лохани, ни какого-либо сосуда, могущего заменить их. Наконец в одном из соседних домов у непальца нашли жестяной бак для стирки белья и уговорили владельца одолжить его. Когда нагрели в чайниках необходимое количество воды и вообще сделали все приготовления, я со смущением подумал, что мне не следует брать ванны. Чистота или грязь — в большой степени вопрос привычки, а может быть и климата; я чувствовал, что уже привык смотреть на слой грязи, покрывавший

мое тело, как на верную защиту от холода, в особенности же от вшей, с которыми затевал я теперь неравную борьбу. Однако отказаться от предпринятого я все же не решился. Результат от ванны получился неутешительный. Сонам и его семья потешались надо мной. В Лхассе вода берется из колодцев. Лхасская низина — болотистая; подпочвенная вода находится на глубине полутора — двух метров. На этом основана тибетская легенда, гласящая, что священный город построен над большим озером, которое поглотило бы весь город, если бы его не охранял царь, равный богу.

Допрос, которому я должен был подвергнуться, отложили на несколько дней вследствие того, что на дни трехнедельного праздника вся власть в городе переходит в руки двух монахов, назначаемых монастырем Брöбун. Мне рекомендовали величайшую осторожность.

На следующий день ожидалось прибытие временных хозяев города, и для их встречи вся улица, охватывающая центр города, так называемый Внутренний круг, была посыпана песком. Монахи в сопровождении охраны, состоявшей из их же братии, церемониальным шествием прошли по всему кругу; глашатаи объявляли о их приближении, а охрана, вооруженная длинными палками, разгоняла народ по мере того, как продвигалось вперед шествие. Сделав полный круг, процессия остановилась как-раз под моим окном, перед зданием трибунала юстиции. Служащие трибунала, в обычное время являющиеся муниципальной властью, вышли из здания и преклонили колени в знак подчинения. Вступившие во власть два представителя монастырей произнесли по длинной речи; они говорили нараспев, сопровождая слова ритмическими телодвижениями.

Передача городской власти в руки монастырей объясняется огромным стечением монахов в Лхассу на ежегодные праздники; в это время — в течение трех недель нового года и десяти дней, начиная с двадцать второго дня второго месяца по тибетскому календарю — число монахов в столице намного превышает число мирян, и светская власть не справляется с буйным церковным элементом. Нынешний правитель Тибета — необыкновенно умный, властолюбивый человек, и привилегии, дарованные монастырям его предшественниками, тяготят его. Он охотно отнял бы право новогоднего регентства у монастыря Брöбун, получившего его от пятого, величайшего из всех далай-лам, но, зная, какое возмущение вызвало бы подобное мероприятие, он поступает осторожно и пока только ограничивает права монахов, стараясь свести их к формальности, к традиционной принадлежности торжества. От этих робких попыток до достижения цели однако еще далеко.

Через два дня после моего первого свидания с Царонгом-шапэ он снова пригласил меня, опять неофициально, и я провел у него полдня. Повторив свое обещание сделать для меня все, что возможно, он извинился, что не выступает в мою пользу открыто и официально. Препятствием к этому служило враждебное к нему отношение монахов, недовольных введенными им реформами. Он, например, как главнокомандующий убедился в неудобстве для солдат туземной одежды и ввел военную форму, сходную с британской. Сам он предпочитает военный мундир традиционному облачению шапэ и сохранил лишь две особенности костюма тибетских вельмож: огромную бирюзовую серьгу в левом

ухе да прическу, состоящую из закрученного на темени узелка волос, в который воткнуто драгоценное украшение, указывающее на чин его обладателя. Право ношения этого узелка имеют только сановники первых четырех классов.

Маленькая комната, в которой я был принят на этот раз, была меблирована в европейском стиле, и недолгий обед, без которого он меня не отпустил, содержал несколько полуевропейских блюд, продукты для которых за огромные деньги ввозятся для Царонга из Индии. Были и ликеры, и послеобеденная трубка, которую однако сам Царонг курит не публично. Свои занятия любительским фотографированием он также держит в секрете. Царонг — владетель обширных имений в долине Такпо и в других местностях; у него три резиденции в окрестностях Лхассы и дворец в городе. Мы были без свидетелей, и он откровенно беседовал со мной о своих семейных, а также о государственных делах. Царонг жаждет открыть Тибет для иностранцев и верит, что страна теперь достаточно сильна, чтобы и при этом условии сохранить свою самостоятельность. Я в этом сомневаюсь. Но несмотря на его влияние, пока мало шансов на осуществление подобного плана. Царонг чрезвычайно интересуется европейской политикой, он вполне в курсе ее.

Меня удивило, что Царонг, проживший несколько месяцев в Индии, не говорит ни на английском языке, ни на индустани. В настоящее время он начал заниматься английским языком с братом Сонама, учившимся в Калимпонге, но пока приобрел только самые элементарные знания. Наш разговор происходил по-тибетски.

ГЛАВА XXIII

ПЕРЕД ГОРОДСКИМИ ВЛАСТЯМИ

На следующий день уличное движение несколько утихло. Я был вызван светской столичной властью во дворец юстиции для составления письма кабинету с изложением причин и способа моего прибытия в Лхассу. В крошечной комнатке верхнего этажа моего прихода ожидали двое старшин. Их красная шелковая одежда живо мне напомнила мое оксфордское докторское облачение. Они сидели в конце комнаты на возвышении под золотым балдахином, а перед ними на лакированном столике стояли яшмовые чашки с серебряными блюдцами и крышечками; малолетние слуги по мере надобности наполняли эти чашки чаем с маслом. Вдоль стен были разложены подушки, на которых, скрестив ноги, сидели чиновники.

Обычно лицо, вызванное для объяснений, должно перед представителями власти стоять на коленях на полу, но для меня было сделано исключение. Один из старшин изложил свой взгляд на мой беззастенчивый, неблагоприятный поступок и дал мне понять, что таковой заслуживает наказания; он посоветовал мне быть правдивым в даче показаний и присовокупить к ним просьбу о помиловании.

Я дал пространное, соответствующее цели показание на разговорном тибетском языке. Оно было переложено старшинами на литературный, вернее — канцелярский, язык и продиктовано писцу, который вычертил его острым перышком на вымазанной мелом деревянной доске. Мое знание языка и обычаев страны произвели благоприятное впечатление, я почувствовал, что симпатии старшин склоняются в мою пользу. Особенно помогла мне умышленная наивность всех моих ответов; я сумел под предлогом забывчивости не назвать ни одного из тех домов, где я останавливался по пути, благодаря чему никого не вовлек в неприятности.

По окончании официального допроса мне удалось вступить с старшинами в разговор. Они обнаружили полное неведение того, что творится на свете. Для них Тибет — центр мира и цивилизации; такое мировоззрение типично для Лхассы; исключение составляют только высшие и придворные круги.

Я воспользовался случаем почерпнуть у старшин как можно больше сведений о туземном судопроизводстве. В Тибете закон — одно смутное понятие. Старинный кодекс обычного права уже не имеет прежнего значения, судьи пытаются в отношении каждого данного случая применять индивидуальный подход, не опираясь на законы, а только отчасти руководясь опытом прошлого. Мои новые друзья пожаловались мне, между прочим, на трудность назначения соответствующих наказаний. В Тибете никогда не существовало тюремной системы, — преступники заключаются лишь на время разбирательства дела. В прежние времена за серьезный проступок отрубали руку или ногу, или выкалывали

глаза; нынешний далай-лама, считая подобные наказания несовместимыми с буддизмом, отменил их, и ныне за самое тяжкое преступление судьи могут приговорить только к ударам плетью или к изгнанию. В самое последнее время в качестве наказания введены принудительные работы.

По прошествии двух дней я предстал перед министрами. Они заседают в крыле большого храма.

Храм этот — сердце и душа тибетского буддизма, если можно так выразиться, тот притягательный центр, к которому ежегодно стекаются тысячи паломников. Храм, собственно говоря, и есть Лхасса — остальные городские здания возникли вокруг него. Его постройку относят к 252 году нашей эры, но в течение веков он неоднократно реставрировался и расширялся. Большие входные ворота ведут во внешний двор, окруженный опирающимися на столбы крытыми верандами. Стены двора покрыты стертыми от времени фресками. В этом дворе, близ входа во внутренний двор, стоит часовня, предназначенная для далай-ламы и его свиты. За двором внешним лежит отделенный от него длинным темным проходом внутренний двор, летом превращаемый в цветник. В конце двора, напротив входа, стоит огражденный железной решеткой главный алтарь, а перед решеткой, по обе стороны алтаря — две статуи Майтреи, ожидаемого спасителя мира, нового, еще не воплотившегося Будды. Стены двора покрыты сотнями изображений различных будд.

Во двор выходят двери часовень, помещающихся в темной галлерее, окружающей его. В центральную часть храма проникаешь через эту галлерею, по дороге видишь статую Цонг-Капа, основателя секты Желтой

шляпы, жившего в XIV веке. Наконец приходишь в центральный храм, в святая святых, где помещается изображение исторического Будды в молодости, когда он был принцем, еще не покинувшим мира для того, чтобы стать

ТИБЕТСКИЕ ВЕЛЬМОЖИ.

аскетом. Предполагается, что изображение сделано с натуры в Индии, впоследствии увезено в Китай, а оттуда — в Тибет, где оно составляет предмет благоговейного поклонения. Изображение пышно украшено не гранеными драгоценными камнями; лампы, постоянно горящие перед ним — из литого золота; на украшение алтаря расходуются огромные средства. В следующем

этаже находится алтарь, посвященный женскому божеству — Педен (Палдан) Лхамо. Женские божества появились в буддийской религии в позднейший период — упомянутое изображение относят к VII веку нашей эры; большинство из них — свирепые, кровожадные богини, гнев которых надлежит отвращать от себя. Педен Лхамо изображается различно: то богиней черной магии, войны, болезней и смерти, то кроткой, молитвеннообразной красивой женщиной. В храме имеются изображения обоих типов, но особенно поражает одно: лицо богини черное — символ тайны и смерти, она одета в кожу мертвецов и едет на буром муле, выедавая мозг из человеческого черепа. Вокруг этого изображения по всему помещению бегают сотни ручных мышей, которых чтят как перевоплощения монахов и монахинь, служивших богине.

Большая часовня в самом нижнем этаже посвящена величайшему из всех тибетских властителей, Сронг-Цзан-гампо, и его двум женам. Его царствование относят к VII веку нашей эры. До него Тибет распался на множество диких, воинственных племен; этот властитель объединил страну, совершил нападения на соседние страны, Китай и Непал, и из царствующих домов этих двух государств взял себе по жене. Жены принесли с собой в Тибет частицу культуры своей родины и первые признаки цивилизации. Особенное значение имело то обстоятельство, что обе они были буддистки. Супруг принял их религию и стал ревностным насадителем ее. Он основал храм и открыл в страну доступ буддийским монахам. Сронг-Цзан-гампо был Константином тибетского буддизма. Позднее повелитель Лаингдарме сыграл роль Юлиана Отступника: он сделал

попытку искоренить новую религию, но был убит фанатиком, после чего буддизм продолжал развиваться и крепнуть, впоследствии чего произошло низвержение

вековой династии светских властителей в пользу теократии.

Временно вся власть находилась в руках игуменов монастыря Сакья (в Индии), но впоследствии Лхасса вновь стала столицей, и управление страной перешло в руки молодого, но уже мощного ордена Желтой Шляпы.

Сронг-Цзангампо почитается как

воплощение божества, и его дух согласно буддийской религии перевоплощается во всех последующих далай-ламах.

Священное изображение умершего монаха
в тибетском храме.

Меня больше всего интересовало юго-западное крыло храма, служащее помещением кабинету министров. Здесь я встретил премьера и его коллег, Нгапо-шапэ и Парканг-дзаса. Парканг — единственное духовное лицо в числе министров; этим и объясняется его титул „дзаса“, а не „шапэ“.

Кашак (кабинет)—чрезвычайно важный орган. В его руках управление всей страной, в то же время он является и высшей судебной инстанцией, верховным трибуналом. Исполнительная власть далай-ламы осуществляется через кашак. Этот орган назначает и увольняет губернаторов всех пятидесяти трех округов. Он издает законы и декреты, и только важнейшие вопросы законодательства, во избежание недовольства со стороны духовенства, передаются на рассмотрение национального собрания. Члены кашака назначаются далай-ламой и ответственны только перед ним. Царонг-шапэ в качестве главнокомандующего армией и начальника монетного двора исполняет специальные, лично ему порученные функции; остальные члены кабинета не стоят во главе каких-либо министерств, их обязанность—посещать заседания и принимать участие в решении тех или других государственных дел. Кашак собирается ежедневно, кроме субботы. По четвергам присутствует далай-лама, и тогда заседание имеет место в Потале или в частном дворце и посвящается делам, рассмотренным за неделю. Далай-лама с интересом вникает во все мелочи, часто дает директиву относительно общей политической линии, при чем постоянно озабочен тем, чтобы не вызвать оппозиции со стороны общественного мнения. Дважды лишившись престола, он не желает повторения минувшего.

В день моего посещения я застал трех министров в маленькой, забитой бумагами канцелярии. Нгапо и Парканг говорили мало, разговор происходил почти всецело между премьером, ленчен и мною. В молчании двух министров я чувствовал недружелюбие; ленчен говорил очень сдержанно и вежливо, хотя его явно расстроили те хлопоты, которые я причинил правительству. Он—мягкий, застенчивый человек, более похожий на отшельника, чем на официальное лицо, занимающее одну из первых государственных должностей в стране. Его политика — нерешительная и компромиссная; намерения его обыкновенно прекрасны, но он боится их выполнить; малейший признак оппозиции пугает его; в нем нет той смелости, которая придает такое обаяние Царонгу. Он сказал мне, что кашак находится в затруднительном положении, не зная, как со мной поступить; он-де и его коллеги относятся к иностранцам без пред-рассудков, но в виду того, что национальное собрание в свое время решительно отклонило просьбу, его члены наверно возмутятся моим прибытием. „Но,—прибавил ленчен,—раз вы уже здесь, меня убедили (я понял, что речь идет о Царонге) разрешить вам пробить в Лхассе еще некоторое время“. После этого он мне рекомендовал не показываться публично и тщательно скрываться, во избежание возмущения масс.

Цонгду или национальное собрание, говоря теоретически, представляет собою высший законодательный орган Тибета. Существует, собственно говоря, два собрания: большое, состоящее из представителей всех монастырей страны, выступающее активно лишь в исторические моменты, и малое, обычно подразумеваемое под именем Цонгду, состоящее из двадцати с чем-то лиц,

в числе которых главную роль играют представители трех больших монастырей — Брöбун, Сера и Ганден; царские монастыри и высшая знать Лхассы также имеют своих представителей в Цонгду.

Крестьяне, мелкие землевладельцы и остальные монастыри Тибета не пользуются правом голоса в государственных делах. Министры (шапэ) не допускаются на заседания Цонгду, но им разрешается следить за последними из маленькой, примыкающей к зале заседаний комнаты, откуда все слышно.

ГЛАВА XXIV

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ С ДАЛАЙ-ЛАМОЙ

Через три дня после приема кабинетом министров я в первый раз увидел далай-ламу. Боязнь возбудить против себя агитацию не позволяла ему принять меня публично, но его любопытство было возбуждено, и он дал мне тайную аудиенцию, настолько тайную, что ни Сонам, ни мои слуги ничего о ней не знали.

Вечером ко мне явился посланный и пригласил меня следовать за ним в кашак; повернув за угол, он однако пошел по направлению к дворцу. Было темно, и я плохо ориентировался; добравшись до деревни, у подножия холма мы вошли через боковую калитку в священную ограду. Потала на расстоянии имеет вид монолитного здания, на самом же деле она состоит из конгломерата строений и флигелей, в которых помещаются резиденции должностных лиц, гробницы, храмы, часовни, залы для парадных приемов и проч.; в одном из флигелей размещена подготовительная школа чиновников.

Мы взобрались по холму до основания большого красного дворца, составляющего центральный массив. Он включает в себе важнейшие часовни и приемные, а также апартаменты самого далай-ламы. Войдя в красный дворец и пройдя длинный коридор, мы добрались,

спотыкаясь, по нескончаемым крутым лестницам до маленькой комнаты, чуть не под самой крышей. Здесь мой провожатый внезапно меня покинул. Сначала мне показалось, что я остался совершенно один, но, всмотревшись в полумрак, я увидел спокойную фигуру самого далай-ламы, сидевшего в характерной позе.

Беседа „с живым богом Тибета“ продолжалась целый час. Хотя она касалась только общих вопросов, мне пришлось дать обещание сохранить ее в тайне. Далай-лама опасался, повидимому, каких-либо неприятностей. Впоследствии, в критический момент, он отрицал свое свидание со мной; от меня он потребовал того же. Поэтому, не касаясь разговора, расскажу только об общем своем впечатлении от него.

Далай-лама небольшого роста; его телосложение более стройное, лицо более удлинено-овальное, чем обычно у тибетца. Перенесенная в детстве оспа оставила на его лице мало заметные следы. Голова его обрита, как подобает священнику, но он носит длинные, закрученные и нафабранные усы, чему научился в Индии. Это—человек, который привык к тому, чтобы на него смотрели как на бога—он и сам твердо убежден в своем богоподобии—но при этом во всем его поведении сквозит большое спокойствие, даже скромность. Он не обладает той хрупкой, полумистической наружностью, которой отличается таши-лама, виденный мною в Ши-гацзе; он скорее светский человек, внимательный наблюдатель человеческой природы, умеющий сопоставлять факты и предусматривать их последствия. Его личная жизнь выше всяких подозрений: он непреклонен в своем безбрачии и воздержании от вина и табака; пища его проста, обычная одежда еле отличима от

одежды обыкновенного монаха. Он предпочитает местопребывание в своей загородной вилле „Норбу-линг“ жизни в Потале, сопряженной с помпой и церемониалом. Однако дела мира сего ему далеко не безразличны. Он честолюбив и с холодной расчетливостью неуклонно занимается объединением своей власти и ослаблением оппозиции. В молодости пылкий нрав часто доводил его до необдуманных и неразумных поступков, но испытания и невзгоды ссылки и свержения с престола научили его осторожности, доведенной до настоящего мастерства. Он боится политических новшеств, не зная, каковы будут их результаты. Ум его не всеобъемлющ, тонкости метафизики и богословия он предоставляет другим. Он одарен остроумием и прозорливостью, а главное—большим умением выбирать себе помощников. В этом отношении передача задачи реорганизации государственного управления в руки Царонг-шапэ была особенно удачным шагом.

Как известно, трон далай-ламы не наследственный; верховный вождь — первосвященник—избирается, но не волей народа; система избрания — единственная в мире. По представлению, далай-лама—воплощение божества и в то же время перевоплощение самого себя.

В срок от нескольких месяцев до двух лет после смерти первосвященника высший совет монахов объявляет народу о нахождении нового далай-ламы. Этот новый далай-лама может быть младенцем нескольких недель от роду или ребенком не старше двух лет, но во всяком случае он должен быть рожден после смерти последнего далай-ламы, душа которого, как предполагается, переселяется в тело младенца. Бывали случаи, когда первосвященник перед смертью давал своим совет-

никам указания относительно семьи, в которой родится тот ребенок, которому суждено быть далай-ламой. Такие указания упрощали, конечно, дело; когда их нет или когда возникают разногласия, то прибегают к гаданию или жребию. Таким же способом избираются и игумены важнейших монастырей Монголии и Тибета. Эти ламы избираются в установленном порядке и часто достигают преклонного возраста. Далай-ламы в этом отношении до сих пор были менее счастливы.

Первые четыре первосвященника были вождями исключительно духовными и не имели политического значения, — следовательно, и пользовались нормальным сроком жизни. Представителю пятого воплощения удалось с помощью монголов сделаться и политическим вождем. С этого времени судьбы дальнейших воплощений стали неразрывно связаны с политическими интригами. После смерти пятого далай-ламы порядок престолонаследия нарушился, началось соперничество различных партий, отстаивавших своих претендентов. Одна из партий обратилась к китайскому императору, с тем, чтобы с его помощью утвердить на престоле своего ставленника и обеспечить страну от иностранного вторжения. Китайцы водворили порядок, но за обычную цену: в 1720 году император Китая объявил Тибет вассальным автономным государством и назначил в Лхассу двух „амбаней“ или политических агентов. Номинально амбани были только дипломатическими агентами, но в их руках сосредоточилась огромная власть, и до 1912 года Тибет был вынужден признавать свою зависимость от Китая. Порядок престолонаследия не был изменен, однако избрания далай-лам стали следовать друг за другом с чрезвычайной быстротой. Власть находи-

лась в руках регента, который в свою очередь находился под контролем амбаней. Регенту полагалось оставаться на своем посту до истечения несовершеннолетия далай-ламы, но на деле ни один далай-лама не доживал до достижения совершеннолетия. Предел жизни последних четырех далай-лам достигал в одном случае одиннадцати, в трех—восемнадцати лет. Другими словами, юные далай-ламы были марионетками в руках духовной олигархии, управлявшей страной. Боясь того, что взрослый далай-лама не будет достаточно гибок в их руках, эти всемогущие священнослужители следили за тем, чтобы верховный правитель был „отозван“ для нового воплощения до своего совершеннолетия.

Нынешний далай-лама — единственное исключение из этого за сто и даже более лет. Присущий ему сильный характер ярче всего выразился в его умении избежать до настоящего времени смерти. Он — сын крестьянина, и его избрание было продиктовано, очевидно, политическими мотивами. В момент его вступления на престол Тибет находился под сильным влиянием Китая, а Китай не желал, чтобы верховное управление находилось в руках тибетца богатого и знатного. Бывший крестьянский мальчик, которому сейчас за пятьдесят лет, сумел, будучи далай-ламой, отвоевать себе власть, столь долго узурпировавшуюся монашеской олигархией. Подозревая, — может быть, зная по наслышке, — о судьбе своих предшественников, он в молодости тщательно избегал есть пищу, не испробованную его приближенными, и вообще искусно избегал всякой опасности. По достижении восемнадцатилетнего возраста он настоял на присвоении себе власти, дотоле принадлежавшей ему лишь номинально, и в конце концов добился своего.

Ободренный успехом, чувствуя в себе „волю к власти“ и „волю к жизни“, теперешний далай-лама на собственную ответственность пустился в смелую и несколько неосторожную иностранную политику. Авансы, которые он сделал России, вызвали неудовольствие Великобритании и Китая, более или менее прямым последствием чего была британская экспедиция в Тибет под начальством полковника Ионгхэзбенда (в 1904 году). Немедленно по вхождении британских войск в Тибет далай-лама бежал в Монголию, впоследствии перебрался в Китай и временно жил в Пекине. В 1908 году он вернулся в Тибет, но волею судеб прожил там только около восемнадцати месяцев, до того момента, когда пришла очередь Китая завоевывать Тибет, а Великобритании, т. е. Британской Индии—приютить беглеца. От 1910 до 1912 года далай-лама оставался в Индии.

В 1912 году благодаря активности, проявленной Царонгом, китайцы были изгнаны из Тибета. Далай-лама вернулся к власти и сам принялся „водворять порядок в своем доме“. В этом деле он выказал необычайные способности, и результатом его деятельности явилось настоящее политическое положение Тибета, представляющее огромный интерес.

Страна резко разделена на две активные партийные группировки. Одна—дворцовая партия, поддерживаемая значительной частью светской аристократии и крестьянством; другая, представленная так называемым национальным собранием, состоит в большей своей части из ставленников трех больших монастырей. Обе партии в высокой степени автократичны, но церковная—значительно реакционнее. Дворцовая партия включает много лиц, поживших за границей; эта партия сравнительно

прогрессивна. Дворцовая партия симпатизирует Англии, клерикальная — Китаю; группы, специально заинтересованной Россией, в данное время нет.

Дворцовая партия пока растет, но интересно вообразить, что наступит после смерти нынешнего далай-ламы? Возьмет ли Царонг в свои руки бразды правления и провозгласит ли себя верховным повелителем, о чем шепчутся некоторые, или он сумеет подчинить себе нового избранника? Не сбудется ли древнее пророчество и не станет ли тринадцатый далай-лама последним носителем этого титула, а Тибет—открытым для „белых варваров“ Запада? Поставить эти вопросы легко, но кто на них ответит? Эти мысли бродили в моей голове во время моей приятной беседы с далай-ламой.

На следующее утро разыгралась буря. Слухи обо мне распространились и дошли до ушей фанатичных монахов. Под моими окнами собралась толпа. Меня стали вызывать, раздавались крики: „смерть иностранцу!..“ Снизу доносился настоящий „гимн ненависти“. Летели камни и палки. К счастью, доступ в мое помещение был очень неудобен. Правда, стекла в окнах были разбиты, но так как толпа не была вооружена, то она, не войдя в дом, особенного вреда причинить не могла. Все дома Лхассы построены вокруг внутреннего двора; подвальный этаж занят кладовыми и конюшнями и не имеет ни окон, ни двери на улицу; двор сообщается с улицей исключительно через широкие ворота; лестницы в верхние этажи—все со стороны двора. Для предосторожности я заставил закрыть и запереть засовом ворота и приготовился выдержать осаду. Толпа ломилась в ворота, но крепкие стойки не поддавались. Тем не менее я счел более безопасным выйти из дома, решив вре-

менно искать приюта в другой части города. Никто из толпы не имел ни малейшего представления о моей наружности. Тщательно восстановив свой дорожный костюм, вместе с своими слугами выскользнул я через маленькую потайную дверь на соседний двор, а оттуда — в переулочек. Я решил искать приюта у одного мелкого чиновника, отнесшегося ко мне весьма дружелюбно, но по дороге подумал, что любопытно бы посмотреть на чернь, окружавшую мой дом.

Все внимание толпы было обращено на то место, где предполагалось мое присутствие, никому не могло притти в голову, что намеченная жертва стоит среди этой самой толпы. Я обошел ее кругом и стал в задних рядах. Чтобы не отстать от других, я тоже покричал, даже поднял камешек и бросил его в свое собственное окно. Впоследствии я узнал, что наготове стояли войска, чтобы оказать мне помощь, но она оказалась излишней. Когда стемнело, толпа рассеялась, и я вернулся домой.

В последующие дни происходили небольшие враждебные демонстрации, но как только стало известно, что я нахожусь под защитой правительства, дело до серьезного не дошло. Правительство убедило меня не покидать дома до окончания новогодних празднеств, так что от 27 февраля до 13 марта я находился в положении узника. Это время я посвятил восстановлению своего здоровья. Меня изнуряли кровохарканье и дизентерия, и я подумывал о том, не пригласить ли к себе ламу из знаменитой Медицинской школы. Однако мне энергично отсоветовали это делать, так как могло случиться, что врач-монах дал бы мне яду вместо лекарства, каковым простым способом и избавил бы от меня страну.

Врачи-ламы с современными науками не знакомы. Медицина изучается по древней индусской системе врачевания эпохи средневекового буддизма, слегка измененной под влиянием китайской фармакопеи. Сведения, преподаваемые по анатомии, чрезвычайно курьезны: существуют, например, воззрения, из которых узнаешь, что сердце женщины бьется в середине груди, а сердце мужчины—в левой стороне ее, что красная кровь обращается в правой стороне тела, а желтая желчь—в левой, и т. д. Хирургия примитивна; антисептические средства неизвестны, и смерть от заражения крови—частое явление. Изучение медицинских наук занимает около десяти лет, при чем многие не выдерживают сдаваемых экзаменов.

Во всей стране найдется не более ста квалифицированных лам-врачей; почти все они живут в Лхассе в остальных местах удовлетворяются монахом, знакомым с ритуалом изгнания носителей болезней—бесов. Воспаление легких, венерические болезни и оспа особенно распространены в Тибете.

В виде лечения мне было предложено исполнение различных церемоний религиозного ритуала, а также священные пилюли „рильбу“, изготовляемые в различном виде по всему Тибету. Царонг же, узнав о моей болезни, прислал огромное количество жестянок английского патентованного средства, привезенного из Индии. Лучше всякого лечения помогла мне здоровая разнообразная пища, которую я отныне мог иметь.

Лхасская равнина—самая плодородная во всем Тибете. Культивируются горох, картофель и грецкий орех; с дальней восточной окраины Тибета получают яблоки и сушеные абрикосы.

На высших классах населения Лхассы отразилось китайское влияние; между прочим, многие блюда — китайского происхождения. Самое распространенное из них — „тукпа“: бульон с вермишелью или макаронами из просяной муки и с мелко нарубленным мясом. Это — главное блюдо; мужчины во время трапезы возвращаются к нему раз семь или восемь, съедая в промежутках между отдельными порциями его по кусочку второстепенных блюд, поставленных перед ними и состоящих из мяса с пряностями, репы, белой редьки и проч. „Момо“ — круглые пирожки с мясом, луком и чрезвычайно пряным и острым, дико растущим корнем „са“ — поедаются в большом количестве; лавки, торгующие ими, всегда переполнены.

Жизнь в Лхассе дороже, чем в остальных местах Тибета, но если исключить рис, сахар, печенье и другие предметы ввоза, она, конечно, дешевле, чем где бы то ни было. Вот мой бюджет без включения продовольствия слуг:

Топливо (яковый навоз)	4	транки ¹
Цыпленок (целый)	4	„
Яйца (четыре штуки)	2	„
Молоко (яковое)	2	„
Картофель	4	„
Мясо	3	„
Рис (горсть)	5	„
Сахар (три пакета)	15	„

3 марта, в 15-ый день первого месяца тибетского года, в городе с утра началась лихорадочная деятельность. В Тибете — лунный календарь, и в этот день

¹ Транка — около 3 пенсов.

всегда бывает новолуние. Рабочие воздвигали большие балаганы вокруг внутреннего круга. Некоторые из этих балаганов были величественными сооружениями метров в пятнадцать вышины. Они держались на огромных деревянных шестах, воткнутых в землю, и были сделаны из холста, изрезанного в виде различных геометрических фигур, имеющих символическое значение. Кое-где холст был раскрашен, кое-где в нем были вытканы или вшиты превосходно исполненные картины. Перед каждым балаганом ставился алтарь, покрытый множеством медных масляных ламп, которые при наступлении темноты зажглись.

Около семи часов далай-лама в сопровождении высших чинов двора совершил при факелах торжественное шествие по Внутреннему кругу. За ним следовали тысячи паломников. Это было величественное зрелище, хотя для постороннего зрителя в нем промелькнула смешная черточка: чиновники и духовенство были одеты в средневековые костюмы, а солдаты новой армии, составляющие лейб-гвардию далай-ламы, были в британской форме; для довершения несообразности военный оркестр в самый торжественный момент заиграл английскую народную песню.

Лампы горели всю ночь, и толпы паломников двигались по кругу, но с наступлением зари всё погасло, балаганы были быстро разобраны, — к восьми часам утра от них не осталось и следа. Всех балаганов или будок было, наверное, больше ста. Каждый из соседних монастырей, каждая знатная или чиновная семья обязаны соорудить и обслужить по крайней мере один балаган. Эта обязанность влечет за собой большие расходы, и от нее охотно уклонялись, но далай-лама,

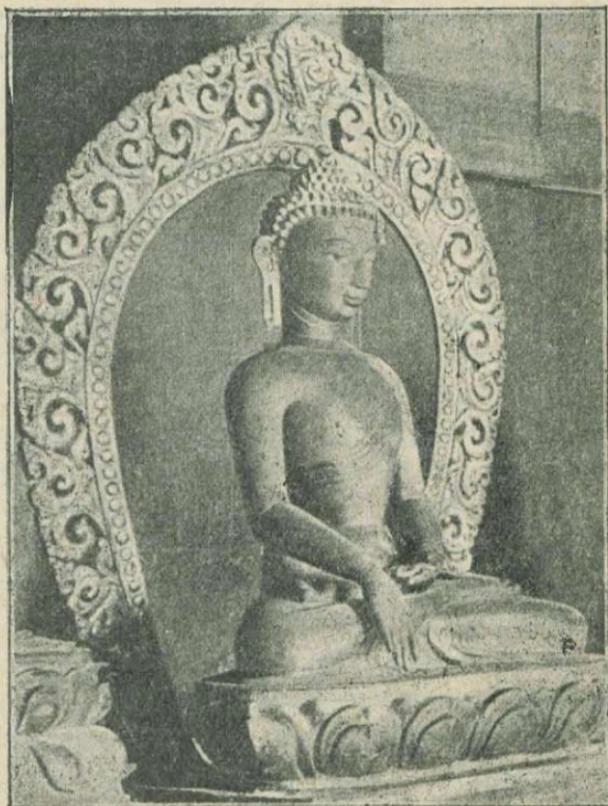
который держится за строгое соблюдение всех религиозных церемоний — что не совсем вяжется с его отчасти современными взглядами — сумел добиться того, чтобы балаганы воздвигались согласно традиции.

12 марта из своего окна я лицезрел церемониальное шествие старой тибетской национальной гвардии. Эта военная организация продолжает существовать рядом с новой армией. Трудно себе представить более оригинальную процессию. Она состояла из трех групп: одна была вооружена луками и стрелами, другая — мечами, а третья — ружьями XVII, самое позднее — XVIII века, тяжелыми, заряжающимися через дуло, свисающими на один бок, но украшенными чудесной инкрустацией. Каждое из этих ружей могло бы занять почетное место в историческом музее. Для большего впечатления эти старинные мушкеты были заряжены холостыми патронами и при выстреле производили оглушающий треск. Солдаты были в железной броне прекрасной работы, напоминающей старинную японскую. В руках они держали круглые корзинообразные щиты, на шлемах развевались перья. Лошади конной части были также в броне. Три раза эта фантастическая армия прошла по Внутреннему кругу и затем вышла в поле для маневров.

Следующее большое торжество имело место 13 марта. Оно заключалось в праздновании благословенного „Майтрея“, грядущего спасителя мира. Изображение святого стояло на неуклюжей тибетской тележке. За ним шествовали два великолепных непальских слона, подаренных далай-ламе. (Отмечу кстати, что в Тибете экипажей нет). За слонами следовали три искусно сделанные чучела, изображавшие яка, тигра и слона. Они

были огромных размеров и вмещали по несколько человек. Важную роль в этой процессии играли малолетние мальчики. Согласно древнему индийскому воз-

зрению, рост и длительность жизни человека изменчивы и проходят через несколько циклов. На зените человеческой славы каждый человек — великан, и средняя длительность его жизни равняется 80 000 годам, но постепенно наступает упадок. Рост и срок жизни уменьшаются до тех пор, пока люди не

ТИБЕТСКОЕ БОЖЕСТВО.

делаются карликами, и жизнь их не длится только десять лет. За этим опять следует цикл роста. Согласно буддизму, человечество в настоящее время стоит на низшей ступени. Каждое столетие приносит постоянное, хотя

почти незаметное сокращение. Средний срок человеческой жизни уже не достигает ста лет, а рост — двух метров. Эта дегенерация будет длиться еще многие сотни лет. Но когда нижний предел будет достигнут, то явится Майтрея, милосердный спаситель. Мальчики в процессии и изображают людей эры грядущего Будды.

Другим развлечением во время моего плена было для меня чтение. Лхатен покупал мне книги на рынке. Это были книги обычного типа, т. е. напечатанные посредством больших вырезанных деревянных брусков на грубой бумаге. Я поручал ему покупать книги двух категорий, выбирая наиболее распространенные как среди мирян, так и среди духовенства. В результате он мне принес томов пятьдесят или шестьдесят. Книги первой категории неинтересны: покаяния в грехах, обращенные к прежним буддам, собрания заклинаний или жизнеописания далай-лам и других святых. Но между книгами особенно популярными среди монахов я нашел три очень интересных.

Первая книга — „Доманг“ (буквально: Мани-сутра), сборник наиболее известных коротких бесед из большого сборника „Кан-чжюр“. Эта книга — золотое дно для тибетского монаха, так как за произнесение или пение отрывков этого сочинения он получает большую плату от частных лиц. „Кан-чжюр“ — слишком громоздкая книга, „Доманг“ же весьма портативна. В „Кан-чжюре“ много поистине прекрасного, но и много нелепого; в „Доманг“ вошло как-раз последнее, а именно: магические заклинания и формулы, обеспечивающие милость богов и демонов.

Вторая книга — собрание стихотворений тибетского святого Милараспа. Это — странствующий аскет, одетый

в рубище, и поэт с несомненным художественным дарованием. Детский лепет о магии и мифологии перемешан у него с яркими описаниями страны и людей; общий тон всего его творчества — признание ничтожности всего сущего.

Третья книга — „Лам-чен“ или „Ламрин-чемпо“, т. е. „Стадии“ или „Великий путь“ (к спасению). Это — замечательное сочинение Цонг-Капа, основателя ныне существующей тибетской церкви, предназначенное служить руководством для учеников на их пути к конечному спасению; оно содержит много рассуждений о философских основах буддизма и дает прекрасное представление о буддизме теоретическом, идеальном и его отношении к буддизму, практикуемому на деле.

С разрешения Сонама и Царонга меня навещали различные лица, которым я обязан самыми интересными часами в период своего заключения. Между прочим, приходили и монахи из более или менее либеральных, узнавшие о том, что я интересуюсь изучением их религии. К одному из них, очаровательному старику, я особенно привязался; он нередко просиживал у меня по несколько часов, выпивая невероятное количество чая с маслом и разбирая тонкости буддийской метафизики. Религия, философия и наука Европы были для него книгой за семью печатями, но с точки зрения тибетского средневековья он был крупным ученым. Его понятия о географии были чрезвычайно смутные; мир для него являлся цилиндром, а солнце и луна — крошечными спутниками, вращающимися вокруг него. Впрочем, подобные предметы в его глазах не имели значения: его занимали вопросы бытия, природы вещества, присущие ему свойства, и в этой области он

выказывал глубокое проникновение. При всей своей учености он был прост и наивен как ребенок и вместе с тем учтив как воспитанный человек старого времени; мирское зло его глубоко огорчало, в его благочестии и набожности не чувствовалось и следа софистики. Едва ли он был когда-либо превзойден кем-нибудь из святых. Для выяснения спорных пунктов требовались тексты, и милейший старик приносил и дарил мне драгоценные манускрипты сочинений древних тибетских и индийских ученых. Для меня это были неоценимые подарки: ведь приобретение буддийской религиозной литературы было одной из моих главных задач.

Печатных книг я приобрел много. Деревянные бруски для печатания названной литературы хранятся в больших монастырях, и для получения книги приходится доставить в монастырь свою бумагу и поручить кому-нибудь из монахов последить за тем, чтобы для печатания были взяты надлежащие бруски. Эти-то хлопоты и брал на себя мой старый философ. Подкупающая простота его характера составляла яркий контраст с невежеством и грубоватостью тибетских монахов.

Впоследствии я узнал, что подобные ему люди встречаются среди монахов, достигших степени „гешэ“ или доктора богословия. Эта степень — конечная цель, которую ставит перед собою каждый тибетский монах, но достигают ее весьма немногие, так как для сдачи связанных с нею экзаменов требуются часто двадцать лет занятий и обширное знание текстов; несмотря на наличие тысяч монахов, во всем Тибете едва ли найдется более сотни настоящих гешэ. Степень гешэ — пятая, высшая ступень ученой карьеры тибетского монаха: мальчик поступает в монастырь послушником;

научившись читать и писать и затвердивши несколько страниц религиозных текстов, он получает степень „джениэ“, которому соответствует звание „упасака“. Это звание в других буддийских странах дается и благочестивым мирянам, в Тибете же служит подготовительной ступенью к достижению монашеского сана. Третий ряд экзаменов дает степень „ге-цю“ (или „ге-цул“), связанную с соответствующим повышением в духовной иерархии. Многие монахи, особенно в провинциальных монастырях, дальше этой степени не идут: она дает им право участвовать в большинстве религиозных церемоний. Дальнейший ряд экзаменов и соответствующие подарки монастырским властям приводят к степени „гелонг“, которую получают монахи, вполне подготовленные к занятию всех монастырских должностей. Этой степени достигает не менее половины всего числа монахов. Те немногие, которые посвящают себя науке, после очень строгих экзаменов и защиты публичной диссертации получают звание гешэ.

Глава XXV

СОВРЕМЕННАЯ ЛХАССА

Раньше чем закончить повествование о моем путешествии, я хочу поделиться с читателем сведениями, собранными мною за время моего пребывания в Лхассе и касающимися реформ последних лет, административной системы, а также социальных вопросов и экономического положения страны. Получением этих сведений я обязан моему любезному хозяину Сонаму и нескольким другим лицам, с которыми я имел удовольствие познакомиться в Лхассе.

Крупные преобразования, проведенные за последнее время, коснулись, между прочим, почты и телеграфа. Прежняя система доставки писем казенными курьерами имела в виду только нужды правительства, частные же письма в исключительных случаях передавались этими курьерами за вознаграждение со стороны отправителя. Ныне вводится правильная почтовая система, и пересылка частной корреспонденции и частных посылок узаконена. Пока в центральных провинциях учреждено только двенадцать почтовых контор. Почта, как и прежде, перевозится на пони, но довольно быстро: письмо из Лхассы в Гианцзе (1225 км) доставляется через два с половиной дня. Отпечатана интересная серия

марок, но наличие на письме почтовой марки еще не вполне гарантирует его доставку, — большое значение имеет одарение почтальона. Тибет не включен в международный почтовый союз; прямого почтового сообщения между Лхассой и внешним миром нет; но в Гианце рядом с тибетской почтовой конторой имеется и английская; если имеешь там приятеля, согласного передавать письма из туземной конторы в иностранную, то можно, живя в Лхассе, вести корреспонденцию с Англией и Америкой. Мне рассказывали, что далай-лама получает из этих стран много писем от частных лиц с просьбами о допущении в Лхассу, но все они остаются без ответа.

Телеграф был построен по распоряжению кабинета министров, отданному под давлением Царонга, без предварительного согласия национального собрания, что вызвало большое возмущение со стороны этого реакционного органа.

Для понимания политики Тибета интересно поближе узнать отношения, существующие между далай-ламой и таши-ламой.

В смысле политической власти первый почти всецело затмевает второго. Свидания между обоими властителями происходят чрезвычайно редко. Два года тому назад таши-лама сделал официальный визит далай-ламе, старшему по годам. Посвящение в высший сан совершается ими обоюдно, без жреца. Долгое время признавалась равнозначимость их, однако в настоящее время соперничество обоих дворов обострилось, и на почве событий последних двадцати лет враждебные отношения между далай-ламой и таши-ламой приняли серьезный характер. В 1904 году, когда далай-лама

бежал в Монголию, китайские власти, занявшие Лхассу, свергли его с престола и провозгласили правителем страны таши-ламу. Когда далай-ламе удалось путем непосредственных переговоров с Пекином добиться возвращения в Тибет, таши-лама снова занял второе место. В 1910 году, когда китайцы, недовольные далай-ламой, ввели в Тибет военные силы и далай-лама бежал в Индию, он сам передал свою власть таши-ламе, который однако пользовался ею только номинально. Восстание 1912 года ниспровергло владычество Китая, и далай-лама мог снова вернуться. Таши-лама без всякого протеста вернул государственную печать, но самый факт, что верховная власть временно была в руках соперника, не давал далай-ламе покоя, и он стал подвергать таши-ламу ряду мелких преследований. Эти преследования долго переносились таши-ламой безропотно, но совсем недавно, уже после моего возвращения из Тибета, пришло известие о его бегстве в Монголию или, что вероятнее, в Китай. Это событие предвещает крупные осложнения. Китайцы не примирились с потерей власти в Тибете и только ждут удобного случая, чтобы снова вторгнуться в страну. Таши-лама в их руках станет ценным орудием. Они смогут обосновать свое вторжение желанием восстановить его власть, и к ним примкнут многочисленные сторонники таши-ламы в самом Тибете. Далай-ламе будет тогда угрожать двоякая опасность. Европейские устремления двора и министерства уже в сильной мере возбудили против него монастыри, в особенности Брбун, всегда придерживавшийся китайской ориентации. В Тибете уже посеяны семена грядущих смут.

Финансовое положение Тибета далеко не удовлетворительно. Чиновники богатеют, а казна беднеет. Номинально оклады служащих незначительны, так как на государственные должности обыкновенно назначаются лица из богатых семей, желающие отдать государству свои силы. Однако жалованье составляет лишь меньшую часть дохода служащего, — открыто процветает взяточничество. Губернаторы пятидесяти трех провинций получают с населения налоги и подати натурой, до центрального же правительства доходит из этого дохода лишь незначительная часть. Земли, принадлежащие монастырям, обложению не подлежат, — монастыри Лхассы даже субсидируются правительством. Средствами для покрытия текущих государственных расходов служат три источника: акциз на шерсть, акциз на соль и доход монетного двора. Последний является особенно выгодной статьей благодаря низкой пробе монеты.

Кроме далеко не соответствующих своей номинальной стоимости медных денег, в обращении были и серебряные разного достоинства, но в связи с прогрессом оказалось более выгодным заменить их бумажными. Эта мера была проведена Царонг-шапэ, и ее благоприятные результаты побудили правительство учредить еще четыре монетных двора.

Царонг смело приступил к проведению меры, направленной к поднятию финансового положения. Он собирается издать закон, который заставит монастыри и привилегированные сословия платить налоги. Крупные аристократические семьи накапливали богатства веками, и Царонг хочет использовать этот мертвый капитал посредством налога, установив его к тому же в виде пропорционального подоходного. Увеличение

налогов для Царонга вопрос первостепенной важности, так как созданная им в 1912 году новая армия требует много денег, да и для проведения целого ряда намеченных им реформ также понадобятся новые капиталы. Состояние и доходы далай-ламы не составляют государственного имущества. Помимо доходов с собственных земель и других источников постоянного дохода далай-лама ежегодно получает в виде добровольных пожертвований ценные подарки, составляющие весьма значительный финансовый фонд. О кредите тибетцы не имеют понятия: деньги они зарывают в землю, — к огромному кладу, скрытому в недрах холма, на котором строит Потала, год за годом прибавляются большие суммы. Из этой сокровищницы далай-лама только однажды почерпнул крупную сумму, понадобившуюся ему на обеспечение предстоявшей ему долголетней жизни в индийском изгнании. После его возвращения казна, разумеется, была вновь пополнена.

Остановлюсь несколько на особенностях служебной иерархии Тибета. Читателю уже известно, что в государственном аппарате большое место занимают монахи: из двух губернаторов провинции один — непременно духовное лицо. Монахи назначаются на государственную службу после прохождения специального учебного заведения; светской школы такого же типа не существует, и миряне, готовящиеся поступить на службу, учатся читать и писать на официальном языке у частных учителей, часто монахов; затем, при наличии связей, они попадают в качестве практикантов, сотрудников в министерство финансов, где знакомятся с традиционными методами делопроизводства и впоследствии назначаются на штатные должности. Служебная иерархия

делится на семь разрядов. Эта градация, заимствованная у китайцев, укоренилась в Тибете после их изгнания. К седьмому и шестому разрядам принадлежат начинающие чиновники; к пятому — губернаторы пятидесяти однотипных провинций, к четвертому — губернаторы трех специальных провинций, генералы армии и некоторые специально назначенные лица, в роде, например, кенчунга в Гианцзе, которому поручены сношения с англо-индийским правительством. Третьему разряду соответствуют некоторые титулы; министры принадлежат к второму разряду, сам далай-лама — к первому.

Много интересного рассказал мне индус-мусульманин, стоящий во главе магометанской общины в Лхассе: Тибет во все времена не был последователен в своей политике абсолютного недопуска иноземного элемента, — известное число иностранцев всегда имело доступ в страну. Доступ монголов, бутанцев и сиккимцев объясняется общим расовым происхождением и религией; гораздо удивительнее то, что в Лхассе, этом центре нетерпимого монашеского буддизма, имеются две мечети. Одна из них, китайская, после 1912 года почти опустела. Другая посещается главным образом купцами-магометанами, приезжающими из Кашмира. Как это ни странно, но жителям Кашмира, британским подданным, разрешено пребывание в Лхассе, воспрещенное всем остальным индусам, и настоятель магометанской общины в Лхассе играет отчасти роль неофициального представителя своего правительства в Тибете. Не надо забывать, что Тибет закрыт не только для европейцев, но и для всех народов Востока.

Описанное мною празднество в честь божества „Маитрея“ было заключительным. Начиная с следующего дня город опустел.

За время моего пребывания в Лхассе я несколько раз прошел по Внешнему кругу, параллельному Внутреннему кругу. Внешний круг захватывает весь город, огибая Медицинскую школу и Поталу. Близ восточной оконечности его расположены любопытные, построенные из рогов и глины хижины, в которых живут отбросы городского населения—нищие, грабители, мусорщики и разрубатели мертвых тел.

Во время моих частых экскурсий я успел много раз рассмотреть все главные здания города и ближайших его окрестностей: собор, четыре „линг“, Ремошэ, частный дворец далай-ламы, Нарбу-линг и великолепную группу строений, составляющую обитель оракула Лхассы, расположенную недалеко от Брббуна. Не менее интересным оказался подробный осмотр палаток и лавок, образующих рынок; они расположены в Внутреннем кругу и в прилегающих к нему улицах. В большинстве случаев торговлю ведут женщины, вообще играющие большую роль в социальной и экономической жизни страны. Крупные магазины, собственниками которых большею частью являются кашмирские купцы, торгуют шерстяными и шелковыми тканями и в очень незначительном размере бумажными. Шерсть—тибетская, а шелк—большею частью китайский. Готовых вещей не продают. Имеются мужские шляпы самых разнообразных образцов и цветов: для мужчин в Тибете не существует национального головного убора—в последнее время они стали носить европейские фетровые шляпы. Женщины больше носят традиционный

головной убор, весьма сложное украшение — „партук“. Интересны лавочки продавцов драгоценных камней; первое место занимают кораллы и бирюза, которую тибетцы ценят выше всего; за хорошие экземпляры платят баснословные цены. В многочисленных лавках, торгующих предметами культа, выставлены молитвенные колеса, колокольчики, чаши, ящики для сохранения заклинаний и картинок религиозного содержания, масляные лампы и проч. Рыночным товаром являются также деревянные чайные чашки, палочки, заменяющие вилки и ложки, — ими в Тибете пользуются только высшие классы, позаимствовавшие этот обычай у китайцев, — стальные кинжалы, короткие мечи и т. п. Из пищевых продуктов особенно большой сбыт имеет китайский плиточный чай.

Бойкот иностранцев не простирается на иностранные товары, и на рынке встречаешь много предметов, вывезенных из Калимпонга. К ним принадлежат ножицы, дешевые зеркала, спички, и в небольшом количестве душистое мыло. Спички и свечи завоевали Лхассу и с успехом заменили огниво и масляную лампу. Присутствие мыла не служит доказательством борьбы с нечистоплотностью; крестьяне любят его за приятный запах и намазывают им тело для тепла.

Главным предметом вывоза служит шерсть; в значительно меньшем размере вывозятся меха и мускус; известное количество буры проникает в Индию через Непал; тибетские мулы, пони, овцы и козы встречаются на многих иностранных рынках.

Три главных торговых пути соединяют Лхассу с внешним миром: один ведет в Пекин через Тачиенлу; он в настоящее время вследствие враждебных отно-

шений между Тибетом и Китаем почти закрыт. Второй идет из Лхассы через Шигацзе в далекий Ладак и в Кашмир; этот слишком дальний путь отчасти уже потерял свое значение. Третий путь, в настоящее время самый важный, соединяет Лхассу с Калимпонгом, проходя через Гианцзе, Пари, Ятунг и долину Чумби. Это—та линия, по которой ныне течет торговый поток Тибета, но я убежден, что более естественный выход в Индию ведет через Кампа-дзонг в долину Тисты. Этот путь раз навсегда покончил бы с невероятно крутым и неудобным перевалом Джелап, так как по долине Тисты легко провести не только колесную, но и годную для моторного движения дорогу. Подъем долины так легок, что, наверное, допускает постройку и железной дороги, а раз достигнуто тибетское плато, то не трудно пересечь его равнины рельсовыми путями. Такой проект однако едва ли будет осуществлен в скором времени. Помимо стремления народа к полной изоляции, возникает еще вопрос, могут ли ресурсы Тибета обеспечить подобный расход? Тибет никогда не станет крупной земледельческой страной, и хотя в благоприятных условиях его запасы шерсти и живого скота могли бы возрасти до огромных размеров,—этого все же было бы недостаточно для того, чтобы возбудить интерес к железнодорожному строительству.

Коснусь еще вопроса о минеральных ресурсах.

Разработка их всегда тормозилась монахами, считающими недра земли местопребыванием демонов, мстящих за нарушение их покоя. Не взирая на это, тибетцы все же эксплуатируют несколько золотых приисков способом, не вполне противоречащим пред-

убеждению против разрытия земли, т. е. способом промывания. Некоторые из этих приисков, в небольшом масштабе и с довольно примитивными средствами, работают уже около двух столетий и оправдали свою эксплуатацию; крупной золотоносной жилы однако не было найдено. Тибет изобилует железной рудой, которая со временем без сомнения будет разработана. О существовании угольных пластов ничего неизвестно. Судя по аналогии, можно считать вероятным присутствие нефтяных источников под поверхностью некоторых равнин, но бурения произведено не было.

Большой интерес представляли для меня прогулки в Сетам, где я мог наблюдать учение солдат новой армии. Эта армия является всецело результатом независимости, достигнутой Тибетом в 1912 году. Далай-лама настоял на организации сильной армии в целях сохранения приобретенной независимости и обеспечения внутреннего порядка. Экспедиция Ионгхэзбенда показала все превосходство европейской тактики и снаряжения; последствием этой экспедиции было создание новой тибетской армии по британскому образцу.

В Тибете из каждой семьи, насчитывающей больше одного сына, один может быть призван в армию, но эта система за недостатком экипировки, должного снабжения и денег еще не стала принудительной. Солдаты в настоящее время образуют еще обособленный класс профессионалов, численность которого ежегодно растет. Уже имеются инженерные роты, транспортные части, конница и даже артиллерийские кадры, насчитывающие пока только небольшое количество легких горных пушек. Величайшее внимание обращено на пехоту. До сих пор организовано

четыре пехотных полка, по шестнадцати рот в каждом. Пулеметная стрельба практикуется; принята система, удобная по портативности.

Тибетские войска имеют отличный вид и отдаются своему делу с большим рвением. Введены все роды военных упражнений, включая маневры, ротное учение, сигнализацию флажную и световую. Слабой стороной армии является командный состав. Офицеры вербуются из среды вырождающейся знати и, насколько я имел случай наблюдать, редко обладают выносливостью.

Тибетская армия многому научилась от английских и индийских офицеров. Этим офицерам, конечно, не был разрешен проезд в Лхассу, но в Гианцзе, как мы уже знаем, имеется британский аванпост, и тибетское правительство благодаря состоявшемуся соглашению размещает отдельные войсковые группы в Гианцзе, где они имеют случай наблюдать и копировать английскую военную тактику. В последние годы британские офицеры даже получили право учреждать для тибетских солдат учебные курсы. Обученные группы возвращаются в Лхассу и заменяются свежими.

Каждый день моего пребывания в Лхассе приносил с собой что-нибудь новое и интересное, но с каждым днем меня все сильнее и сильнее тянуло обратно в Англию. Срок моего отпуска давно истек, здоровье поправлялось плохо, и я наконец обратился в кашак с просьбой о разрешении на выезд.

Думаю, что между чиновниками было не мало таких, которые были рады избавиться от столь неудобного гостя, тем не менее пришлось нажать много пружин, чтобы получить необходимые бумаги для безопасного возвращения в Индию. В конце концов я получил не

только все необходимые документы, но и выючных животных, взамен собственных, которые погибли все до последнего, пропуски во все государственные дома отдыха по пути и вдобавок ко всему вооруженный конвой для защиты от фанатиков, а быть может, и для предупреждения каких-либо новых выпадов с моей стороны.

25 марта я покинул Лхассу. Сборы происходили в присутствии многих из приобретенных мною друзей, собравшихся меня проводить. Мой груз потяжелел от прощальных подарков.

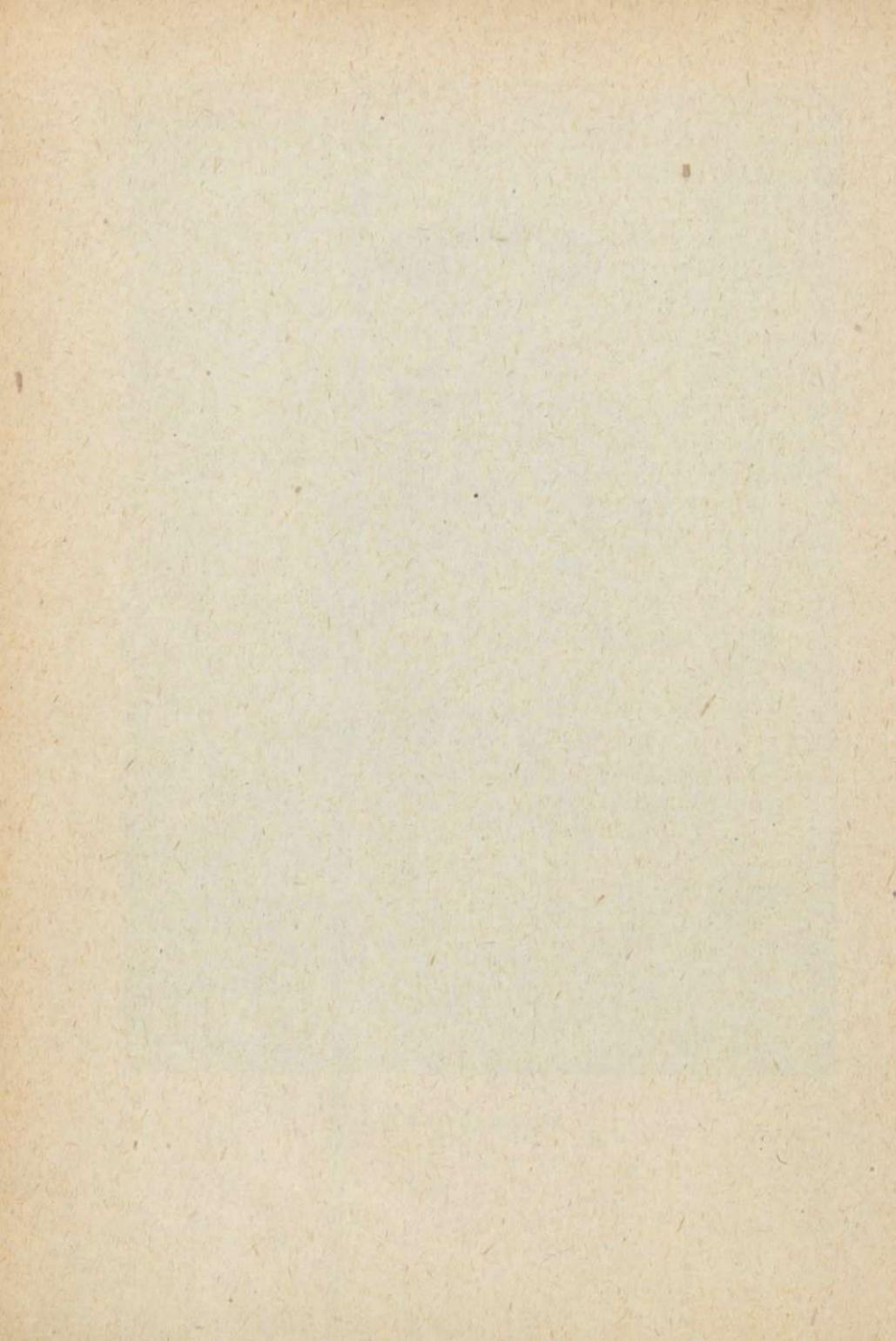
В первые дни мой путь совпадал с тем, который привел меня в Лхассу, но от Язе я поехал по большой дороге в Гианцзе, куда прибыл 30 марта. Оттуда я продолжал свой путь по старой дороге, ведущей из Гианцзе в Пари и к долине Чумби, и 7 апреля благодаря двойным перегонам был уже в Ятунге. 17 апреля я достиг Дарджилинга.

Мои тибетские приключения пришли к концу, но воспоминания о Священном Городе, в который я проник вопреки всем препятствиям, живы. Эти воспоминания стоят всех тех лишений, которые я перенес.

ДАЛАЙ-ЛАМА.

Т И Б Е Т

ТИБЕТ

Очерк Э. С. Батенина

Все дороги ведут в Лхассу.

Тибетская пословица.

Распространенное в широких кругах представление о том, что Лхасса—столица Тибета—наиболее неизвестный, даже „таинственный“ город, в сущности говоря, совершенно неверно. Еще до наделавшей столько шума английской военной экспедиции 1904 г.¹ наука знала Лхассу лучше множества других городов Центральной Азии благодаря многочисленным китайским описаниям и планам, а также отчетам пандитов². Свен Гедин вполне правильно заметил, что посещение Лхассы представляет особый интерес только вследствие трудностей, с которыми оно сопряжено³. Риттер⁴ еще в 1835 г. жаловался, что „таинственный полумрак и затемняющие истину небылицы витают уже тысячелетие над этой страной“, хотя двадцать два европейца за пять столетий, истекших до Риттера, смогли побывать в самой Лхассе.

П. К. Козлов⁵ сообщает: „Нравственные качества тибетцев—лень, грубость, лицемерие, корысть в связи с ханжеством и суеверием. Тибетцы лукавы, вороваты... Все эти отрицательные стороны наиболее присущи тибетскому кочевому населению... Общей характерной чертой у тибетцев служит, между прочим, крайняя подозрительность, недоверие, основанное на применении народом древнего обычая избавления от ненавистного и преграждающего дорогу человека при посредстве яда,

секретно вводимого в еду и питье, обыкновенно в местном вине“. Англичанин Уоддель, имевший за время своих путешествий возможность довольно близко познакомиться с народностями Центр. Азии, говорит, например, доподлинно следующее: „Монгольская раса в нынешних своих чертах странным образом приближается к большой азиатской обезьяне оранг-утангу совершенно так же, как негр в своих физических чертах приближается к большой обезьяне африканского континента, горилле“⁶. Комментарий излишен. Известно, что распространение мыла в глазах европейца есть один из показателей распространения культуры. Уоддель констатирует распространение мыла в Тибете, — у Мак-Говерна же (1923 г.)⁷ читатель найдет весьма своеобразное объяснение такому явлению, не оставляющее сомнения, что и доньше обитатели этой страны являются едва ли не самым нечистоплотным народом на земле. Китайцы, не отличающиеся особой брезгливостью, называют, по свидетельству Грильера⁷, тибетцев (юго-восточных) „вонючими собаками“.

Тем не менее Тибет доньше представляет собою страну, а Лхасса—город, в которые европейцы стремятся проникнуть со все возрастающим упорством. Те, кто под тибетским небом цвета светлой бирюзы испытал палящие лучи солнца и холод зимних ночей, кому посчастливилось унести с собой воспоминание о белой с золотом расцветке Лхассы, множестве ее садов, с такой любовью взращиваемых, те, кто ходил собственными ногами по оригинальной круговой двенадцатикилометровой дороге паломников, по которой совершаются молитвенные обходы с растяжными поклонами, те, кто видел удивительный дворец далай-ламы „Поталу“,—все они навек оравлены видениями. Немногими рассказаны они в книгах с тем художественным очарованием, которое одно способно заменить личное посещение. „Поверь мне,—говорил Менингу, прожившему в Лхассе с декабря 1811 г. по апрель 1812 г., один из друзей перед его путешествием,—

все это выдумки поэтов! Постарайся излечиться. Выпей чемерицы. Старайся избегать искушения. Перестань читать путешествия — все они ложь“.

В поисках этой „лжи“ в 1894 г. был убит в Тибете француз Дютрейль де Рэнс, в 1898 г. бесследно исчез голландец П. Рийнхарт, в 1838 г. был убит Муркрафт. Англичанин Сэвэдж Лэндор⁸, проникший в область Пуран, к югу от Священных Озер (путь известного пандита Наин Синга), живописно свидетельствовал о перенесенных им мучениях и пытках. В 1927 г. мы все беспокоились о судьбе немца Фильхнера, будто бы пропавшего без вести. Известны также страшные лишения и гибель многих французских миссионеров, оперировавших в Восточном Тибете (до меридиана Чамбо): в 1846 и 1854 гг. некоторые из них были убиты, в 1864 г. раненный Дюран утонул. Может быть, список погибших исследователей Тибета — а таковыми были и миссионеры — можно было бы дополнить во всяком случае перечнем тех многочисленных путешественников, которые испытали в Тибете неисчислимы лишения и опасности и были близки к смерти. В дальнейшем мы отметим их имена. Случалось, что исследователи умирали впоследствии от перенесенных болезней или истощения: назовем француза Мартина, который в 1891 г. умер на русской границе от утомления в итоге длительного, но неудачного путешествия, целью которого был Тибет.

И все-таки, если внимательно разобраться в вышеуказанных случаях, окажется, что опасность, сопряженная с исследованием Тибета, должна быть ограничена известными рамками. Так, совершенно точно достоверено английскими властями, что рассказы Сэвэджа Лэндора — во многом, если не во всем, плод вымысла; выяснилось, что Фильхнер в последнюю свою экспедицию работал в безопасности (путешественник отморозил ноги); оказалось, что об убийстве Муркрафта никаких достоверных сведений нет, — во всяком случае, он убит не местными жителями, но разбойниками. Не следует забывать, что пословица лам говорит;

„Убийство—хуже всех грехов“. Ближайший помощник де Рэнса указал на то, что к гибели этого ученого мог привести его резкий и вспыльчивый характер; наконец он работал до смерти в Тибете целых четыре года! Наш Пржевальский также не отличался мягким характером. Вспомним его „Деньги, винтовка, нагайка!“—недаром у туземцев он был известен под кличкой „сердитого генерала“. И тем не менее Пржевальский умер своей смертью. Что касается Рийнхарта, то как бесследно исчезнувший он не может быть причислен к погибшим от руки туземцев. Совершенно неоспоримы факты, касающиеся французских миссионеров в Восточном Тибете. Но мы позволим себе напомнить фразу патера Дегодина⁹, под редакцией коего вышел в 1899 г. (изд. в Гонконге) тибетско-латинско-французский словарь: „Если бы мне было позволено высказать свое мнение, как простого историка, то я сказал бы: я убежден, что придется в конце концов заставить заговорить всемогущий голос Круппа и Шаспо. Тогда тибетцы и китайцы станут повиноваться, и все будет скоро кончено“.

Миссионеры, развив свою деятельность в неподходящих условиях¹⁰ Восточного Тибета, не могли не столкнуться с фанатизмом населения, оберегающего свой религиозный и национально-бытовой уклад. (См. превосходный очерк Тибета: „Le Thibet d'après la correspondance des Missionnaires“, изд. в 1885 г. в Париже).

Другое подтверждение нашей мысли о необходимости более точно определить границы той опасности, которую найдет для себя в путешествии по Тибету иностранец-исследователь, мы находим в факте неоднократного посещения Тибета европейскими женщинами. Известны имена: Бишоп (1889—90), Литтль (1892), Рийнхарт (1898), Фильхнер (1903), графини де Лэдян (1905), из коих четыре последние женщины путешествовали со своими мужьями; но особенное внимание должна остановить Анни Тэйлор (1892). Ее дневник опубликован в соч. Карей „Travel and Adventure in Tibet, etc.“ (Лондон, 1902 г.) Она была первой европейской женщиной,

проникшей в собственно Тибет, и только отсутствие специального образования лишило ее путешествие научной ценности. Снаряжение ее было весьма несложно: десять лошадей, две палатки, два мешка с провизией, походная кровать, ящик с подарками, другой ящик с кухонными принадлежностями и скромным личным багажом, немного серебра и китайских бумажных тканей. Как далеко такое снаряжение от дорого стоящих караванов прочих путешественников: караван монгольской экспедиции 1926 г. американца Эндриуса, например, состоял из ста двадцати пяти верблюдов! ¹¹; в 1928—29 г. он работает, пользуясь несколькими превосходно оборудованными автомобилями. Ее же в неизмеримо более трудном путешествии сопровождали два тибетца и два тибето-китайца; один из тибетцев хотел ее обокрасть и убить, он выдал ее властям, и тем не менее эта женщина, нашедшая защиту в личной отваге, достигла пунктов, где не был ни Пржевальский, ни Рокхиль. Рийнхарт, жена голландского миссионера, выпустила в 1902 г. книгу (Dr. Susie Rijnhart. „With Tibetans in Tent and Temple“. Лондон, 1902 г.), в которой рассказывается о том, как она с мужем блуждала в страшную снежную вьюгу без припасов, не зная дороги, находясь всего в 335 км от Лхассы; ее муж, отправившийся на розыски жилья, не вернулся, — возможно, что он был убит; потеряв ребенка, после невероятных лишений она нашла все-таки в себе силы жить и вернуться на родину и даже описать не только свои страдания, но и самое путешествие. Фильхнер, путешествовавшая с мужем и ученым Тафедем, также пережила немало. В 1927 г. Александра Давид-Ниель выпустила в Лондоне книгу „My Journey to Lhasa“. Она двигалась переодетой нищей из Китая. XVIII + 310 страниц ее описания с иллюстрациями доказывают, что может сделать женщина, хотя географические результаты ее экспедиции и тощи ^{11-а}.

Изучивший историю путешествий в Тибет легко разглядит во времени те переломные годы, — конечно,

ряды лет,—в которые некогда гостеприимный Тибет стал плотно закрывать свои двери перед иноземными гостями, а исследователь вопроса, вооруженный беспристрастным методом анализа политических и экономических условий жизни Ц. Азии, легко поймет те причины, которые на это Тибет толкнули. Некогда положение было другим.

Не так давно Фишер доставил итальянскому географическому обществу любопытное сведение, свидетельствующее о том, что не только память о первых европейцах ¹² сохранилась,—в Китае, например,—но что один из них удостоился даже религиозного почитания. В Кантоне есть так называемый Храм пятисот будд, где между длинными рядами сидящих идолов высится статуя, тип и выражение лица которой с монотонными типами прочих изображений представляет разительный контраст. Когда Фишер всматривался в эту статую, проводник-китаец сказал ему: „О, господин, это—Марко Поло!“ ¹³ В I выпуске английского издания „The Wonders of the World“ имеется снимок с этой статуи, изображающей фигуру в сапогах с толстыми подошвами, в костюме с пуговицами, в круглой шляпе; лицо с усами, на шее видны брыжи старинного воротника; в правой руке—трубка.

Тибетцы издавна имели пограничные неурядицы, вели некогда дальние победоносные войны, попадали в чужеземную зависимость, боролись со своими сюзеренами, искали поддержки у соседних стран, сами оказывали эту поддержку, например, даже далекому Багдаду, и никогда не замыкались в себя так, как они замкнулись в XIX в. ²⁰

Бонвало и принц Генрих Орлеанский (1890) не дошли до Лхассы 145 км (Тенгринор, к северу от Лхассы), Боуэр (1891)—305 км (Гжярин цо, к северо-западу от Лхассы), Рокхиль (1892)—152 км (Тенгринор, к северу от Лхассы), де Рэнс и Гренар (1893)—107 км (юго-восточный угол Тенгринора), Литтльдэль (1895)—73 (107?) км (юго-западный угол Тенгринора), Свен Гедин (1899—1901)—229 км (к северо-северо-западу от Лхассы). Таким образом де Рэнсу, Гренару и Литтльдэлю оставалось до Лхассы всего около

5 дней пути, Рокхлию—7 дней, Свену Гедину—приблизительно 15 дней. Упомянутая выше Анни Тэйлор (1892) достигла, повидимому, Нагчука, т. е. находилась в 12 днях пути от Лхассы ¹⁴.

Мы имеем некоторые свидетельства того, что сам далай-лама ничего не имеет против посещения Лхассы европейцами, по крайней мере—русскими. Во время своих двух встреч с далай-ламой в дни длительного отсутствия его из Лхассы, занятой англичанами, первый раз—в Урге (ныне Улан-Батор, Монголия) в 1904 г. и вторично в 1908 г. в монастыре Гумбум (Амбо, Китай), П. К. Козлов ¹⁵ имел возможность в этом удостовериться. „Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой и богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением“,—так говорил далай-лама, обещавший по возвращении своем в Лхассу обеспечить всем русским, желающим проникнуть в Тибет с научными или коммерческими целями, свободный вход. „Я надеюсь, что вы приедете ко мне в Лхассу, где для вас, путешественника-исследователя, найдется много интересного и поучительного... У меня имеется большое желание перевести на тибетский язык труды по Тибету европейских путешественников, положить начало историко-географическим трудам по центральному Тибету“.

Характерно то, что далай-лама сам лично интересуется географическими событиями. Козлов рассказывает: „...Далай-лама пригласил меня в свою библиотеку и подал мне большой немецкий географический атлас... Я во многих местах его видел пометки, сделанные... тушью на тибетском языке. Оказывается, это перевод географических названий“.

Между тем в последние годы сказывается явное наше небрежение научными задачами в Центр. Азии.

Весьма недавно американская экспедиция прошла по району р. Мэконга, т. е. в интереснейшем во многих научных отношениях бассейне истоков р. Ян-цзы, путешествует вновь Свен Гедин, для снаряжения экспедиций в Центр. Азию находят средства обессилевшие войной немцы (Фильхнер, 1927). Наши же попытки обследовать, например, юго-восток Тибета в направлении на Сум-пань-тин¹⁶ встречаются как-будто непреодолимые препятствия. Наступит время, когда максимальную часть пути исследователю удастся проезжать на автомобиле (или даже пролетать на аэроплане) с тем, чтобы проходить караваном лишь неисследованные местности. В нынешнее время характер экспедиций вообще изменяется сравнительно с недавним прошлым именно в смысле механизации их.

Мы останавливаем внимание именно на Сум-пань-тине уже с 1923 г. не только потому, что этот город и вся прилегающая территория являются исключительно интересными с научной точки зрения, но также и потому, что этот крайний пункт, до которого доходили русские путешественники-тибетоведы (Березовский был в Сум-пань-тине, вернее—в Лунь-ань-фу, вместе с Потаниным и Скасси в 1885—86 гг. и вторично пробыл в нем с февраля по октябрь 1894 г.), привлекает все больше и больше внимания иностранцев. Если не считать протестантского миссионера Полхилла, который покинул город вследствие враждебного отношения населения, пробыв в нем два с половиной месяца в 1892 г., и других миссионеров, которые по имеющимся сведениям были там в 1896 г., то следует отметить посещения Сум-пань-тина летом 1897 г. Литглем, Литтоном, а также агентами-геологами фирмы Моргана, имевшими целью обследование золотоносных участков и вынужденных спасаться бегством (1900). В 1903 г. баварец Фильхнер с женой и Тафель прожили в Сум-пань-тине с 11 по 18 октября. Витсон и Вильсон были в нем в 1904 г.

Первое сведение о Тибете¹⁷ заключено в индийской поэме „Рамаяна“. Геродот (III, 102—105) говорит о стране муравьев, добывающих золото на севере и северо-западе

от Кашмира. Это — первое указание на золотоносные площади Тибета. Бартольд в своих замечательных „Лекциях“ (54) указывает, что путь в Тибет был известен арабам IX—X вв. Первым европейцем, посетившим эту страну (восточную окраину ее), был *Марко Поло*; его описание Тибета произведено однако, как полагают, со слов туземцев. Сандберг думает, что в некоторых частях Тибета в VI—XI вв. побывали несторианские миссионеры. Честь первого посещения центрального Тибета (и самой Лхассы?) принадлежит итальянцу, прожившему три года в Пекине—францисканскому монаху *Одорику* (1328—1330). В это время во главе Тибета стоял „король веры“,—институт „далай-ламы“—позднейший (XV в.) Следует оговорить, что ученый Астлей (1745) назвал Одорика „князем лжецов“. Между прочим, описание путешествия Одорика явилось источником фантастического путешествия английского рыцаря *Джона Мандевиля* (1332—1372); об этом упоминает Бартольд („Лекции“, 76). Описание путешествия см. у Yule в „Cathay and the Way Thither“. Француз *Бюшье* незадолго до путешествия Рубруквиса (о нем ниже) посетил золотые россыпи на северо-востоке Тибета. Иезуит португалец *Антонио д'Андрада* (1624—25) искал в юго-западном Тибете легендарное „христианское государство“. Именно он открыл глаза миссионерам на трудность просветительной деятельности там и на истинное положение Тибета в Центр. Азии. Описание путешествия см. у Péron и Billecosq в „Recueil de Voyages du Tibet“, в „Die Erdkunde“ Риттера (изд. 1833 г., II), а также в труде Г. Н. Соколовского „Антонио де'Андрад“ („Изв. ГРГО“, 1926 г., LVIII), где тщательно собраны все сведения о нем.

За д'Андрада проник ряд миссионеров (о д'Азеведо—1631 г.— доклад Соколовского в ГРГО, 1928 г.), но в 1652 г. все они были изгнаны. Иезуиты, австралиец *Иоганн Грюбер* и бельгиец *Альберт д'Орвиль* (1661), пробыли в Лхассе около одного—двух месяцев. Грюбер задавался целями чисто географическими и первым описал страну с подробностью и достоверностью.

(Путешествие Грюбера рассказано Кирхером в „China illustrata“, изд. 1667 г.); он привез первый рисунок дворца далай-ламы—Поталы—и первый портрет самого далай-ламы. Это следует отметить хотя бы по одной той причине, что в 1905 г. далай-лама не позволил снять с себя фотографический портрет русскому путешественнику, хотя и разрешил срисовку¹⁸ (фотографические снимки с далай-ламы, вообще говоря, имеются). С 1708 г. священная конгрегация пропаганды в Риме возлагает миссионерские обязанности в Тибете на монахов-капуцинов. Материалы, собранные *делла Пенна* и *Белигатти*, составляют основу книги о Тибете Георги „Alphabetum Tibetanum“ (изд. 1762 г.) Вскоре после этого доминиканец *де Фано*, *Дж. да Асколи*, *Фр. да Тур* и *Орацио делла Пенна* достигают Лхассы, затратив на путь всего два месяца. Цепь миссий от Калькутты до Лхассы получила название „Тибетской миссии“. В 1711 г. де Фано уехал в Рим, в 1715 г. вернулся. Успех капучинов вызвал соревнование иезуитов. Орден отправляет в Тибет выдающегося миссионера и ученого *Ипполита Десидери*. Он пробыл в Лхассе пять лет (1716—1721). Иезуит португалец *Фрейре* (1716) также был в Лхассе. К сожалению, часть сочинений Десидери утеряна, часть не увидела света; подлинники же и вовсе не найдены. Работы Десидери изданы профессором Пуини в 1904 г. в Риме: „Il Tibet. Secondo la relazione de viaggio del Ippolitto Desiderii (1715—1721)“—общий итог весьма точных сведений, которыми обладали о Тибете иезуиты в XVIII в. (См. „Mem. S. Geogr. Ital“. X).

Иезуиты *Режи*, *Фриделли*, *Бонжур*, *Жарту* и *Буве* составили карту Китая, в частности—Тибета (1709—1718); в архиве французского министерства иностранных дел донныне хранится коллекция этих картографических работ. Отметим, что указанные миссионеры для своей работы воспользовались старыми китайскими картами¹⁹, лишь исправив их; что касается карт, составленных тибетскими ламами, то все они основаны на подсчетах расстояний и на определении направлений, исполненных весьма

приблизительно, и могут считаться более или менее правильными лишь в отношении территорий, прилегающих к большим дорогам. Иезуит дю Гальд (1735) издает в Париже четырехтомное сочинение „Description géographique, historique etc. — de l'Empire Chinois“, в котором иезуитские карты напечатаны уже в обработке; в то же время (1729 — 1734) д'Анвиль печатает свои известные карты, составляющие основу современных карт Тибета. Следующими по времени картами, кои подлежат неперменной отметке, является знаменитая карта Клапрота „Carte de l'Asie Centrale“ etc. Впрочем, она относится уже к 1836 г.

В 1724 г. о положении тибетских цивилизаторов свидетельствует то, что далай-лама, сблизившийся с миссионерами, ведет с ними письменные диспуты на религиозные темы и даже однажды посещает христианскую часовню в Лхассе. Впоследствии исчез не только след этой часовни, но и самая память о ней у тибетцев, хотя в лхасском соборе донныне хранится колокол с надписью „Te Deum laudamus“, — этот колокол видели в 1924 г. Впрочем, типичные флорентинские оконные жалюзи, распространенные в Лхассе по сей день, напоминают о католической миссии того времени. Влияние Рима было тогда значительно: в Вечном Городе был даже отлит тибетский шрифт.

В 1733 г. капуцины вынуждены были приостановить свою деятельность в Тибете, вследствие отсутствия денег, на семь лет. Впоследствии делла Пенна вновь прибыл в Лхассу с пятью капуцинами. Из них выделился *Кассиано Беллигатти*. Часть его записок опубликована в 1902 г. проф. Маньячи в „*Revista Geografica Italiana*“. В 1745 г. капуцины покинули Лхассу вследствие длительно продолжавшегося недоброжелательства лам. Таким образом миссия просуществовала в самой Лхассе тридцать восемь лет, с этих же пор „апостольский викарий Тибета“ в самом Тибете уже не жил: произошел окончательный разрыв. Тибетская миссия прервала свою работу в 1768 г. В 1824 г. далай-лама отослал английскому резиденту в Непале, путешествен-

нику Ходсону, все, что осталось от миссионеров по части христианской литературы. (См. Кордара—„Hist. Soc. Jesu“. 1750).

Какой же вывод можно сделать на основании изложенного для оценки тех условий, в которых в те времена протекала исследовательская деятельность в Тибете? Единственно тот, что Тибет (и Непал, пользовавшийся тогда независимым существованием) охранял свободу передвижения²⁰ путешествовавших и что особых стеснений для последних не было. Имеются указания и на то, что торговля также не была стеснена. Голландец *Самуэль ван де-Путте*, единственный донине европеец, совершивший путь из Индии через Тибет в Китай, имел возможность свободно передвигаться по стране. Он был в Лхассе в 1728 г. и в 1730 г. (на обратном пути); его материалы по его воле были сожжены, „дабы никто не мог воспользоваться ими, — как говорят источники, — ненадлежащим образом“. *Джорж Богль* (1774) и *Тернер* (1783) посещают Южный Тибет, не заходя в Лхассу (конец 80-х гг. XVIII в.) Сочинение Тернера „An Account of an Embassy to the Court of the Tesho Lama“ издано в Лондоне в 1800 г.

Вскоре после этого Тибет закрывает все перевалы, ведущие из Индии, вследствие своей войны с воинственным индийским племенем — гурками, от которых тибетцев спасает китайское оружие. Гурки начали войну с целью грабежа. Англичанин Уоддель свидетельствует: „Китайский генерал донес, что гуркам помогали британские офицеры, однако — это не доказанный (?) факт“, — добавляет он.

Манинг (1811) на свой риск и страх решается однако проникнуть за перевалы. Он был первым европейцем, проникшим в Лхассу после капуцинов и прожил там четыре месяца. Наука обвиняет его в отсутствии наблюдательности, но нужно признать, что тибетский уклад жизни им освещен в значительной мере. Дневник *Манинга* и отчет упомянутого *Богля* изданы

в Лондоне в 1875 г. (Маркхам— „Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa“). Другим счастливым (и вместе с тем несчастным) путешественником был *Муркрафт*, о котором мы говорили выше. Он перевалил на тибетское нагорье в 1812 г.; с весьма большой дозой вероятия можно предположить, что спустя двенадцать лет он жил в Лхассе в течение двенадцати же лет. (См. „Journ. As. Soc. of Bengal“, XII).

Приблизительно в эту эпоху выходит в свет известное „Описание Тибета в нынешнем его состоянии с картой“ etc в переводе с китайского языка о. Иоакинфа (СПБ., 1828) и его же „История Тибета и Хухунора“ (1833), написанная на основании китайских источников. Венгерец Чома де-Кёрёш издает тибетскую грамматику и словарь. Известные грамматика и словарь Шмидта (1839) на русском языке основаны на работах Кёрёша; труды Шифнера (на русском языке), Фуко и Феера (на французском языке) также имеют их в основании. В 1833—34 гг. выходит из печати уже вторым изданием знаменитый труд „Erdkunde von Asien“ Риттера, где мы находим описание Тибета, сделанное достовернейшим образом. С этого момента картину этой страны приходилось только дополнять, но не исправлять. Двум другим крупнейшим ученым, Клапроту и Гумбольдту, Риттер уступил первенство разве только в орографической оценке Гималаев и Куэнь-луня. Но теоретическая работа не прекратила полевой работы. Однако последняя вынуждена была переменить фронт, в виду тех исключительных трудностей для проникновения в Тибет, которые встали перед исследователями.

Англичане начали работу по изучению Гималаев и более отдаленного Тибета— Западного. Французские аббаты *Гюк* и *Габе* (1845) как бы завершают целый этап, в течение которого Лхасса посещается европейцами. Они совершили одно из самых значительных путешествий, хотя научной пользы оно принесло немного: неясность и сбивчивость маршрута путешественников дали даже

повод подвергнуть сомнению самый факт путешествия. Путешествие Гюка послужило, между прочим, яблоком раздора между Рокхилем и Пржевальским, который особенно резко критиковал Гюка. Рихтгофен указывает (см. Бартольд. „Лекции“, 128), что Гюку принадлежит только литературная обработка материалов Габе; 516 страниц II тома „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine (Paris, 1850—53) посвящены Тибету; иллюстраций нет. Габе и Гюк прожили в Лхассе несколько месяцев.

Западный Тибет последовательно посещается: Стрэчи 1-м („Священные озера“, 1846); *Стрэчи 1-м, Кунингамом и Томсоном*, являвшимися членами „пограничной комиссии“ (1847); *Стрэчи 2-м и Винтерботомом* („Священные озера“, 1848); см. „Geogr. Journ.“, 1900, №№ 2—4; *Стрэчи 1-м и Стрэчи 2-м* (р. Сетледж, 1849); *Эшке* (1850), который выпускает в свет „Tibetan grammar“ (2-е изд. Лондон, 1883) и Тибетско-английский словарь (1881); *Гейде* (1850) и наконец братьями *Германом, Адольфом и Робертом Шлагинтвейт* (1855—57). Последние два брата работали переодетыми. Трехтомное сочинение „Reisen in Indien und Hochasien“ (Jena, 1869—1872), популярно изложенное, и „Results of a scientific Mission to India and high Asia“ (девять томов полного отчета, изд. в 1861—66 г. в Лейпциге) заслуживают пристального внимания. Указанными путешественниками был до известной степени обследован Западный Тибет. В то же приблизительно время замечательный естествоиспытатель (ботаник) и путешественник *Джозеф Хукер* произвел обследование восточных Гималаев, в частности исследовал все перевалы, ведущие из Сиккима в долину Чумби и Тибет, и составил карту Сиккима. Два тома его „Himalayan Journals“ (1855) являются доныне настольной книгой каждого тибетоведа. Читатель найдет здесь массу рисунков, изображающих, между прочим, предметы тибетского обихода. (Главным продолжателем работ по тибетской ботанике явился русский ученый Максимович).

После Шлагинтвейтов в работе по изучению Тибета наступает тягостный перерыв. Лхасса делает ответственными за переход границы государства каждого старшину каждой пограничной деревни. Ответ головой заставил тех охранять пограничную линию с исключительной тщательностью. Это было время, когда даже человек с определенно монгольскими чертами лица—японец Кавагуци (о нем ниже)—был принят за англичанина. Это было время, когда началось русское исследовательское проникновение в Северный и Восточный Тибет — эпоха Пржевальского.

До 1904 г. Южный Тибет остается вне сферы европейских изысканий. Однако пробел заполняется благодаря в высокой степени изобретательному уму англичанина Монгомери, стоявшего во главе англо-индийского топографического бюро. Остроумная и чрезвычайно плодотворная мысль Монгомери заключалась в том, чтобы воспользоваться для съемок и сбора сведений о территории к северу от Гималаев образованными туземцами, так называемыми „пандитами“. Специально обученные, в частности топографическому искусству, шпионы, не возбуждавшие по облику никаких подозрений, были засекречены и вступили на государственную службу. Немногие из них заслужили славу собственному имени, большинство из них осталось (и остается) в полной неизвестности, несмотря на блестящие достижения, научную их значимость и исключительную плодотворность работ. Нет сомнения, что без напряженной в течение длительного времени деятельности пандитов осуществление военной экспедиции 1904 г. Ионгхэзбенда встретило бы едва ли преодолимые затруднения.

Работа пандитов полна своеобразной романтики, героизма и изобретательности; свое художественное воплощение она до некоторой степени нашла в известной повести Кипплинга „Ким“. Отправляясь „на работу“, т. е. в путешествие, пандиты получали соответственное снаряжение и деньги, прочный деревянный ящик с секретным отделением для хранения топографических инстру-

ментов, так называемое „молитвенное колесо“—обычную принадлежность тибетцев—с полосками чистой бумаги взамен молитвенных лент для занесения наблюдений и компасных засечек, а также чётки со ста шариками, вместо обычных ста восьми, для счета шагов: один шарик был принят за сто шагов.

Первый из отправившихся агентов был известен под литерой „А“. Ему было поручено заснять дорогу от Гартока до самой Лхассы. Примыкая то к одному, то к другому каравану, он день и ночь считал свои шаги, производя при свете звезд астрономические наблюдения над широтой. Он прибыл в Лхассу после свыше трехмесячного путешествия в 1866 г. Им были выполнены метеорологические наблюдения, определена широта Лхассы и возвышение ее над уровнем моря, описаны все религиозные церемонии, происходившие при нем в тибетской столице, и прием у далай-ламы, на котором он присутствовал. Этот человек впоследствии совершил еще целый ряд замечательных путешествий; в 1856—57 гг. он сопровождал экспедицию братьев Шлагинтвейт. Его имя—*Наин Синг*.

В 1866 г. работает на тибетском направлении пандит „В“, в 1867 г.— снова Наин Синг и „В“, а также новый агент „С“, в 1868 г.— „В“ и „С“. В 1868 г. выделяется своей работой юноша пандит, полутибетец „Д“, или „АК“, или „Кришна“, он же *Кисен Синг*, быстро становящийся способным, внимательным исследователем и незаурядным путешественником. Он работает и в следующем году (1869). В 1872—73 гг. „Д“ отправляется в путешествие с четырьмя агентами-помощниками. Разбойники захватывают весь багаж экспедиции, кроме инструментов, что заставляет ее вернуться после года работы на совершенно неизвестной территории. В 1873—75 гг. „Д“, только-что вернувшийся из экспедиции в Яркенд Дугласа Форсайза, снова отправляется по тибетскому направлению, достигает Лхассы, где проводит два дня. Он проходит 1829 км по неисследованному пути, открывает озерную систему, в 497

пунктах измеряет высоту посредством кипячения воды и в 276 пунктах производит наблюдения над широтой.

Этому замечательному путешествию трудно подыскать равное и среди путешествий европейцев. Этот исключительных способностей и энергии пандит ни на одно мгновение не терял из виду поставленной ему задачи; ограбленный и покинутый изменившим слугой, среди невероятных лишений, он стал подёнщиком, лишь бы обеспечить успешный ход своего исследования. Между прочим, он разрешил вопрос, является ли р. Брамапутра продолжением р. Цзан-по.

В 1875 г. работал на тибетском направлении „L“. В 1878—82 гг. „Д“, под видом купца, вновь проникает в Лхассу, но целью его является озеро Лобнор. Отбившись от разбойничьей шайки в двести человек, он попадает слугой к богатому тибетцу, потом к богатому монголу; слуга же самого „Д“ бросил его, бежав с лошадьми и деньгами. „Д“ достигает Шачжоу—исходный пункт Пржевальского и конечный—Сечени. Он проходит по неисследованной местности 4572 км.

Известный путешественник и лучший знаток тибетского языка и литературы, американец Рокхиль, по поводу этого пандита говорит: „Если бы англичанин-исследователь сделал треть того, что сделал Кришна (как раньше—Наин Синг и позже—Дас), то на его долю выпал бы дождь медалей, орденов, выгодных должностей и ученых степеней; напротив, все, что ожидало этих туземных исследователей—небольшая денежная награда и забвение“. (О четырехлетнем путешествии Наинг Синга общие сведения даны у Гольдич-Report of the explorations in Sikkim, Bhutan and Tibet from 1856 to 1886“. Dehra Dun. 1889. См. также „Tibet, the mysterious“ его же. 1906 г. в „Story of Exploration“).

Сарат Чандра Дас, о котором так отзывался Рокхиль, начинает свою работу в 1879 г., производя съемки тибетского направления и собирая ряд исторических и религиозных материалов. В 1881 г. этот пандит продолжает работу, путешествуя переодетым. В 1882 г. он проводит в Лхассе две недели. Им обследуются две

основные провинции собственно Тибета — Цзан и Уй. Дневники его полны известиями социально-политического характера. Его деятельность такова, что наука не смогла рассматривать его профессиональным агентом Англии. Бенгалец по происхождению, санскритолог, получивший техническое образование, Дас первым проник в Лхассу под видом тибетца. Пройдя курс съемки под руководством Наинг Синга, он смог досконально обследовать тибетскую столицу, хотя что-нибудь новое в топографическом смысле ему обнаружить и не пришлось. На основании его работ составлена была новая карта Центрального Тибета (Гольдич, впрочем, отрицает значимость Даса как географа). На русском языке имеется книга Даса „Путешествие в Тибет“, изданная в 1904 г. под редакцией Котвича с его весьма поучительным предисловием, а также примечаниями Рокхила, придающим тексту большую ценность. (Отзыв Ольденбурга см. в „Ж. М. Нар. Просв.“ 1904 г.) Когда через год после возвращения Даса в Индию раскрылось, что он был в Лхассе, — первый министр в Тибете был публично наказан палками и умерщвлен, тело его было брошено в реку, родня пожизненно заточена, имущество и имения конфискованы, а „перерождения“ далай-ламой навеки уничтожены.

В 1883 г. „И. Д.“ или *Уджэн Гэяц’о*, бывший спутник Даса, лама-пандит, стал в первую шеренгу исследователей Тибета; он сумел, между прочим, произвести съемку Лхассы под прикрытием зонтика²¹. В 1886—87 гг. „К. Р.“ или *Кюнтоп* также был в Лхассе, претерпев много лишений благодаря измене слуги. Он был продан в рабство и спасся бегством. Перенеся чудовищные трудности, находясь среди наиболее дикого населения, он сумел бросить в р. Цзан-по пятьсот штук деревянных брусков, чтобы выяснить связь речной системы Цзан-по с речной системой Брамипутры (имеется сведение, что два бруска впоследствии были найдены в последней; однако на Брамипутре брусков никто не караулил: назначенное для этого лицо отмо-

розило ноги в снегах Канчендзонга). Пандиты сопровождали все английские экспедиции и в Северный Тибет (Боуэр, Уэльби) и в Туркестан (Дэзи); они же производили съемки во время большой военной экспедиции Ионгхэзбенда в 1904 г.

После 1883 г. подробности о работах пандитов неизвестны, но несомненно, что все позднейшие англо-индийские карты Тибета основаны на их съемках. Мы уверены, что вся система работы при помощи подобных незаменимых сотрудников осталась в целом неизменной и до текущих дней.

Расставаясь с описанием деятельности и научных успехов пандитов, отметим, что Наин Синг, например, прошел 3810 км, считая каждый свой шаг! Какая разница с *Сэвэджем Лэндором*, английским журналистом! Он в 1897 г. отправился в путешествие, плодом которого явилось в 1898 г. сочинение „In the forbidden Land“, изданное в Лондоне, сочинение, могущее породить самое превратное представление о Тибете. *Уоддель* (1892), начавший работать еще в начале 80-х гг., безуспешно пытается проникнуть в Лхассу; в 1904 г. он сопровождает туда Ионгхэзбенда; в итоге он выпускает книгу, имеющуюся в русском переводе („Лхасса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903—1904 гг.“ СПб., 1906; перевод с некоторыми сокращениями сделан, очевидно, с 3-го английского издания). Как бы ни относиться к этой работе²², нужно признать, что она написана весьма увлекательно и что ее иллюстрации весьма интересны; им дополнен план Лхассы Лэндона, он же впервые дал снимок службы в тибетском монастыре. (Кюннер полагает, что Уоддель к экспедиции 1904 г. был вполне подготовлен).

Японец *Кавагуци* (1901—1902) был в Лхассе, провел год в монастыре Сера послушником, но вынужден был бежать во избежание поимки в качестве шпиона; многие из друзей его по монастырю — тибетцы — были ослеплены и заточены. Как путешественник, Кавагуци не внушает доверия; книга его — „Three Years in Tibet“

(1909 г.)—указывается, впрочем, как источник Британской энциклопедией. *Роулинг, Харгривс* (1903) проникли до запада Тибета, дав важные сведения об опреснении тибетских соленых озер. В это же время *Фрешфильд* по ходу своих работ переходит внутрь Тибета; его известная альпинистическая книга относится к 1903 г. (Кто знает, может быть именно альпинистам суждено в горах Куэнь-луня или к востоку от Эвереста найти вершину, превышающую высотой этот мировой гигант²³).

Данный период вообще ярок сочинениями: Гренара (лучшая работа этого времени)²⁴, Вегенера (компилятивная работа), Сандберга (работа, написанная по источникам, но заключающая интересный обзор английских путешествий: „The Exploration of Tibet“ etc. 1906 г.), Лэндона (у него можно найти, кстати сказать, указание, что разговоры о золотых крышах лхасского дворца преувеличены: одна из крыш, может быть, и действительно золотая, но все другие сделаны из золоченой меди)²⁵ и выше отмечавшегося Уодделя. 2-ое изд. сочинения Лэндона „Lhasa. The Tibet Expedition 1903 — 1904“ вышло в свет в 1906 г.

Ионгхэзбенд, Уоддель, Райдер, Уд (1904 — 1905) — экспедиция военная, имевшая научные результаты²⁶, но заслужившая печальную известность не только благодаря своему политическому существу, но и по причине воровства и убийств, допущенных английским командованием. Этой экспедиции, как-будто в насмешку над ее собственной деятельностью (военно-политической стороной ее), суждено было твердо установить, что южный Тибет, в отличие от северного, представляет цветущую страну с массой селений, с населением приветливым и гостеприимным. Ионгхэзбенд публикует свои впечатления в книге „India and Tibet“ в 1910 г. Снова путешествует пресловутый *Сэвэдж Лэндор* (1904); о его сочинении „Tibet and Nepal“ (London, 1905) дает нелестную оценку Ольденбург; книга содержит описание многих невероятных приключений и опаснейших положений, заключающая мало достоверного материала. *Граф де Лэдян*,

(1905) путешествовал с женой. Американцы *Баррет*; *Хунтингтон* (1905) производили геологические и археологические изыскания. Затем работали *Брюс*, *Лэйярд* (1905); *Свен Гедин* (1905) — третье его путешествие, в котором он пользовался проводником - тибетцем; *Лонгстафф* (1905); *Фицджеральд*, *Фразер* (1906); *Тафель* (1906), выпускающий в свет в 1914 г. двухтомное сочинение „*Meine Tibetreise*“; *Цугмайер* (1906); *Шерринг* (1906), издающий в том же году „*Western Tibet and the British Borderland*“; *Кальверт* (1906). В 1905—1906 гг. юго-запад Тибета был обследован несколькими англичанами — должностными лицами.

„Тибетская миссия“ возобновила прерванную в 1768 г. работу с середины 40-х гг. XIX в. в реорганизованном виде в Тибете Восточном. Штаб миссии находился сначала в г. Да-цзянь-лу, потом в Бонго. Это — эпоха деятельности зобатов Рену и Дегодина (последний в 1861—1878 гг.) *Рену* (1847) работает переодетым китайцем, но задерживается. *Крик* (1851—52) известен непродолжительным пребыванием на пограничной тибетской территории; впоследствии он также был вынужден для исследований вырядиться в китайца-торговца (1852—53). *Рену* (1854) вновь путешествует под видом сельского хозяина. 1846 и 1854 гг. известны как несчастные годы этой миссии; попытки миссионеров проникнуть в Тибет (1855—58) оказались неудачными. *Томин*, *Дюран*, *Дегодин* (1861) прошли по маршруту Рену 1847 года. В 1864 г. французское правительство отказало миссионерам в поддержке в пределах Тибета; в это же время миссия была разгромлена, строения ее сожжены, а все новообращенные были жестоко наказаны. Раненный *Дюран*, как сказано выше, утонул. Новый штаб миссии открылся к югу от Бонга, в Цзекоу (правый берег реки Мэконга, Юнь-ань). Этой миссии удалось обосноваться вполне прочно; прочие же станции (Еркало, Батан, Да-цзянь-лу, Атуньцзы, Педон) постоянно бывали разрушаемы, и миссионеры спасались оттуда бегством, хотя, например, в Еркало (1895) и в Батан (1897) они

впоследствии и возвращались. 1895 и 1901 гг. также характеризуются большими разрушениями миссий, но миссионеры своей работы все же не прекращали: *Арман Давид* (1871), лютеранский ²⁷ миссионер *Камерон* (1877—78), некоторые другие (католические) миссионеры доходили до Сум-пань-тина (1896).

В наши дни есть намёк на то, что мы вступаем в период, когда деятельность миссионеров снова начнет встречать сильную поддержку со стороны правительств западно-европейских государств; последние учли значение, которое миссионеры могут иметь в деле закрепления старых колоний или проникновения в новые ²⁸.

Из европейских путешественников обследовали Восточный Тибет: *Купер* (1868), *Джилль* (1877), *Кольборн Бабер* (1877—78). Сочинение Купера „*Travels of a Pioneer of Commerce*“ вышло в свет в 1871 г., а Джилля „*Rivez of Golden Sands*“—в 1880. Бабер дал, между прочим, описание сы-чуаньских Лоло. В 1907 г. страну Лоло—Да-лян посетил д'Оллон. Уоддель говорит, что, не углубляясь в область, там путешествовал *Нидхем* (1894). Козлов ²⁹ писал о них в 1920 году: „В самом центре провинции Сычуань находится совсем неисследованная область в 70 миль шириной и в 120 миль длиной (т. е. 107 км × 183 км. Э.Б.), до сих пор еще сохранившая свою самостоятельность и дикую прелесть. Это и есть уголок, принадлежащий Лоло. Об этой стране имеются лишь очень скудные сведения: мы знаем, что величественный хребет пересекает всю область с севера на юг, разбивая ее на две почти совершенно равные части; известно также, что на западе ближайшими пограничными китайскими городами являются: Хуили-чоу, Нингуен-ду, Личоу, Локу, Миеншань и Юехи-си; на севере—ближайший город—Опиен-тинг, на востоке—Мапиен-тинг и Луипо и наконец на юге граница проходит по р. Янцзы-цзяну. Племя Носу, или люди черной крови, или попросту „Лоло“, как их называют китайцы, представляют независимый воинственный народ, предки которого вышли из Юнани и сыграли, кажется, немало-

важную роль в исторических судьбах Китая. Впоследствии китайцы выделили лолосцев из своей среды и оттеснили их в отдельную область, где они пребывают и до сих пор, являясь болезненной раной в живом организме Китая. В своем стремлении покорить лолосцев китайцы пока еще не достигли ни малейших результатов. О религии Лоло сведения крайне скудны: некоторые из них поклоняются солнцу, другие—вековым деревьям, иные же боготворят белоснежные вершины гор, прозрачные ледники, быстрые потоки и духов природы... В этой земледельческой стране жертвой вероломства погиб английский путешественник *Брук*, направлявшийся через Сычуань в Индию. Брук до конца стоял во главе своего маленького отряда, защищаясь до последней возможности...“ Уоддель причисляет Лоло к аборам и рассказывает о них, как о людоедах.

Венгерец *граф Сечени, Лоци, Крейтнер* (1877) хотели проникнуть в Лхассу, но не смогли. О работах Сечени в Будапеште в 1900 г. вышла книга *граф Геза Куэн „Ismeretlink Tibetral“*, т. е. „Что мы знаем о Тибете“; сочинение Крейтнера „Im fernen Osten“ по изложению доступно и не специалистам. Англичанин *Хози* (1881—84) совершает трехлетнее путешествие. *Потанин, Березовский, Скасси* доходят до Лун-ань-фу (район Сум-пань-тина, внимание на котором мы останавливали выше). Затем путешествуют: *Ростгорн* (1891); *Потанин* (1893); *Березовский* (1893—94), вторично посещающий Сум-пань-тин; *Прат* (1889—90); *Бишоп* (1889—90)—женщина; *Литтль* (1892) с женой; *Бонин* (1895—96); *принц Генрих Орлеанский* (1895), доказавший, что р. Брамапутра не является продолжением р. Цзан-по. *Миссионеры* (1896) доходят до Сум-пань-тина: *Литтон* (1897)—тоже. Длительное время работают: *Амундсен* (1898—99), публикующий в 1906 г. „In the Land of the Lamas“. *Манифельд, Райдер, Дэвис* (1898—1900), *Агенты фирмы Моргана*, геологи-инженеры посещают Сум-пань-тин. Путешествуют: *Гакман* (1902—03), выпустивший в 1904 г. превосходно иллюстрированное

сочинение „An den Grenzen von China und Tibet“; *Грильбер* (1903), не успевший вследствие смерти обработать свои интересные записи; он был первым, если не единственным, путешественником, отметившим, что в некоторых посещенных им пунктах Восточного Тибета среди тибетцев, живущих в ужасающей грязи и дошедших лишь до той стадии культуры, где орудием обмена являются старые военные пуговицы, растут молодые девушки замечательной красоты; *Геншов* (1903 — 04); *Никольс* (1904); *Хози* (1904).

Во главе европейских исследователей Северного Тибета стоит *Пржевальский*. Он не смог попасть в Лхассу и достигнуть таким образом заветной цели. Его описания путешествий, скромно называвшиеся им „научными рекогносцировками“, по богатству сведений и по блестящему изложению являются образцовыми; естественно-исторические и географические факты даны им в легко усвояемом увлекательном изложении. Из 31561 км его четырех путешествий лишь небольшая часть падает на Тибет (Цайдан, Куку-нор и северо-восток Тибета).

I путешествие „Монгольское“ (1870—1873) — 11735 км, когда Пржевальский не дошел 853 км до Лхассы вследствие истощения вьючных животных и недостатка съестных припасов (см. „Монголия и страна тангутов“. СПб, 1875). II путешествие „Куку-норское“ (1876—1878) — 4246 км, в котором он лишь коснулся северной границы тибетского нагорья, открыв науке озеро Лоб-нор (см. „От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор“. „Изв. РГО“, 1877). III путешествие „Тибетское“ (1879—1880) совершено Пржевальским вместе с Роборовским; в сущности, это — первое тибетское путешествие нашего соотечественника. Он не был пропущен в Лхассу: китайцы сваливали причину на лхасских лам, Лхасса — на китайское правительство; сам Пржевальский считал, что его не пропустили в Лхассу (оставалось пройти 250 км) вследствие недоброжелательства Китая (см. „Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки“, СПб, 1883). IV путешествие

(1883—1885) совершенно Пржевальским опять-таки вместе с Роборовским; участвует также Козлов. (См. „От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима“. СПб, 1888). Во время сборов в V путешествии, целью которого была Лхасса, великий путешественник скончался ^{29-а} (30 октября ст. ст. 1888 г.) в г. Караколь, переименованном в Пржевальск, где поставлен памятник; другой памятник находится в Ленинграде.

Знаток Тибета американец Рокхиль обвиняет Пржевальского в недостаточности этнографических наблюдений, некоторой неточности в описаниях, неправильной этимологии местных названий и ошибочном вычислении географического положения некоторых пунктов. О возникновении научного спора Рокхилья с Пржевальским выше было нами отмечено. Можно с уверенностью сказать, что все действительно имевшие место сравнительно незначительные и маловажные ошибки Пржевальского были неизбежны, и имя величайшего нашего путешественника остается сверкающим среди блистающих имен путешественников-европейцев. (Популярное описание жизни и путешествий Пржевальского имеется в двух томах, сост. Зелениным; изд. Сойкина, 1900).

За Пржевальским в хронологическом порядке следуют: *Потанин* (1884—86, III путешествие ^{29-б}; см. *Роч. „Тангутско-тибетская окраина Китая“*), *Кэри*, *Дальгейш* (1884. См. „Сб. мат. по Азии“. 1884, вып. 30), *Певцов*, *Роборовский*, *Козлов* (1889—90); Певцов, автор „Очерков путешествия по Чжунгарии“, вышедших в 1883 г., явился естественным заместителем Пржевальского, скончавшегося перед своим намечавшимся V путешествием (в Лхассу). Результатом этой так называемой „Тибетской экспедиции“ явилось обследование северных проходов в Тибет (см. „Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг.“, СПб., ч. I изд. 1895 г., ч. II изд. 1892 г., ч. III изд. 1896 г.) *Братья Грум-Гржимайло* (1889—90); см. „Описание путешествия в Зап. Китай“ в двух томах. *Громбчевский* (1890);

Обручев (1893—94), хотя и не работавший в самом Тибете, но изучивший горные цепи, составляющие одно целое с тибетским нагорьем³⁰. *Роборовский* (1893—95), см. „Труды экспедиции ИРГО по Ц. Азии“ в 3 частях; *Козлов, Казнаков, Ладыгин, Бадмажанов* (1899—01)—см. многотомное издание 1905—1908 гг. СПб.—„Монголия и Кам“. Следующее путешествие Козлова относится к 1907—1909 гг. Во время второй экспедиции были исследованы развалины небольшого городка Хара-Хото (у низовьев р. Эцзин-гол, в южной части Монголии, прилегающей к китайской провинции Гань-су), при чем среди памятников письменности были найдены и тибетские. Все эти путешествия затронули сравнительно ничтожную часть Тибета, его северо-восточный угол и окраинную горную стену Куэнь-луня, но возбудили сильное соревнование среди европейских путешественников, которые шесть раз прорезали Тибет по ширине или длине (за исключением южной и юго-восточной окраинных полос). *Бонвало, принц Генрих Орлеанский, Ван дер Декен* (1889—90) совершили путешествие, которое произвело во Франции весьма сильное впечатление, тем более, что честь впервые прорезать Тибет с севера на юг выпала на долю французов. Бонвало был известен нам уже своим путешествием по Персии и Памирам („En Asie Centrale“, 1888). Следует отметить, что путешествие 1889—90 гг., произведенное с поспешностью, дало мало добавлений к карте Тибета; см. „Неведомая Азия“—Ташкент, 1897 г.—перевод труда Бонвало, появившегося на французском языке в 1892 г. *Боуэр, Торольд* (1891)—англичане—первыми прорезают Тибет с запада на восток. Боуэр уже до того приобрел громкую известность находкой древнейшей буддийской рукописи на санскритском языке, чем была создана целая эпоха в истории изучения древней цивилизации Восточного Туркестана; см. „Diary of a Journey across Tibet“, Калькутта, 1893. *Рокхиль* (1891—92) прошел приблизительно по пандитскому маршруту 1882 г.; до того, в 1888—89 г., он уже побывал на северо-востоке Тибета. Еще будучи аме́ри-

канским посланником в Пекине, Рокхиль основательно изучил китайский и тибетский языки; он, между прочим, доказал, что старые китайские карты основаны на действительных съемках. („The Land of the Lamas“, New-York, 1891; „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“, Washington, 1894. Некролог см. в „Journ. K. As. Soc.“ 1915; там же—перечень трудов. Первое сочинение „В страну лам“, см. в журн. „Мир Божий“, 1901 г.). *Анни Тэйлор* (1892). *Граф де Ледян* (1905). *Свен Гедин* (1906—07). *Дютрейль де Рэнс*, *Гренар* (1891—94) прошли 8700 км, из них 4000 км по неисследованной местности, привезя тысячу фотографических снимков и ряд коллекций. (См. соч. „Mission Scientifique dans la haute Asie 1890—1895“. Paris, 1897—98; второй том. (Перу де Рэнса до того принадлежала фундаментальная работа „L'Asie Centrale“, 1889 г., с атласом в 14 таблиц; сочинение это заключает колоссальный библиографический перечень материалов). *Литтльдэль* с женой (1895) шел по пути Марко Поло и не дошел до Лхассы лишь 73 км; им открыт древний путь караванов с шелком из Китая к Лоб-нору; болезнь жены, недостаток продовольствия, возраставшее сопротивление тибетцев продвижению путешественника к столице заставили его повернуть. (См. „Сб. мат. по Азии“, вып. 69. Извлечение из ст. Литтльделя, сделанное Ванновским). *Вельби*, *Малькольм* (1896) пересекли Тибет по его наибольшей длине, в пределах неизвестной территории („Through unknown Tibet“, 1898). *Дизи*, *Пике* (1896—99); см. „In Tibet and Chinese Turkestan“, Лондон, 1901. *Риинхарт* с женой (1898) — о нем сказано выше.

Свен Гедин (1893—97) в первом путешествии своем коснулся северной окраины Тибета, открыл двадцать три озера, о существовании которых не знали и китайские карты. *Футтерер*, *Гольдерер* (1898) произвели съемки и этнологические наблюдения; см. „Durch Asien“ (tc. Berlin, 1901—03. *Свен Гедин* (1899—01) в своем втором путешествии, продолжавшемся двадцать восемь месяцев, посвятил тринадцать Тибету, изучая его глусо-

кой осенью и зимой; целью его была Лхасса, в которую он хотел пробраться переодетым, под видом монаха-паломника; но Лхасса уже знала о нем: его план сорвался приблизительно в 60 км от нее. Путешествие это популярно изложено в „Central Asia and Tibet“ etc., Лондон, 1903 г., два тома; до того, в 1898 г., Свен Гедин издал „Through Asia“, два тома, а впоследствии, в 1904 г. — „Adventures in Tibet“, один том, в 1913 г. — „Trans-Himalaya“, три тома, и наконец „Southern Tibet“ (1916—22). Он издавался по-русски: см. „В сердце Азии“ etc., СПб., 1899. II путешествие совершено Свен Гедином в сопровождении четырех казаков, из коих двое были буряты; эти-то казаки и обеспечили успех путешествия, что отмечено самим путешественником; к чести его следует добавить, что он неизменно отмечал то значение, которое имели в его путешествиях туземцы, т. е. поступал обратно правилу, принятому некоторыми другими путешественниками. Американец *Кросби* и француз *Анжисьер* (1903) прошли небольшой уголок северо-западного Тибета (Ольденбург отозвался о небольшом сочинении последнего неодобрительно). *Йонг* (1912) посетил запад Тибета („Journ. of the Panjab Hist. Soc.“, VII).

Конец 90-х гг. XIX в. и начало XX в. ознаменовались рядом поездок *паломников-буддистов* из нашей страны; существует бурятская записка *Заяева* (1741) и калмыцкая записка *Газабакши-Мөнкөджуева* (1891—1894)^{30-а}. Исключительно же важное значение приобрело путешествие буряты *Цыбикова* (1899—1902), привезшего ряд превосходных фотографий и ценное собрание тибетских книг; его сочинение „Буддист-паломник у святынь Тибета“, изданное в Петрограде в 1918 г. Русским Географическим Обществом, заслужило по справедливости весьма высокую оценку; сам Цыбиков получил премию имени Пржевальского. „О Центральном Тибете“ Цыбикова напечатано „Изв. ИРГО“, XXXIX. Калмык *Норзунов* известен тем, между прочим, что им сделана первая в мире опубликованная фотография Лхассы.

Баварец *Фильхнер* с женой и *Тафель* (1903) имели целью выше отмечавшийся нами Сум-пань-тин, наименее исследованную часть Ц. Азии, с населением, известным своим крайне враждебным отношением к иностранцам, — голыками (отметка Кюнера); многочисленные шайки разбойников не раз преграждали путь исследователям; им пришлось переодеваться и даже выдерживать погоню. В сочинении „Quer durch Ost-Tibet“, вышедшем в Берлине в 1925 г. (2 карты, 24 иллюстрации) Фильхнер, говоря, что целью его путешествия был Сум-пань-тин, добавляет: „достижение его казалось нам всем чудом“³¹. Гор. Мюнхен выбил в 1928 г. золотую медаль с изображением путешественника в честь его последней экспедиции (1927 г.)

Из ориентировочно приведенной хроники путешествий в Тибет с очевидностью вытекает тот вывод, что мы, русские, не заняли в них того места, которое нам подобает по праву соседствующей страны, и приходится признать, что упрек в этом смысле, сделанный нам покойным Ануциным³², — упрек заслуженный.

Мы уже перечислили ряд наших соотечественников — Пржевальского, Потанина, Певцова, Грум-Гржимайло, Громбчевского, Роборовского, Обручева, Березовского, Цыбикова, Козлова и др., имена которых находятся в связи с исследованиями Тибета и записаны в картографии, географии, естественной истории, геологии, этнографии, археологии, истории религий и фольклора золотыми буквами. Но есть путешественники, труды которых еще не увидели света. Среди них труды наших исследователей займут принадлежащее им по праву место. Однако мы не должны терять драгоценное время и откладывать дальнейшее изучение Ц. Азии в большом масштабе. Можем напомнить о нашей разведочной туркестанской экспедиции, снаряженной Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии под начальством Ольденбурга³³ (1909 — 10), экспедиции, которая вынуждена была во многих местах вести работу по следам английских и немецкой

экспедиций; последние уже сняли, увезли или разломали все лучше других сохранившиеся древности, по каковой причине наша экспедиция дала значительно менее богатые результаты, чем экспедиции иностранные. Грюнведель (1905—08) и Хут вывезли в два приема сто семьдесят девять ящиков древностей³⁴, Лекок³⁵ (1905—06) — еще сто ящиков; дважды работал Штейн³³ (1900 и 1906—07), уже в первую экспедицию вывезший двенадцать ящиков.

Между тем пути и цели были показаны русскими: киргизом Валихановым (80-ые гг.), ботаником Регелем (1879), Пржевальским (1883—84, по поводу сведений которого Радлов и особенно Минаев указали на данный район как на обещающий большие археологические открытия), Певцовым и братьями Грум-Гржимайло (1889—90), Петровским (1891, 1893) и наконец Клеменцем, которому Академией Наук было отпущено 1500 руб. и Русским Географическим Обществом 600 руб., благодаря чему Клеменц³⁶ должен был ограничиться обследованиями в одном Турфане, посвятив им всего лишь шесть недель. Клеменц впоследствии долго, но совершенно напрасно хлопотал о снаряжении другой экспедиции в ту же местность с большими средствами³⁷. Мы часто опаздываем. Напомним, впрочем, что, например, географическое описание Китая в целом на русском языке появилось уже в 1888 г., а на французском — только в 1905 г. (труд Л. Ришара).

В стремлении обследовать и изучить Тибет наука преследовала свои, научные цели, в стремлении же Британии овладеть Тибетом лежали цели политические и экономические. Официально, а может быть и по существу, как увидим ниже, политическая цель у англичан превалировала над другими соображениями. Однако в последние годы раздаются все настойчивее и настойчивее голоса³⁸, указывающие на то, что внимание англичан в Тибете привлекает золото.

Уже Рокхиль, Уоддель, О'Коннор в один голос повторяли о неисчислимых богатствах этой страны,

в которой золото — главнейший минерал. Древняя легенда Геродота ³⁹ о муравьях-золотоискателях оказалась правдивой. О тибетском золоте знал Птоломей, так как реки, стекающие с тибетского нагорья, несли песок с примесью золота в пределы Индии, Бирмы и Китая, откуда сведения о нем проникали далее. „Тот, кому оно нужно, должен только пошарить на земле и взять его сколько хочет, спрятав обратно остальное ⁴⁰“.

Тибетцы долгое время думали, что если сохранять золото в виде казны, то бог отнимет у них то, которое лежит в земле. Может быть отголоском этого верования является их сравнительная пассивность в использовании своего богатства. В ряде местностей, как отмечается исследователями, существует также предубеждение против захвата самородков: их не трогают. Общеизвестное суеверие тибетцев считает самородки растениями или корнями, а золотой песок — их семенами или цветами. Ламы учат, что снятие с земли самородков причиняет вред животворящим жидкостям ее. Залежи золота (и серебра) встречаются во многих местностях Восточного Тибета, в бассейнах верхних течений Ян-цзы, Меконга (сюда поднималась американская экспедиция в 1927 г.) и Сальвина, где эти залежи несомненно разрабатываются, на что указывают самые названия местностей, — например, Сэр-к'а (к'а — отверстие, рудник, сэр — золото).

В соседствующих с Восточным Тибетом китайских провинциях Сы-чуани и Юнь-ани горные богатства уже давно привлекали внимание капитала. В 1867—1968 гг., когда тибетское золото уже играло некоторую роль в экспорте в Индию, пандиты указали на многие золотые месторождения, подтвердив давние сообщения монаха Рубруквиса, посланца короля Людовика св. (маршрут его проходил вне Тибета), и Десидери. Данные позднейших пандитов, а также Кальверта (о Зап. Тибете), Роулинга (о Сев. Тибете), Футтерера (о зап. Куэнь-луне), Рихтгофена, Гакмана, Наин Синга, Байракатуллы (1927) выяснили более или менее,

какую роль занимает Тибет среди золотоносных областей.

Но, если можно признать, что места главных разрабатываемых россыпей известны, то лишь будущие исследования смогут установить размеры и относительное богатство золотоносных площадей и решить вопрос, в какой мере Тибет действительно оправдывает наименование „золотого дна“. Значительные золотоносные площади всегда являются результатом продолжительных процессов выветривания и размывания горных пород, благодаря чему металлические примеси освобождались и обогащали собою большие пространства. Этому условию Тибет удовлетворяет.

Добыча здесь производится путем промывки в ручных корытах или проветриванием на ветре; отыскивается золото от случая к случаю, так как признаки его нахождения неизвестны ни тибетцам, ни китайцам. Работают в рвах глубиною свыше 7,60 м, шириной в сто — двести шагов, длиною около 1,5 км. Золотоискатели живут в черных палатках, поставленных в выкопанных для защиты от ветров ямах; в своих дикого вида шубах, в сопровождении рослых, звероподобных собак они производят фантастическое впечатление. Указанная легенда о муравьях (вероятно, сурках) — золотоискателях (= ямокопателях) родилась здесь (Лассен „Indische Alterthumskunde“, I, 849). За разработкой наблюдают особые чиновники из Лхассы. При промывке не менее половины металла, конечно, теряется. Все золото добывается из аллювия, разработка же кварца в глубоких шахтах недоступна тибетцам по недостатку технических знаний.

Первое достоверное описание тибетских приемов золотопромышленности дано пандитом Наин Сингом. Можно счесть установленным, что тяжелые климатические условия, дальность расстояний и дешевизна рабочих — три постоянно действующие условия ее. Тибетец-золотоискатель никогда не обога-

щается (зарегистрирована добыча в одни руки в день на 20,6 коп.) Пандит видел в 1867 г. слиток в 700 *гр* весом, но общия добыча, например, приисков Т'ок Джалун и Т'ок Дауракпа оценивается в сумме не свыше 70 000 руб. в год. Золото экспортируется, как сказано выше, в Индию, а также в Китай (Шанхай) и далее за границу. Оно имеет вид полосок в 8—10 *см* длиной и 1 *см* толщиной. Путешественники часто меняют свое серебро на золото вследствие портативности последнего: так, например, Сечени груз серебра на трех мулах обменял на груз золота, который смог тащить слабосильный лошак.

Кюнер⁴¹ говорит: „Два каравана из Лхассы и К'ама, ежегодно посещающие Си-нин-фу, оставляют на рынке этого города приблизительно до тридцати пудов золота; кроме того, на рынки округов... поступает ежегодно до пятнадцати пудов золота от мелких золотопромышленников (эта цифра весьма гадательная)... В 1899 г. ламы... наткнулись... на золотые россыпи, собрав в два—три месяца около двух пудов золота без промывки, в крупных зернах, и найдя там же самородок в пятнадцать с половиною фунтов*. Богданович⁴², посетивший прииски Копа, говорит, что золотоносные пласты имеют свыше 80 *м*, а содержание золота в них равно 10 *гр* на 1 куб. *м*. Пржевальский и Михаэлис в горах Нянь-Шаня обнаружили приблизительно то же самое. У Кюнера⁴³ читаем: „Золотоносные местности имеются и в южном Тибете; наиболее известны прииски на юго-востоке от Ямдок ц'о, на север от Батана, близ истоков Субансири; лучшее же золото идет из приисков в нескольких днях пути на восток от Лхассы; незначительное количество золота вымывается из наносного песка Цзан-по. Богатые россыпи лежат далее на восток, в Литан, где золото встречается в виде самородков... В Восточном Тибете золото вымывается в руслах почти всех рек, идущих с тибетского нагорья⁴⁴; особенно обильна добыча золота из Дычу (верхний Цзинь-ша-цзянь), которая, повидимому,

заслуженно носит название Реки золотого песка; также и область другой реки—Цзиньчуань (Золотой Реки, Сер-к'а ч'у— по-тибетски)—содержит ряд золотых приисков*. Многие путешественники упоминают об огромном количестве заброшенных копей, из которых не добыто и четверти развороченной породы.

Принимая во внимание данные 1927 г.⁴⁵, можно нарисовать такую картину золотоносных площадей в Тибете. Обширные золотоносные участки в *Сатхол* и *Ток-Джалунг* на юго-западе Тибета (400—500 км от Симлы); особенно много металла на 32° восточной долготы. *Ток-Джалунг* лежит только на 25 м выше уровня моря, невдалеке от главного истока реки *Инда*. Пласты *Ток-Амар*, *Ток-Мармара* и *Ток-Дауракпа* лежат в 300 км к востоку от *Ток-Джалунга*, в озерном краю, в цепи холмов, к северу от 32° параллели. В 150 км к востоку от них находятся залежи *Сэр-к'а чу* („Золотая река“): они лежат поперек тракта, тянущегося с северо-запада и соединяющегося с дорогой *Лоб-нор—Лхасса*. К северу от этой золотоносной территории, между северными отрогами Куэньлуньского хребта, образующего водораздел между Китайским Туркестаном и Тибетом, лежит масса золотоносных площадей, из которых важнейшие: *Акка-Тог*— у р. *Джию-керма*, воды которой впадают в другую реку и затем в *Лоб-нор*; *Папа-копи*, расположенные между реками *Мист* и *Молджа*, теряющимися в бассейне *Тарима*; *Соргакские копи* — на реке *Ниа* того же бассейна. Две последние копи лежат невдалеке от дороги *Яркенд-Хотан-Лоб-нор*, где она встречается с другой, идущей на юг в *Лхассу*, и прочими путями Западного Китая.

Если принять во внимание другие полезные ископаемые Тибета: серебро⁴⁶, железо, буру, соль, ртуть, ляпис-лазурь, богатства егё (долина *Чумби*, расположенная близко к англо-индийским владениям) пихтой, серебристою елью и другим ценнейшим строевым лесом, если принять во внимание плодородие почвы Южного Тибета, где из зерновых злаков прекрасно произрастает ячмень и рожь, а из плодовых деревьев—

яблоки и абрикосы, где в озерах и реках—масса рыбы (промысел сушки рыбы развит повсеместно),—то станет ясным, что акция англичан возникла не из-за „нарушения договоров“, не из-за „набегов тибетцев“ и угнанных ими „непальских яков“ и проч., а по причинам политического (как ниже увидим) и экономического свойства. Акция англичан, еще в 1898—1900 гг. достигшая чудовищного размаха, только потому не закончилась в данный период захватом Тибета, что этому помешал происходивший в то время захват Судана и Южной Африки (англо-бурская война).

Байракатулла утверждает, что захват богатств Тибета—доминирующий фактор англо-тибетской политики, что в Лондоне, еще до вступления солдат Ионгхэзбенда в Лхассу в 1904 г., было учреждено не менее десяти золотопромышленных компаний для эксплуатации золотых приисков северо-западного Тибета. „Британская энциклопедия“ (изд. 1926 г.) с деланной наивностью, впрочем, отмечает, что „о минеральных богатствах Тибета по их эксплуатации судить невозможно“, но что „монета чеканится золотая, серебряная и медная“.

Кулисы английской политики вскрывают причины, по которым Тибет так упорно стремился все время сохранить себя в изоляции. Еще в 1774 (*Богль*) и в 1778 гг., по почину первого генерал-губернатора Индии Гастингса, направляются в Тибет две английские миссии для переговоров с таши-ламой в Шигацзе; в Лхассу они не проникают и больших результатов не дают. В 1814 г. Англия присваивает себе роль покровителя Сиккима и захватывает страну вместе с ее столицей Дарджилингом, в 1815 г. присоединяет Непал, в 1825 г.—Ассам, „уступленный“ Бирмой, в 1846 г.—мелкие гималайские владения между Ладаком и Непалом, Кашмир и Ладак; в 1850 г.—южная часть Сиккима присоединяется к Бенгальской провинции, при чем г. Дарджилинг связывается железной дорогой с англо-индийскими владениями; в 1860 г. Англия занимает северный Сикким и вслед за этим прокладывает в направлении Тибета ряд дорог,

В Лхассе и у ее сюзерена Китая возникает тревога, усиливающаяся вследствие присоединения Англией Бутана в 1864 г. и Верхней Бирмы в следующем году. Лхасса высылает к границе Сиккима свои отряды, которые последний, под предлогом вассальной зависимости от Тибета, не удаляет, несмотря на требования Англии. В 1888 г. последняя начинает военные действия, которые один из английских журналов того времени называет „охотой за фазанами“—экспедиция 1904 г. имеет, впрочем, такой же характер⁴⁹—и в итоге вынуждает в 1890 г. у китайского амбана в Лхассе заключение договора, по которому Китай „признает“ верховные права Англии над Сиккимом. В 1893 г. в г. Дарджилинге подписывается торговое „соглашение“ с Тибетом.

Весь период этот характеризуется чрезвычайно нервным состоянием английской дипломатии, это—тот период, в который английские вожделения приобрели свою внешнюю, ясно ощутимую форму. Англо-индийское правительство, в лице Керзона, жалуется (1899 г.) в Лондон на то, что „политика попала в какой-то заколдованный круг“, что „когда мы обращаемся к Тибету, то не получаем ответа или нас отсылают к китайскому резиденту, а когда мы обращаемся к последнему, он извиняется, заявляя, что не имеет права оказывать давления на Тибет“. Керзон требует от Лондона одного: развязать ему в отношении Лхассы руки, в связи с чем возникает вопрос об исключении из дипломатической игры самого существенного фактора—Китая, суверенные права которого над Тибетом Англией не оспариваются, хотя Англия хочет стать с Тибетом лицом к лицу. Но тут вступает на сцену третий фактор—русское правительство, у которого Тибет начинает искать поддержки и против Китая и, особенно, против Англии.

Англо-индийское правительство собиралось послать миссию в Лхассу, но проект этот не удался, и письмо далай-ламе было послано через агента его, прибывшего в Индию за покупкой слонсв. В 1901 г. государственный

секретарь по делам Индии получает из Симлы депешу, где говорится доподлинно следующее: „Возможно, что в скором времени придется предпринять шаги для обеспечения английских интересов на такой части границы, где они раньше никогда не подвергались опасности“. Слово „опасность“ начинает склоняться во всех падежах и на берегах Темзы: Лондон полагает под власть идей англо-индийского правительства. Если события не разворачиваются с достаточной быстротой, то этому мешают Ю. Африка и Китай—война с бурами и боксерское восстание.

Когда англичане переменили выжидательную политику в отношении Тибета на активную, они, конечно, выдвинули действия России как причину этой перемены; между тем все, что было известно об этих „действиях“, сводилось к тому, что монгольский бурят, буддист Хамбо-Агван-Доржиев, сибиряк по рождению, получивший с девятнадцатилетнего возраста образование в монастыре Брбун (6 км от Лхассы) и бывший при далай-ламе (в 1888 г.) в качестве цанид-хамбо, т. е. для упражнения его в богословских диспутах, оказался „неофициальным агентом“ С.-Петербурга в Лхассе (1898 г.) Доржиеву приписывались слова, что „Китай, подкошенный колосс, бросит Тибет как кость голодному злобному псу—Англии“ и что „против Англии у Тибета нет иного защитника, чем Россия“.

Еще путешественник принц Генрих Орлеанский дал далай-ламе совет искать помощи у России (1889—1902). Нет, конечно, никакого сомнения, что Тибет, ища выхода из тяжелого положения, сам обратил взоры—как он это делал не раз и впоследствии—в сторону могущественнейшего соседа. Самые аргументы, которыми оперировал Доржиев, исключают возможность какой бы то ни было интриги со стороны России. Он завлекал тибетцев, например, указанием на то, что царь „может принять буддийскую веру“, он заверял, что „все русские могут впоследствии стать преданными учениками его святейшества“. Однако царь предлагает представить просьбы

Тибета в письменном и официальном виде, отнесясь к Доржиеву весьма сдержанно и даже недоверчиво. Тибетский кабинет заявляет с своей стороны, что Тибету никакого покровительства не надо и что предложения Доржиева „ставят Тибет в неловкое положение“.

Далай-лама, бывший сторонником планов Доржиева, выждав год, отправил последнего к царю. В результате Доржиев, привезя в Лхассу в качестве подарка далай-ламе епископское облачение (по американским сведениям; по нашим сведениям — просто парчу, о которой просил сам далай-лама), стал снаряжать в Россию миссию, отправившуюся по личному повелению далай-ламы. Царь, передав в качестве подарка далай-ламе золотые часы с бриллиантами, обещал в весьма туманных выражениях помощь и покровительство России (30 сентября 1900 г.) 23 июня 1901 г. царь впервые принимает тибетских представителей как иностранную миссию, посылает далай-ламе традиционные подарки и письмо, в котором обещает Тибету помощь и выражает пожелания, чтобы между обеими странами были установлены прочные дружественные отношения. В конце 1901 г. миссия вернулась в Лхассу.

Английская пресса заговорила о „договоре“, о том, что один из великих князей предназначается в лхасские резиденты и т. п. Английское правительство заявило протест, дав газетам директиву трубить о росте влияния России в Азии.

В 1927 г., т. е. через четверть века, американский журнал „The Chinese Student's Monthly“⁴⁵ определенно указал, что только страх тибетцев перед англичанами заставил Лхассу искать в России союзника против Англии, политика которой стала к тому времени слишком уж заостренной. Это были годы, когда упомянутый нами выше пандит Сарат Чандра Дас проник под видом сиккимского монаха в Тибет, что повлекло за собой пограничный инцидент, в итоге которого тибетцы на границе с Сиккимом даже построили крепостцу.

„Английский метод политики пугал тибетцев“, — говорит Таракат Дас.

В 1902 г. китайский министр иностранных дел опроверг слухи о заключении между Китаем и Россией тайного соглашения, по которому будто бы Китай даже отказывался от своих прав на Тибет. Когда английские солдаты перешли в 1904 г. тибетскую границу, Китай заявил Англии, что боится, как бы действия англичан не были „превратно поняты“ тибетцами, а Россия, связанная по рукам войной с Японией, — что такой способ действия может легко вызвать повторение боксерских волнений. Дипломатические нити того времени плохо скрепляли расплывавшиеся швы соглашений, возникавших и лопавшихся как мыльные пузыри. Китай делал кислую мину, но в конце концов, раздраженный агрессивной политикой Англии, заключил с Россией торговый договор (1902 г.)

Согласно указанного американского источника, который однако не берет на себя ответственности за существование такого или ему подобного договора, параграфы его звучали в английских ушах так: „§ 1. Так как Тибет — страна, лежащая между Центр. Азией и Западн. Сибирью, то Россия и Китай взаимно обязаны заботиться о сохранении мира в этой стране. В случае возникновения в Тибете смуты Китай для охраны соответствующего округа, а Россия для защиты своих границ должны послать войска по взаимному оповещению. § 2. В том случае, если третья держава посетит прямо или косвенно смуту в Тибете, Россия и Китай обязуются принять совместные меры. § 3. Россия берет на себя реорганизацию тибетских военных сил по европейскому образцу... Китай с своей стороны заботится об улучшении экономического положения Тибета...“

Мы ничего не знаем о существовании этого договора. Но если бы даже он и существовал, то именно он мог бы показать совершенно ясно, что и Китай, и Россия, вполне точно осведомленные о намерениях Англии захватить Тибет, желали поставить этому

препятствие в виде своего соглашения, тем более, что фактически Китай не был в состоянии иметь какое-либо значение в деле развития экономики Тибета. Паркер в своей нашумевшей статье о тибетском вопросе, основанной на догадках и измышлениях, заявил, что русско-китайский банк должен был покрыть все расходы, связанные с вопросом о тибетских копиях, с уплатой 10% пошлины Китаю, чтобы русские могли беспошлинно ввозить техническое оборудование. Но повторяем, если подобный договор и существовал, то он благоприятствовал Китаю в его верховных правах в Тибете,—с этой точкой зрения согласны все объективные исследователи вопроса.

Англия захотела проверить силу русско-китайской точки зрения по тибетскому вопросу, полагая, что несостоятельность России выявится в неспособности ее защитить последнюю. Осуществление своего рискованного хода Англия отложила однако до заключения англо-японского союза. Последний был своим острием направлен и в сторону России, которую Англия боялась впустить в Корею, примирившись с тем, что некоторые части Манчжурии и Монголии все-таки попадали в сферу ее влияния.

В 1903 г. Керзон послал в Индию пространную депешу, в которой жаловался, что „тибетская политика упорной пассивности продолжает сводить к нулю политические и коммерческие взаимоотношения“, что „предстоит рассмотреть не улажение простого пограничного спора и даже не улучшение коммерческих отношений с Тибетом“, а вопрос политический, в какой-де мере можно позволять другой великой державе проявлять влияние в тибетских делах. Поскольку § 1 будто бы существующего русско-китайского „договора“ мотивирован между прочим тем, что Тибет — „страна, лежащая между Центр. Азией и Западн. Сибирью“, постольку Керзон оперирует следующими аргументами, заключенными в той же депеше: „Русская граница,—пишет он,—нигде не касается тибетской, ближайший пункт русской

территории отдален от Лхассы на расстоянии свыше 1 500 км, тогда как от индийской империи она расположена в тесной близости“. Только Китай, Непал и Англия имеют вообще сношения с Тибетом, — при чем же тут Россия?! — недоумевал Керзон в этой депеше и предлагал взять инициативу в политике с Лхассой в твердые английские руки. „Мы смотрим на так называемый суверенитет Китая над Тибетом, как на конституционную химеру, как на политическую позу“.

Керзон рекомендовал экспедицию, „снабженную вооруженным конвоем, способным внушить страх“. К своему предложению, из которого родилась интервенция Ионгхэзбенда в 1904 г., он присовокупил достаточно наглый совет: „можно было бы в то же время дать Китаю и Тибету, — пишет он, — торжественное заверение, что миссия эта имеет чисто коммерческий характер... что все намерения сводятся только к устранению эмбарго“ и т. д. Керзон в конце депеши угрожает кабинету, что в противном случае „опасность разразится в ближайшем будущем“ и что ее „надо пресечь в корне, прежде чем она разрослась“. Эта депеша, датированная 8 января 1903 г. — краеугольный камень дальнейшей политики Англии в отношении Тибета.

По мнению Англии выходило, что: 1. китайский суверенитет над Тибетом — химера, 2. Тибет рано или поздно придется захватить из-за Индии, 3. этот захват надо организовать до разрастания русского влияния. Против Тибета решено было использовать англо-индийскую провинцию Непал. Лондон, уже решившийся на интервенцию, старался обставить ее так, чтобы не сделать слишком уж большого международного шума.

27 февраля 1903 г. Лэндсдоун принимает в министерстве иностранных дел русского посла и „затрагивает“ тибетский вопрос, одновременно телеграфируя Керзону о представившемся случае „надавить на русское правительство с тем, чтобы оно ясно изложило свою политику“. Лэндсдоун грозит послу, что на каждое выступление

России Англия будет отвечать „соответственно“; впрочем, в секретных депешах того времени можно найти фразу: „Если русское правительство пошлет в Тибет миссию или экспедицию, то Англии придется сделать то же самое, только в бóльшем размере“⁴⁸. Больше всего она была раздражена тем, что Россия рассматривала Тибет как составную часть Китая. И вот Керзон „в непредвидении серьезного сопротивления“ отдает полковнику Ионгхэзбенду приказ выступить.

Эпически спокойным языком описывает один из авторов⁴⁷ эту экспедицию: „Подробности операции не существенны, — говорит он, — англичане вошли в Лхассу, убив по пути массу тибетцев. Превосходство англичан было доказано разграблением монастырей и храмов“. Корреспондент „Daily Chronicle“ писал: „Экспедиция грабила монастыри, и в течение многих недель тюки с награбленным добром прибывали через перевалы в Индию. Содержимое принесло много радостей женам и друзьям британских офицеров, дома которых приняли такой вид, какой они имели после разгрома Пекина во время боксерского восстания“. Местная же англо-индийская газета добавила: „В Англии создались целые синдикаты по разграблению богатств Тибета; однако до введения планомерного грабежа практиковалось хищение неофициальное; ныне тибетские редкости можно осмотреть в дарджилингских гостиницах“. Автор ехидно отмечал, что „англичане для грабежа пользуются специальной сноровкой“ и что „грабят они так ловко, что никто не решится назвать это своим настоящим именем“.

Участник экспедиции Уоддель, еще задолго, впрочем, до того, как стали о ней говорить, собственно-ручно скопировал тибетское пророчество такого содержания: „В год Деревянного Дракона... надвигаются грабители, является очень много врагов, большие беды от оружия и тому подобное...“ „Календарь, полный смешных и странных символов, — говорит Уоддель, — состоит из двенадцати зодиакальных зверей; каждый из них комбинируется с одной из пяти китайских

стихий, имеющих, как твердо верят тибетцы, в течение года могучее влияние на судьбу человека“⁴⁹. На этот раз пророчество сбылось⁶⁰.

Ионгхэзбенд стоял за полную аннексию Тибета, но дело до этого не дошло, хотя далай-ламу и довела эта экспедиция до того, что он с главными своими министрами бежал. 7 сентября 1904 г. Ионгхэзбенд подписал „соглашение“. § 6 сего замечательного документа говорит, что Тибет должен в течение семидесяти пяти лет выплатить 500 тыс. ф. ст., а до выплаты Англия, согласно § 7, занимает долину Чумби. Тибет же, согласно § 8, сносит все фортификационные сооружения, препятствующие сношениям с городами Гианцзе и Лхассой. По § 9 ни одна страна (читай: Россия) не имеет права ни быть допущенной в Тибет в лице своего представителя, ни получить концессии.

Даже англичане ахнули, когда ознакомились с текстом этого кабального документа. Пришлось сократить контрибуцию вдвое и заявить, что оккупация Чумби будет прекращена „после выплаты трех взносов и открытия рынков“. Ионгхэзбенд рвал и метал, указывая, что „упускается самый подходящий случай для превращения Тибета в буферное государство“. Наступит пора, — предрекал он, — когда правительство сообразит, что „совершает самоубийство“. Дипломатические перья, не менее острые, чем шпага Ионгхэзбенда, строчили тем временем: „Во всяком случае и при всяких обстоятельствах долину Чумби нужно сохранить за собой под предлогом аренды, например, или приняв ее в виде компенсации за расходы по экспедиции“. Некоторые английские ученые доказывали, что эта территория ни географически, ни исторически не составляет части Тибета, что она уже была завоевана однажды Англией (1888 г.) и покинута „вопреки здравому смыслу“.

Одним словом, долину Чумби, эти открытые ворота из равнины Индии на тибетское нагорье, надо было

захватить во что бы то ни стало⁵⁰. Малькольм восклицал в парламенте: „Китайский суверенитет в этих местах—предлог для смеха; нечего оглядываться на Россию, которая готова проглотить Западный Китай“ и т. д. Ионгхэзбэнд призывал на помощь само небо: „Неведомые силы,—говорил он,—не раз уж толкали англичан вперед помимо их воли. Они, видно, действовали и здесь: ведь ни правительство, ни народ Англии не имели желания проникать в Лхассу... Фактически англичан всегда тянет установить везде нужную гармонию (!), даже если момент требует применения для этого силы“. Розберри, не менее циничный, чем его собрат, нашел необходимым выставить аргументом действий своего правительства „престиж Англии“.

В палате лордов намекали, что обстановка зловеще напоминает 1878 г., когда Афганистан, подобно Тибету, пытался войти в соглашение с Россией. Кросби писал⁵¹, что завоевание Тибета „сослужит большую службу России, так как позволит ей завоевать Китайский Туркестан,—таков уж закон равновесия... Дипломатам не мешало бы постеречь и передние и задние двери большого дома“, т. е. Китая. Точку поставил Диллон, отчетливо объявив, что „договор Тибету навязан насильно“. § 9 его поставил Тибет под фактический протекторат Англии, хотя она и сделала все, чтобы сохранить видимость китайского суверенитета. Делалось это из желания лишить Россию права на недовольство.

Далай-лама в письме к Доржиеву сообщает, что он, не останавливаясь перед лишениями и не жалея жизни, решил присоединиться к нему для путешествия в Ургу (ныне Улан-Батор), с тем, чтобы впоследствии, при поддержке Богдо-хана и России, восстановить свои права, попранные англичанами. Далай-лама отправился из Лхассы через перевал Гола. В Саин-Ноин-Хановском хошуне китайские чиновники, присланные из Улясатуя запрашивали далай-ламу о „пропуске“. Далай-лама объяснил, что он спасается от англичан и собирается из Урги

известить обо всем богдыхана. Последний же тем временем издает указ на имя Богдо-хутухты о неоказании далай-ламе присвоенных ему почестей, амбанию Урги предписывается задержать его и, в случае перехода им русской границы, довести об этом до сведения „Чанфанжана“. Так как такого учреждения или лица не существовало, то можно было догадываться, что „Чанфанжан“ этот означал угрозу смерти.

Низлагая далай-ламу, Китай хотел использовать его бегство как предлог усиления своей власти в Тибете, оставив за далай-ламой впредь лишь духовную власть. Русский посланник в Пекине Покотилов посетил далай-ламу в Урге, передал от царя подарки, как то полагается, и обещал, что Россия окажет ему возможную поддержку. Далай-лама, обиженный тем, что получает от царя лишь приветственную телеграмму, а не письмо, отправляет Доржиева в Петербург для официальных переговоров (март 1905 г.) На запоздалый протест России (апрель 1905 г.) против экспансии Англии в Тибете Англия обращает мало внимания, зная, как и далай-лама, что Россия не склонна по просьбе последнего поставить тибетский вопрос на международное рассмотрение. Тем временем далай-лама из Урги переезжает в Ван-Курень. Китай сначала предписывает местным властям водворить его обратно в Тибет, но затем, под влиянием настояний России, предписание это отменяет. Россия через Доржиева советует остаться далай-ламе на лето 1905 г. в пределах Монголии, но к этому времени прибывает приглашение в Пекин, куда далай-лама прибывает и помещается в Желтом храме.

Китай прекрасно знал, что Тибет—только этапная цель Англии, что конечная цель ее—захват чисто китайских земель, долины Ян-цзы-цзяна. Сооружение железной дороги через Верхнюю Бирму в направлении к юго-западной границе Китая было первым громом. Став перед альтернативой—потерять власть в Тибете или признать его как „сферу влияния“ Англии—Китай 27 августа 1906 г.

склонился перед требованиями ее, признав англо-тибетское соглашение 1904 г., подписанное в Лхассе под жерлами пушек Ионгхэзбенда. Суверенность Китая оберегалась как фикция. § 3 соглашения предусматривает, что ни Британия, ни Россия не имеют права посылать в Лхассу представителей. § 9 англо-тибетского договора оставался в силе.

По конвенции 31 августа 1907 г. („Англо-русское соглашение по делам Персии, Афганистана и Тибета“, опубликованное 13 сентября 1907 г.) Англия и Россия условились не вступать ни в какие соглашения с Тибетом, помимо Китая, уважать территориальную целостность Тибета и воздерживаться от вмешательства в его внутренние дела; английские коммерческие агенты получали право непосредственных сношений с тибетскими властями; паломники буддисты — русские и британские подданные — могли сношаться с Тибетом по своим религиозным делам; Россия и Англия обязались не домогаться концессий. Совершенно ясно, что Англия желала первоначально захватить в Тибете торговлю, организовать промышленность для эксплуатации горных богатств, установить прочную почтово-телеграфную связь, а затем коротким ударом захватить Тибет и политически. Дополнительная нота допускала вход в Тибет научных экспедиций лишь по предварительному соглашению.

Наступившая революция в Турции, ненадежное положение в Персидском заливе и в Персии, скверная ситуация в Сев. Африке вызвали в дальнейших планах Англии насчет Тибета затишье. Китай же, занявшийся Тибетом (с 1905 г.), развил на этом фронте усердную деятельность, которая длилась пять лет. Надеясь упрочить в Тибете свое положение, Китай направил туда поселенцев, расставил военные посты на всем пути в Лхассу, расквартировав в последней до 1000 солдат.

В 1907 г. богдыхан принимает далай-ламу в дворце Лхайдин и с целью подчеркнуть свое главенство заставляет далай-ламу сделать глубокий поклон импе-

ратрице, как матери двух богдыханов. Униженный далай-лама знакомится с китайским чиновничеством, его методами управления и глубоко разочаровывается в китайском правительстве. Однако Тибету остается только смириться перед Пекином.

Вернувшись в Тибет, далай-лама стал взывать о помощи к англичанам и в конце концов укрылся в Индии в г. Дарджилинге. Ему пришлось сделать это, когда китайские войска под командой Чжао Ер-сюня вторглись в Восточный Тибет (1909 г.) Англия сообщила далай-ламе, что ее обязательства по отношению к Китаю и России не позволяют ей вмешиваться в тибетские дела. На письмо к царю далай-лама получил совет следовать политике доброго согласия, которое одно-де может разрешить затруднительное положение Тибета. Дарджилингская история произошла 12 февраля, а 25 февраля Китай лишил далай-ламу сана и стал продвигать свои войска в глубь Тибета. Англия известила Китай, что его действия „угрожают безопасности“ Непала, Бутана и Сиккима, т. е. странам, находившимся до установления английского протектората в китайской зависимости.

Когда началась китайская революция, Тибет восстал против китайского владычества. Неблагоприятное внутреннее положение в Китае, острая враждебность тибетского населения, потеря связи с Китаем вынудили китайские войска сдать, и пленные были отправлены через Индию на родину при содействии англо-индийского правительства⁵³. На происшедшее Китай ответил актом от 21 апреля 1912 г., оповещавшим, что Тибет, Монголия и Китайский Туркестан являются нераздельными частями Китая, хотя и было уже известно из других актов китайского правительства, что оно не рассматривает Тибет в качестве провинции. Англия нотой от 24 мая потребовала сохранения status quo.

Китай заявил в ответ на протест Англии нотой от 23 декабря, что все происходящее — его, Китая, внутреннее дело. Уже 12 августа им было закончено с Тибетом полюбовное соглашение, по которому в Лхассе

оставалось лишь 200 китайских солдат, хотя светская власть продолжала принадлежать китайскому амбаню; 28 октября далай-ламе был возвращен его сан. 23 января 1913 г. далай-лама, живший в Индии и ведший переговоры с Англией о своей реставрации, вернулся в Лхассу и стал, по уверению англичан, действовать против них заодно с Китаем. В личном письме к царю далай-лама ставит вопрос о покровительстве Тибету, признании последнего Россией и Англией независимым и учреждении в Лхассе русской и английской миссий. Все это понималось европейской печатью в смысле учреждения над Тибетом русско-английского протектората. Но Англия предпочла расправляться с Тибетом без третьих лиц, т. е. без вмешательства России, предполагая, что Россия удовлетворится за развязанные руки Англии в Тибете компенсацией в другом месте. Но Россия отнеслась ко всему пассивно.

Англичане, заявив, что они не допустят приравнения Тибета к китайской провинции, столкнулись с общей обстановкой, создавшейся в то время в Китае, весьма для себя неблагоприятной. Президент китайской республики, знаменитый Юань-ши-кай, хотел создать „нацию из пяти рас“: китайской, манчжурской, монгольской, тибетской и „магометанской“; новый национальный флаг отметил это в своих цветах; в национальном собрании Тибету уже было отведено десять мест. Китай, потрясенный революцией, не мог противопоставить силы корректному по своей дипломатической внешности грабежу Англии. Между тем 29 декабря 1912 г. в г. Урге (ныне Улан-Батор) был подписан монголо-тибетский договор, заключенный по инициативе далай-ламы. В нем в общем отмечено, что Монголия и Тибет — независимые государства⁵². Хутухта становился самостоятельным ханом. Согласно § 4 этого договора обе страны „будут отныне и во все времена поддерживать друг друга против опасностей внешних и внутренних“.

В феврале 1913 г. русское правительство сообщает Англии, что Россия в тибетском вопросе ориентируется на соглашение 1907 г. В это время переговоры от имени далай-ламы вел в Петербурге Доржиев. Он запрашивал, отказалась ли Россия от прав, предоставленных ей означенным соглашением. В этот момент Россия особенно нужна была Тибету, как мощный противовес Англии.

15 марта 1913 г. английское правительство известило русское правительство, что не придает политического значения монголо-тибетскому договору. Этот договор, встретивший враждебное отношение Англии, стал исходным пунктом в деле разработки ею плана разделения Тибета на внешний и внутренний с целью захвата наиболее населенной и плодородной части Тибета, в коей для этого установилась „специальная сфера интересов“ Англии.

13 октября 1913 г. начались тройные переговоры (Симла, Дели). Тибет требует признания независимости от Китая лишь во внутренних делах и определения тибетско-китайской границы. Тибет сам в это время боится полного отделения от Китая в виду агрессивности Англии. В письме к царю далай-лама просит совместного его с Англией признания независимости Тибета и учреждения миссий в Лхассе. Известная записка Доржиева развивает эти идеи, основанные на покровительстве Тибету со стороны России и Англии против Китая. 27 апреля 1914 г. было составлено соответствующее соглашение о разделе Тибета, но Китай 29 апреля отверг последнее, как лишавшее его фактических прав на Тибет: и внешний и внутренний Тибет формально признавался в вассальной зависимости от Китая, но последний терял право посылки отрядов, поселенцев и чиновников, признавал превалирующие интересы Англии, хотя она и обязалась не „аннексировать“ Тибета, и не смел превращать Тибет в свою провинцию.

Англия добивалась положения, при котором Китай являлся бы формальным сюзереном Тибета, а она

осуществляла бы протекторат. Так как золото находят на реках по тибетско-китайской границе, то во „внешний“ Тибет были включены некоторые чисто китайские территории. Метод, примененный Англией для захвата внутреннего Тибета, был одинаков с тем, который служил для захвата индийских стран. Захват Тибета означал окружение Китая. Включение Куку-нора, находившегося длительное время под китайским контролем, во внутренний Тибет было для Китая новым ударом.

С началом мировой войны специальный посланец да-лай-ламы обратился в г. Урге (ныне Улан-Батор) к русскому правительству с просьбой о предоставлении тысячи винтовок для защиты против возможных посягательств Китая; посланцу было предложено обратиться по вопросу к английскому правительству. Этот факт явно указал на то, что Россия продолжала свою политику невмешательства в тибетские дела. После периода некоторого бездействия в марте 1917 г. Англия представила Китаю двенадцать требований, посвященных Тибету. Они были опубликованы в японской прессе. Англия требовала, между прочим, права сооружения железной дороги между Тибетом и Индией, права проложения телеграфной линии до Лхассы и др. пунктов и полного невмешательства Китая в дела Англии с Тибетом. Пункт 12-й вежливо приглашал китайцев к сотрудничеству по грабежу Тибета: „Все недра Тибета могут разрабатываться только британским и китайским правительствами“. Китаю, конечно, предоставлялся „заем“. Только одна Япония, кажется, возражала против английских требований, указывая, что Тибету уготована участь бывшего китайского вассала — Бирмы — и бывших независимых индийских государств — Непала и Бутана, аннексированных Англией, и отмечала, что еще в 1904 г. Англия дальновидно показала, что Китай лишается ею прав на Тибет. Между тем эти права возникли в 1720 г. и были закреплены в 1751 г.

Попытка Китая вернуть Тибет силой (1918 г.) оканчивается провалом и служит причиной того, что

Тибет ищет опоры в Англии. Реорганизовав в период 1912—17 гг. свою армию, тибетцы смогли изгнать китайцев (из Ватана и Латака), даже занять несколько городов в смежной китайской провинции Сы-чуани и стать фактически независимыми.

После Версальского мира Англия форсирует захват Тибета. В 1919 г. она требует от Китая признания внешнего и внутреннего Тибета и домогается включения во внутренний Тибет верхней Монголии и части провинции Ганьсу с городами Синнин и Сучжоу, находящимися на торговом пути из Китая в Китайский Туркестан, а также части Восточного Тибета с городами Батан и Дацзяньлу. Созданием „Великого Тибета“ Англия хотела привлечь на свою сторону ламство и окончательно поссорить Тибет с Китаем, одновременно получив возможность воздействия на нашу Среднюю Азию. Таким путем вся Ц. Азия, за исключением разве Монголии, попадала в орбиту влияния Англии. Война с Афганистаном (1919 г.) заставляет Англию отказаться от немедленного осуществления этого плана и стать на путь экономического овладения Тибетом, отложив на время политический захват.

Русская революция оторвала Тибет от всякого с нами общения, что содействовало Англии в дальнейшем ее сближении с Лхассой, несмотря на огромный внутренний страх перед захватническими тенденциями Лондона. Однако „от России ничего не осталось, кроме песков и развалин“,—настаивала английская информация в Тибете, а соседняя китайская провинция Сы-чуань, форпост Китая (собственно провинции Цинхай к западу от Ганьсу и Чуаньбянь к западу от Сы-чуани, ставшие приграничными районами при новом китайском административном делении), висит над Тибетом дамокловым мечом, вынуждая последний к ориентации на Англию.

В Лхассе определяются три течения. Лидер англофилов, министр Шада - Галонг, ссылается далай - ламой в изгнание, сторонников японской и китайской ориентации постигает та же участь, но все новые и

новые требования Англии, основанные на навязанном Тибету торговом договоре, заставляют китайскую ориентацию воскреснуть. По этому договору Тибет вывозит сырье по твердым ценам, диктуемым Англией, последняя же продает свои товары в Тибете по ценам рынка; разрешает постройку телеграфной линии до Лхассы; строжайше регламентирует выезд тибетцев и монгол-паломников, обставляя въезд в страну невозможными условиями, и т. д.

В 1921 г. английская пресса бьет в набат о большевистских эмиссарах и их интригах в Тибете, Непале и Сиккиме, прокламируя, что Англия осуществляет защиту Тибета от большевизма. Между тем, с ноября 1920 г. по октябрь 1921 г. английский эмиссар Бэлл, сиккимский резидент Англии, живет в Лхассе, во дворце бывшего регента, в качестве „друга и личного гостя“ далай-ламы, осуществляя цель образования из Тибета буферного государства на протяжении около 2743 км тибетско-китайской границы. Бэлл выпустил в 1924 г. (есть изд. 1926 г.) книгу „Tibet Past and Present“⁵³ с посвящением ее далай-ламе, чем им подчеркнута личная дружба с последним (в „The Geographical Journal“ 1926 г., февраль, напечатан его „A Year in Lhasa“, до того он составил тибетскую грамматику и англо-тибетский словарь).

Китай реагирует на происходящее весьма слабо, китайская печать не уделяет тибетскому вопросу должного внимания. Сам Тибет балансирует между Англией и Китаем, однако телеграфная линия Гианцзе — Лхасса (около 219,5 км) проводится (лето 1922 г.); за предоставленное Тибету Англией оружие последней даются в приграничной полосе концессии, тибетский рынок постепенно захватывается английскими коммерсантами, строятся английские лесопильные заводы, возникают изыскательные работы по эксплуатации естественных богатств Тибета, на тибетскую территорию вводятся английские солдаты, стремящиеся продвинуться в глубь

страны. Китай, наблюдая происходящее, начинает трепетать уже за Сы-чуань.

В августе 1922 г. Англия требует от Китая признания полной автономии Тибета и полного невмешательства в тибетские дела. В ответ на это Китай начинает проектировать железную дорогу, долженствующую связать Тибет с Китаем через Сы-чуань.

На требование Китая вернуть ему права⁵⁴ на Тибет Англия со свойственным ей лицемерием заявляет, что вернет-де их тогда, когда Китай укрепитя настолько, что сможет сам защитить Тибет.

Должно признать, что Англия почти добилась своих целей в Тибете, несмотря на то, что широкие народные массы и все ламство настроено по сей день к англичанам враждебно. Недаром Бэлл (см. „The Indian Year Book“, 1927) дает своему выводу такую формулировку: „В нынешних условиях у далай-ламы в отношениях с англо-индийским правительством налицо величайшая сердечность“. „В нынешних условиях“ и „у далай-ламы“ — это характерно. Между тем англичане действуют в Тибете методом умаления авторитета далай-ламы путем ориентации на таши-ламу — второе лицо в стране, религиозный авторитет которого они возвеличивают в ущерб авторитету далай-ламы уже со времени экспедиции 1904 г. Ионгхэзбенда; тибетская молодежь постепенно затягивается в английские сети, командный состав молодой тибетской армии обрабатывается в английском духе, население раскалывается системой интриг на враждебные группировки с целью ослабления мощи страны.

И едва ли нынешнее китайское (нанкинское) правительство Чан-Кай-ши, в котором столь сильно влияние гуансийцев с их прочными английскими связями, способно дать Тибету какой-либо противовес против Англии, которая охватывает последний с юго-запада и юго-востока клещами, концы которых, словно живые, на обоих флангах растут к северу, вонзаясь в беззащитное тело страны.

Так как Тибет по климатическим условиям делится на две совершенно разнородных части: север и северо-запад, с одной стороны, и восток и юго-восток, с другой, то и хозяйственный уклад страны, предопределяемый этими условиями, не одинаков, а потому и все растущее влияние Англии должно встретить все большее сопротивление по мере его распространения к северу и северо-западу. Суровые север и северо-запад — области скотоводства примитивно-номадного характера со всеми производными в области социальных отношений: крепкими остатками родового быта, клановой организацией кочевых племен, слабой зависимостью от государственных центров, фактически сводящей положение этих племен к состоянию полной независимости; восток и юго-восток (К'ам, Уй и отчасти Цзан) — области земледельческой культуры, по своему хозяйственному типу родственные на востоке китайским провинциям Сычуани и Юнь-нани, на юге — Бутану, Сиккиму и Непалу.

Здесь действовать англичанам неизмеримо легче. Английская агентура работает частью при помощи индусов и непальцев, частью при помощи более или менее англозированных сиккимских тибетцев. Поддерживая военную группировку и противопоставляя ее господствующему в стране англофобскому ламству, англичане помогают тибетской буржуазии, закрепляя ее зачатки созданием личных и хозяйственных связей с Индией. Отсюда возникла борьба военной группы с ламством за экономическое и политическое господство.

Первый тур этой борьбы закончился победой ламства (1925 г.): военный министр и двенадцать высших чинов армии ушли в отставку, один из инструкторов был убит, кое-кто был вынужден спасаться бегством. Массы донные стоят за лам, видя в них носителей национальной программы. Однако Англия путем муссирования столкновений Тибета с Китаем и происходящего вследствие них закрытия тибетско-китайской границы (1910 — 11 и 1917 гг.) постепенно ликвидирует торговую связь тибетцев с китайцами и ориентирует ее на Индию

(с 1911 г., особенно же после 1918 г.) Между тем в довоенное время в Тибете встречались и наши товары—керосин, например, шедший через Дарджилинг; Бэлл (указ. соч., 223) говорит, что в Тибете высоко ценится наш шелк.

Благодаря указанным причинам база национальной политики ламства суживается. Торговля до последнего времени находилась в Тибете в руках монастырей и государства, а также иностранцев — китайцев, непальцев, кашмирцев, бенгальцев. Наиболее развита она с англо-индийскими странами—Кашмиром, Сиккимом, Непалом и Бутаном; баланс торговли активен.

При означенных выше условиях ламство на социальной лестнице продолжает занимать высшую ступень. Организованное в монастырские общины, с институтом мелких и крупных перерожденцев—гегенов, оно владеет землей и крепостными крестьянами на всей территории Тибета, кроме севера. Вторую ступень занимает некогда побежденное ламством дворянство, служилый элемент (военные, чиновники), владеющие землей и в меньшей степени крепостными. Городское население составляют торговцы и ремесленники,—последние с признаками цеховой организации как в городах, так и в монастырях. Рабочие группируются главным образом на приисках (около 4000 чел.), промышленность только зарождается: два кожевенных завода, один медно-литейный, один оружейно-пороховой; все они с незначительным числом рабочих. За самое последнее время англичанами построены лесопильные заводы и некоторые другие промышленные предприятия. Крестьянство, обслуживающее два главенствующих сословия — ламство и дворянство, находится в крепостном состоянии со всеми его элементами — барщиной, податями, огромными натуральными повинностями.

Численность населения Тибета в точности неизвестна. По данным „The Indian Year Book“ (1927) оно исчисляется в размере от 1 500 000 до 6 000 000 чел.; нужно считать, „вероятно, 2 000 000 чел. или близко к этому

числу". „The Statesman's Year Book“ (1928) указывает 2 000 000 чел. „The Encyclopedia Britannica“ (1926) указывает 4 000 000 чел. Площадь, занимаемая Тибетом, говоря весьма обобщенно, приблизительно равна площади Индии. Для сравнения укажем, что население Монголии, например—1 800 000 чел. — размещается на площади, равной 3 540 530 км² (по источнику 1928 г.), в то время как население Тибета занимает площадь в 2 072 000 км² (по источнику 1926 г.) или 1 199 688 км² (по источнику 1928 г.) Все эти данные, почерпнутые из английских изданий, нуждаются в анализе.

Огромная территория Тибета в своей южной и юго-восточной части представляет плацдарм для наступления Англии на Китай. Еще осенью 1911 г. англичане выслали на границу Тибета и Бирмы экспедицию против кочевого племени аборов, официально—для расследования дела об убийстве английского чиновника, неофициально—для изучения пограничной обстановки, так как Англия боялась неудержимого продвижения китайцев в Бирму и далее, по направлению к Ассаму. Англии нужно было укрепить этот участок для последующего своего продвижения в долину Ян-цзы-цзяна. Английская пресса того времени возбужденно предрекала Англии, что если она не утвердится на верхнем Ян-цзы, то это сделает Россия, единственно своим весом способная-де вовлечь Англию в новую „пограничную восточно-индийскую проблему, бесконечно более серьезную, чем западно-индийская“, и „расшатать до основания английское господство в Индии“. „На северо-восточном участке Индии, — твердили англичане, — Англия сможет защитить Индию исключительно созданием противовеса в самом Китае путем овладения бассейном Ян-цзы, содержащим большую часть богатств страны и половину населения Китая, и путем установления контроля в юго-западном Китае, откуда лежит вход в Бирму, а из нее — в Индию“.

В этих рассуждениях нет ничего нового, поскольку аннексия Англией Бутана, Сиккима и Бирмы имела в осно-

вании идентичную причину: недопущение к юго-восточной границе Индии Франции. Это был период особенно остро ставившегося империалистическими государствами вопроса о „сферах влияния“ в Китае. Англией намечалось тогда крупное железнодорожное строительство между верхним Ян-цзы и Бирмой, проникновение же Англии в Тибет являлось неременнейшим условием для возможности сохранения контроля над юго-западом Китая.

Конференция по ограничению вооружений в Вашингтоне длительное время (1921—22 гг.) занималась китайскими делами. Девять держав заключили пакт о китайской „неприкосновенности“. На XVIII сессии 16 января 1922 г. Бальфур сделал двучленное заявление: „Английское правительство,—сказал он,—объявляет публично, что рассматривает прежний обычай „сфер влияния“ совершенно неприемлемым при новом положении“. Эта декларация не изменила—и не могла изменить—существа английской политики относительно Китая и в частности Тибета⁵⁴.

Англия, свободно снабжая Тибет оружием и обучая тибетскую армию, продолжает охватывать Китай при помощи Тибета, который с каждым днем все более и более насильнически подчиняется его директивам. Вследствие отдаленности Тибета мир мало обращает внимания на создавшееся в нем нестерпимое для тибетского народа положение. Однако Англия не сможет остановить автоматического, происходящего с исторической неизбежностью проникновения китайцев в Бирму, Кохинхину, Сиам—эти южные страны, удобные для китайцев по своим климатическим и экономическим условиям. Тибет рано или поздно освободится от внедрения Англии, которой ныне в этом внедрении не приходится уже опираться и на аргумент „безопасности“ индийской границы. С открытием проходимости Гималаев (весной 1928 г. учрежден английский „Горный клуб по изучению Гималаев“⁵⁵) научная и военная граница Индии с нашей стороны была перенесена

на обширное плоскогорье Бжян-т'ан, на север от собственного Тибета, замкнутое стеной Куэнь-луня. Это — бесплодная пустынная местность, по которой можно двигаться два месяца, не встречая ни человеческого существа, ни дерева от низменностей Тарима до первых скотоводческих кочевий в 230 км к северу от Лхассы. Английская военная экспедиция в Тибет 1904 г., положившая начало утверждению Англии в Лхассе и в южном Тибете, имела скрытой целью желание обеспечить Индии эту естественную границу ⁵⁶.

Нам приходится это помнить. Ведь Ионгхэзбенд — и наш знакомый. Еще в 1891 г. Ионов ⁵⁷, бывший начальником рекогносцировочной партии по обследованию Памира, имел с ним встречу. Ионгхэзбенд руководил двумя отрядами, из них — одним китайским, находившимся под командой Джан-Дарина, при котором состоял англичанин Девисон. Этот Девисон на том основании, что на Аличур-Памире у Сумма-Таша имелся среди развалин храма камень с китайской надписью, объявил Ионову, что русские-де на Памирах только „гости“. Ионов заставил тогда китайцев удалиться в Кашгар, а затем отыскал Ионгхэзбенда в окрестностях Базай-Гумбеза. Ему и его конвою в 18 человек Ионов перечислил все перевалы, через которые запрещалось переходить без нашего разрешения, после чего англичане вернулись в Кашгар. Девисон не внушил Ионову доверия к своему слову и был арестован. Эта небольшая иллюстрация свидетельствует, что метод действий Англии остается одним и тем же ⁵⁸.

Но будем помнить тибетскую пословицу: „Тибет гибнет от фальшивых надежд, Индия — от нерешительности“. Тибетцы, как и индусы, уже знают, кто их враг, они уже поняли, что метод подставления своего уха ⁵⁹ может привести только к гибели. „В год Деревянного Дракона надвигаются грабители“ ⁶⁰...

Литература по Тибету, как усматривается из нашего очерка, весьма обширна. В тексте (и в примечаниях) мы отметили ее в хронологической постепенности по разделам: Тибет Южный, Северный, Восточный.

XX век, как видим, сравнительно богат и путешествиями по этой стране и описаниями их, между тем *фундаментальные справочные издания* (на английском языке; литература по Тибету преимущественно английская) трактуют вопрос изумительно бедно. „*Encyclopedia Britannica*“ (14 изд., последнее), в статье, подписанной С. А. В., говорит о Тибете несколько точнее, чем в предыдущих изданиях, однако этой интереснейшей стране, столь тщательно обследованной самими же англичанами; посвящено лишь 127 строк текста; „*The Indian Year Book*“ (1927 г.) книга, заключающая 916 стр., отводит Тибету всего две страницы. „*The Statesman's Year Book*“ (1928 г.)—также. Таким образом три важнейших английских справочных издания посвящают Тибету 270 или около того строк. Первое из названных издание указывает в источниках 11 названий, второе—вовсе их не дает, третье отмечает 28 названий. За исключением мало-значущих все эти источники указаны нами в разных местах нашего текста и примечаний. Кроме того см. „*The China Year Book*“, 1925.

Для полноты отметим некоторые отдельные издания, не отмеченные нами выше в тексте и в примечаниях: Ландсдэл. „*Chinese Central Asia: a Ride to Little Tibet*“, 1893, два тома. Лонэ. „*Histoire de la Mission du Tibet*“, 1903. В 1904 и 1905 гг. в Лондоне вышли так называемые „*Papers on Tibet*“; см. „Синюю книгу“—„*Further Papers Relating to Tibet* (1910). К 1905 г. относится книга Цандлера—„*On the Road to Lhasa. The Unveiling of Lhasa*“; к 1906 г.—Дункан—„*A Summer Ride through Western Tibet*“; в 1911 г. появляется работа Фергюссона „*Adventure, Sport and Travel on the Tibetan Steppes*“; в 1916 г.—французский труд Лезандра—„*Massif Sino—Tibetan*“; в 1917 г. о Тибете говорит снова английская работа Фаррера „*On the Eaves of the World*“, в 2 томах. В 1921 г.

выходят сочинения: американки *Луизы Конолли* „Tibet“; испанца *Перейры* „O descobrimento de Tibet“ etc., посвященное миссионерам; в 1922 г. — *Е. Тейхмана* „Travels of a Consular Officer in Eastern Tibet“. Для 1923 г. показательны работы двух *Грегори* „To the Alps of Chinese Tibet“ и *Уорд (Кингдон)* „The Mystery Rivers of Tibet“. В 1924 г. появляется превосходная книга голландца *Уэссельса* „Early Iesuit Travellers in Central Asia 1603—1721“. В 1925 г. появляется сочинение *Комба* „Tibetan on Tibet“; в 1926 г. *Гебер* вдвоем опубликовывают „In Himalayan Tibet“, англичанка *Кинг* — „We Tibetans“. В популярном (с 244 иллюстрациями, 63 таблицами, 1 картой) двухтомном издании „Indische Fahrten“ *Дальмана* см. гл. 17 т. I. „An der Schwelle Tibets“. „The Geographical Journal“ за 1926, 1927 и первую половину 1928 гг. включает по Тибету весьма мало материала (помещенный относится, конечно, к узко географическим темам). Отметим за 1927 г. статьи: „An adventure to Kangchenjunga“ и „Shaksgam Wally“, с картой.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ „ТИБЕТ“

¹ О ней см. ниже.

² „Пандит“ (индусское слово) — образованный человек, ученый. В пандитах была сильна примесь тибетской крови, что соединилось с чисто монгольским упорством характера. (О пандитах см. ниже). Так как их отчеты являются секретными, то они опубликованы лишь в отрывках. См. Гольдич „Report of the explorations in Sikkims, Bhutan and Tibet“ от 1856 до 1886 г., вып. в 1889 г. Маршруты пандитов изложены в Д. де Рэнса „Asie Centrale“. См. также у Кюнера в отделе „Библиография“ (сочинение его отмечено нами в примечании 3-м).

³ См. у Н. В. Кюнера „Описание Тибета“, ч. I, географическая. Вып. 1-й. „Изв. Вост. Инст.“ Т. XXI. Владивосток, 1907.

⁴ „Землеведение Азии“. Т. IV.

⁵ „Тибет и Далай-лама“. Петербург, 1920. Триста же лет тому назад миссионер Антонио д'Авварада писал, что тибетцы — народ очень добрый и смиренный, строгих нравов (Соколовский, указ. соч., 41).

⁶ Уодделя сочинение ниже указывается. См. в нем гл. XV.

⁷ Грильер „Восточный Тибет“, 1903. — Что касается книги Мак-Говерна „To Lhasa“, то она написана не ученым исследователем, а путешественником - литератором. Немецкий литератор Келлерман, который был только у преддверия Тибета, описывая (см. серию его дневников в „Berliner Tageblatt“ за 1928 г.), например, храм Лама-Нуру в Ладаке, ⁴ находит более сгущенные краски для рельефного изображения уклада тибетской монастырской и мирской жизни.

Мак-Говерн сообщает, что тибетцы обмазываются мылом для тепла (русск. пер., стр. 217).

⁸ „In the forbidden Land“. 1894. Два тома.

⁹ Кюнер, указ. соч. Примечание I к стр. 119.

¹⁰ Удостоверено английскими властями в Индии. См. у Кюнера, указ. соч.

¹¹ См. „Explorations in Mongolia“ в „The Geographical Journal“. 1927, январь.

^{11-а} Популярное извлечение — Э. К. Пименова „Тайны Тибета“. Ленинград, 1929 г. С иллюстрациями. Эта книга популярным назна-

чением своим напоминает изд. в 1905 г.: Н. А. Сувилов „Тибет“. 137 стр. с иллюстрациями или изд. 1928 г.: П. К. Козлов. „В сердце Азии“, 71 стр. с иллюстрациями.

¹² „The Travels of Marco Polo the Venetian“. Лондон, 1926. XVIII+462 стр. с иллюстрациями и картами. — Флорентийское издание Марко Поло (1928 г.) стоит 600 лир. Марко Поло пробыл в Китае с 1271 по 1291 г.

¹³ Напечатано в журн. „Землеведение“, в отделе „Хроника“ Д. Анучиным.

¹⁴ Ср. по тексту Аустина Уодделя „Лхасса и ее тайны“ (русск. пер. СПб., 1906) а также у Кюнера, указ., соч., примечание к V стр., предисловия и др. источники.

¹⁵ Указ. соч.

¹⁶ Краткое экономическое описание района Сум-пань-тина см. в „The New Atlas and Commercial Gazetteer of China. A work devoted to its Geography and Resources and Economic and Commercial Development“. Ed. by Edwin John Dingle. Second Edition. Карта № 7. Текст — стр. 37.

¹⁷ В составлении хроники исследований Тибета мы руководствовались Кюннером (указ. соч.), а также другими трудами, отмеченными в нашем очерке. У Кюнера приведена подробная библиография, охватывающая однако лишь первые годы XX в. Сочинение его должно почитаться исходным для читателя, — оно представляет собою весьма подробный обзор; характер сочинения — компилятивный, примечания заключают весьма богатый материал. Подобной монументальной работы не написано ни на одном языке. Ср. мнение Бартольда („Лекции“, 275). Рец. на труд см.: „Зап. Вост. Отд. Арх. О-ва“. XIX. Бартольд приводит библиографию с тщательностью, хотя и оговаривает, что „русскому ученому уже с 1914 г. было гораздо труднее, чем прежде, следить за успехами зап.-европейской науки“ („История изучения Востока в Европе и России. Лекции“. 1925. IV). Превосходно указана библиография во „Введении“ Котвича к соч. Сарат Чандра Дас „Путешествие в Тибет“. СПб., 1904. Она не обнимает однако XX в.

Тибетская география *Миньчжул Хутухты* переведена Васильевым. Китайские сочинения о Тибете представляют не систематизированные голые перечни географических названий. (О тибетских и мусульманских сочинениях — см. библиографическую заметку С. Ф. Ольденбурга в „Ж. М. Нар. Просв.“ 1904, ноябрь, стр. 130—131). Тибетские географические сочинения сведений собственно географических не заключают, как писанные ревностными буддистами (перечисления святых, преданий, благочестивых деяний и проч.) Из мусульманских сочинений любопытно сочинение *Мирзы Хайдара*, родственника Бабера, „Тарихи-Рашиди“, описывающее завоевание Тибета в XVI в., когда

целью похода было разрушение Лхассы во славу Пророка. Повидимому, мусульмане были в восьми переходах от Лхассы. Это — единственная попытка утвердить в Тибете учение корана и первая военная экспедиция, имевшая некоторые географические результаты. Как известно, Тибет был в свое время завоеван монголами. Это — темные исторические страницы. (О Монголии и Тибете см. А. Позднеев — „Монгольская летопись“ Эрдэнийн Эрхэ“. СПб., 1883 Шмидт — „Geschichte der Ost Mongolen“; Huth „Geschichte der Buddhismus in der Mongolen“, как исходные сочинения).

¹⁸ См. у Козлова, указ. соч.

¹⁹ Сведения о старых китайских картах см. у Кюнера, указ. соч. Примечание к стр. 38. Ч. I, вып. I. См. статью W. E. Soothill'a в „The Geographical Journal“. 1927, июнь.

²⁰ Кюнер (указ. соч. Ч. I, вып. I, стр. 19) говорит: „Пока главные центры европейской деятельности и предприимчивости находились за тысячи верст от Лхассы, пока китайцам не пришлось испытать на себе тяжелую руку европейских армий и флотов, а миссионеры являлись в Азию смиренными проповедниками и просителями... до тех пор китайцы и ламы... довольно охотно пропускали в страну отдельных посетителей. Но с середины XIX в. обстоятельства изменились“. Кн. Ухтомский („Из области ламаизма“ — СПб. 1904 — популярное сочинение, большая часть которого посвящена истории ламаизма и экспедиции Рокхила) говорит: „Странный мир таится в... тибето-монгольском районе. Например, как объяснить, что почти беззащитный исследователь с немногими спутниками, но весьма значительным и богатым скарбом на вьюках спокойнее ходит там во главе своего каравана, чем в предместье первоклассных столиц?..“

²¹ О плане Лхассы см. примечание 5 к стр. 88. Ч II, вып. II Кюнера, указ. соч.

²² Ольденбург указывает на особенную слабость автора в описании религиозных верований.

²³ См. „The Geographical Journal“. 1928, май. Литература последних лет: „Итальянская экспедиция. De Filippi nell' Himàlaia Caracòrame Turchestàn Cinese“ (1913—1914). 1925. Ser. I, vol I. Ионгхэзбенд — „The Epic of Mount Everest“. London, 1926. Нил. „Through Tibet to Everest“. London, 1927.

Средний уровень собственно Тибета — 4500 м, долины — 4400 м, отдельные вершины — 7500 м (Примечание 3 к стр. 46. Ч. I, вып. 2 Кюнера, указ. соч.).

²⁴ „Le Tibet, le pays et les habitans“ Гренара, 1904 г., представляет выдержки в популярном изложении из его большого сочи-

нения (см. отзыв С. Ольденбурга в „Ж. М. Нар. Просв.“ 1904 ноябрь).

²⁵ Козлов (указ. соч., стр. 42) говорит, что надгробие „субурган“, знаменитого пятого далай-ламы, имеющее в высоту свыше 8,5 м, „золотое“.

²⁶ См. *Schlagintweit* „Tibet“ („P. Mitteil.“. 1904, Bd 50). Young-husband „Geographical Results of Tibet Mission“ („The Geographical Journal“. 1905, май). *Deniker* „Les recentes publications sur Lhassa et le Tibet“ („Geographie“. 1906, 2). Его путешествие по В. Азии и Памиру (золотая медаль К. Геогр. О-ва в Лондоне) см. в „The Heart of the continent“. П. К. Козлов „Английская экспедиция в Тибет“ („Ист. Вестн.“ 1907, май). С. Ольденбург „Англо-индийский поход в Тибет в 1904 г.“ („Ж. М. Нар. Просв.“ 1915, сент.). *Уоддель*, указ. соч.

²⁷ О лютеранских миссионерах см. у Кюнера, указ. соч. Ч. I. вып. I. Примечание 2 к стр. 120.

²⁸ В „Руководстве для войск, употребляемых в заморских экспедициях“, изд. 1928 г., французского военного министерства говорится: „Европейские торговцы и европейские миссионеры, живущие долго в стране, где приходится действовать, могут сильно облегчить задачу войск и офицеров разведки. Они знают все, что нужно знать, потому что они имеют постоянное соприкосновение с населением, на языке которого они говорят и среди которого они имеют многочисленных клиентов и приятелей. Из их числа можно найти наилучших агентов, но это требует много выдержки и такта. Было бы крупной ошибкой как отказываться от их помощи, так и открыто присваивать им официальную роль“.

²⁹ Указ. соч., примечание к стр. 93. О путешествии Брука см. *Fergusson* — „Adventures Sport and travel on the Tibetan Steppes“. 1911 г.

^{29-а} „31 августа Н. М. в последний раз покинул Петербург, отправляясь в пятое путешествие. Путь от Самарканда до Каракола предстал исключительно почтовый, с продолжительной остановкой в Пишпеке, из которого Н. М. уезжал в Верный за получением купленного там китайского серебра на расходы в предстоящем путешествии. На обратном пути, уже вблизи Пишпека, среди камышевых зарослей он встретил массу фазанов и на следующий день отправился с Роборовским поохотиться за этими красивыми пернатыми. Эта поездка вышла роковой: охотясь в камышах, Н. М. несколько раз пил сырую воду как раз в тех местах, где незадолго перед тем жили киргизы, повально страдавшие тифом. Мы долгое время не хотели верить, что Пржевальский мог позволить себе делать то, чего не позво-

лял нам,—пить некипяченую воду. 27 октября мы расположились бивуаком за городом. На следующий день Н. М. имел уже вид больного человека и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался. Все время в течение дня он находился в юрте в полулежащем положении и сам себе измерял и отсчитывал пульс. В ночь на 29 октября больной спал беспокойно, утром он почувствовал маленькое облегчение и вышел на воздух. Шагах в 300 расположился бурый гриф и привлек внимание Н. М. Он спросил свое любимое ружье — американскую винтовку — и выстрелом из нее эффектно убил грифа. Стоявшие поодаль киргизы ахнули от удивления. Грифа притащили в лагерь, и, любуясь этой могучей птицей, Пржевальский заметил: „Вот это для меня лекарство“. ...Утром 30 числа болезнь Н. М. усилилась, и он согласился наконец послать за доктором. Но последний час уже был близок... На утро 2 ноября Н. М. стало очень худо. Лежа на правом боку, он бредил, прикрыв лицо рукою. По выражению нижней части лица можно было думать, что он плакал. Потом вдруг, поддерживаемый нами, встал во весь рост и, посмотрев кругом, сказал: „Ну, теперь я лягу...“ Мы помогли лечь: лицо и руки стали желтеть... несколько учащенных дыханий, два—три глубоких вдоха, и Николая Михайловича Пржевальского не стало. Слезы душили каждого из нас...“ („Путешественник Н. М. Пржевальский. К 40-летию со дня смерти“. Газ. „Известия ЦИК и ВЦИК“ 2—XI—1928 г. Статья П. К. Козлова).

^{29. б} 1-е путешествие Потанина (1876—77) и 2-е путешествие (1879—80) дали в результате четырехтомный труд — „Очерки сев.-западной Монголии“, где освещены археология, этнография и фольклор страны. В 1-м путешествии (см. „Очерки сев.-западной Монголии“, изд. 1881—1883 г., в 4 томах) принимал участие Позднеев, в 1892—93 г. совершивший новое путешествие, результатом которого должен был явиться *капитальный труд по Монголии* в семи томах, из коих напечатаны два тома (См. „Лекции“ Бартольда, 269). Что касается Монголо-Тибетской экспедиции Козлова, то она дала значительный рекогносцировочный материал по палеонтологии, указавший пути для планомерных раскопок, по зоогеографии — указавший основания для суждений о происхождении, развитии и характере фауны и др.

^{30.} „Geologie von Sibirien“ недавно издана на русском языке по непонятной причине в сокращенном виде. „Aus China“ и „Центральная Азия, Северный Китай и Нян-Шань“ (I т.—СПБ, 1900 г., II т.—СПБ, 1901 г.) заключают дневники Обручева.

^{30. а} Заяев составил описание на бурятском и тибетском языках, его путешествие прошло незамеченным, так как „важность изучения Тибета в то время еще не сознавалась ни правительством, ни обще-

ством". Описание Газа-бакши переведено на русский язык Позднеевым („Сказание о хождении в Тибетскую страну“ etc, СПб, 1897). Бартольд отмечает, между прочим: 1. весьма ценные в научном отношении результаты поездки командированного Русским Комитетом для изучения Ср. и Вост. Азии *Бародийна* (1905—07) (см. „Изв. И. Р. Геогр. О-ва“. XLIV, 183—232, „Путешествие в Лаввран“), 2. невольно совершенное, но замечательное путешествие у.-оф. *Ефремова* (1774—82), проехавшего из Коканда через Кашгар — Яркенд — Тибет в Индию; 3. сомнительное путешествие ново-патраского митрополита *Хрисанфа* (1792—1795), переселившегося из Турции в Бенгалию, оттуда же проехавшего будто бы чрез Лхассу в Сибирь (Хрисанф уверяет, что в Лхассе не менее 1,5 млн. жит., что у далай-ламы до 300 000 войск и 2 000 слонов); 4. поездку из Семипалатинска комм. советн. *Мехти Рафаилова* (1820), умершего в Тибете в трех днях пути от Кашмира; его спутники вернулись, но имущество погибло (см. Бартольд — „Лекции“, стр. 224, 225, 228, 274 и 275. Повидимому, Россия следила за деятельностью иезуитов в Тибете, так как Бартольд сообщает, что в инструкции Спафари, главы посольства в Китай, „говорится о путешествиях иезуитов из Индии в Китай через Тибет...“ (там же, стр. 193).

³¹ Стр. 190. Пункт расположен в 460 км от ближайшей телеграфной станции в Чён-гу-фу (большой город Сы-чуани на р. Мин-хо). Автор приводит некоторые расчеты движения и в конце концов говорит, что экспедиция, не подготовленная к зимней работе, несколькими неделями позже не добралась бы до цели.

³² „Русская наука перед Азией“. Послесловие Д. Анучина к спелеологическому исследованию Э. С. Батенин—, „Кан-и-Гут. Экспедиция 1920 г.“ (Гот. к печ.)

³³ Краткий предварительный отчет об этой экспедиции 1909—1910 г. издан Академией Наук в 1914 г. с многочисленными таблицами и рисунками. Наши издания путешествий всегда были безупречны, однако и они не могут идти в сравнение с некоторыми иностранными изданиями того же рода: Штейн, как известно, выпустил в двух томах „Ancien Khotan (Oxford, 1907) и в двух же томах „Ruins of Desert. Cathay“ (London, 1917), в 1921 г. вышел новый обширнейший труд его с массой таблиц, ценою в 12 ф. ст.

³⁴ Отчет Баварской Академии Наук, 31 таблица. 1906. — „Altbdhistische Kulturstätten in Chinesisch Turkestan“. Berlin, 1912 г.

³⁵ Le Coq „Chotscho Facsimile. Widerguben der wichtigeren Funde der ersten K. Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan“. Berlin, 1913 г.

³⁶ „Nachrichten über die von der K. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 Auserüstete Expedition nach Turfan“. 1899. Heft I.

³⁷ Об археологических экспедициях в Восточном Туркестане см. статью Д. Анучина в журн. „Землеведение“ за 1907 г.

³⁸ См. *Tarakhath Das*—„British Expansion in Tibet“ („The Chinese Student's Monthly“. Vol. XXII, ноябрь 1926, № 1; декабрь 1926, № 2 и январь 1927, № 3). В этой статье отмечено расположение главных золотоносных площадей. Статья написана в политико-дипломатическом аспекте и дает краткий обзор политических взаимоотношений Тибета и Англии. На русском языке см.: *Л. Берлин*—„Англия и Тибет“ („Новый Восток“, 1922, II) и *Л. Б.-Н.*—„Хамбо-Агван-Доржиев. К борьбе Тибета за независимость“ (там же, 1923, III). К первой из этих статей приложены интересные фотографии. См. также *А. Попов*—„Россия и Тибет“ (там же, 1928, 18, 20—21)— работа по архивным данным.

³⁹ Цит. выше в нашем тексте. Легенда объяснена Генри Роулинсоном в соответствии с описаниями пандитов. В 1873 г. по вопросу писал Ширн (см. у Кюнера, указ. соч.)

⁴⁰ См. у Кюнера, указ. соч.

⁴¹ Указ. соч. Ч. II, вып. 2. Примечание 8 к стр. 153. О золоте см., между прочим, примечание 10 к стр. 132.

⁴² „Труды Тибетской экспедиции“. 1870.

⁴³ Кюнер, указ. соч. Ч. I, вып. 2, стр. 180.

⁴⁴ Об этом есть указание и у Пржевальского (IV путешествие).

⁴⁵ „The Chinese Student's Montly“. 1927, № 3, статья *Tarakhath Das'a* (см. примечание 38).

⁴⁶ О серебре краткие данные см. у Кюнера, указ. соч. Отмечаем кстати, что серебряные рудники на последних картах показаны, между прочим, к северу от Сум-пань-тина.

⁴⁷ *Tarakhath Das*, материалом коего мы пользуемся, источника не указывает.

⁴⁸ В статье „Тибет“ в „The Indian Year Book“ (1927) слово „Россия“ появляется уже в третьей строке текста. Первый раздел озаглавлен „Русская интервенция“, а второй — „Экспедиция 1904 г.“, т. е. интервенция английская!

⁴⁹ См. Уоддель, назв. соч. Гл. I. Отношение к населению экспедиции Ионгхэзбенда видно, например, из факта, рассказываемого участником ее, Уодделем: заложнику-тибетцу пришлось под угрозой смерти доставить английское донесение, после чего он „совершенно потерялся от страха и сидел в уголке, комически скорчившись и спрятав голову в большой чугунный горшок, который тщетно уговари-

вали его снять несколько дней“ (стр. 187, указ. соч.) При всем том англичане „не считали себя достаточно сильными“, чтобы предпринять наступательные действия 3000 ружей против солдат, „пули которых нередко падали раньше, чем ружья успевали выстрелить“ (там же, стр. 190).

⁵⁰ О долине Чумби см. между прочим примечание 4 к стр. 5. Ч. I, вып. 2 указ. соч. Кюнера.

⁵¹ „North American Review“. 1904, май.

⁵² Русская „Оранжевая книга“ по монгольским делам опубликована 6 апреля 1914 г.

⁵³ Одна из глав книги „Tibet. Past and Present“ посвящена описанию его миссии в Лхассу; две главы озаглавлены „Япония и Россия“ и „Монголия“; этот материал бледен и мало убедителен. Приложенная карта Тибета не представляет интереса, чего нельзя сказать о приложениях, в которых даны дипломатические трактаты по 1913 г. включительно. Иллюстрации интересны чрезвычайно, две из них — цветные превосходно выполненные; отметим снимки горы Чумолхари, г. Гианцзе сельско-хозяйственных работ в долине Чумби, монастырей Ганден и Ташильгумпо, фруктовой и зеленой лавки, библиотеки, туземного почтового конверта (формы старого мусульманского), паланкина далай-ламы, апартаментов последнего и его самого на троне, Доржиева, магараджи и государственного совета Бутана, парада войск новой армии в Лхассе (бросается в глаза внешне пониженный, в сравнении с китайским, строй); весьма показателен снимок китайских солдат, плененных тибетцами во время восстания Тибета против Китая и отправленных чрез Гианцзе в Индию и далее в Китай; этот снимок долженствует, повидимому, дать наглядное представление о том, что обвинение по адресу тибетцев в поголовном истреблении ими китайцев не соответствует действительности в виду защиты, оказанной китайцам Англией; имеется снимок с самого автора в тибетской маске. Рисунки масок, в том числе и тибетских, см. „The Illustrated London News“, 1928 г., сентябрь. Весьма показательные иллюстрации танцев в масках и религиозных церемоний содержатся в книге „In Himalayan Tibet“ by Heber and Kathleen Mary Heber. London, 1926. На стр. 252 т. I. A. Kieve „Indische Fahrten“ Дальмана помещена одна такая же иллюстрация.

⁵⁴ Регулярные сношения Тибета с Китаем установились с VII в. нашей эры. VII—IX вв. — расцвет Тибета; в это время его армии совершали победоносные походы в Индию, Центр. Азию и Китай. Храбрость тибетцев неоспорима (ср. их пословицы: „Ножны моего копья — печень моего врага“ или „Мышь с сильным сердцем может поднять слона“). В самом Китае они занимали даже г. Чэн-ду-фу, тогдашнюю столицу, а на китайском престоле находился тибетский ставленник.

Не тогда ли возникла тибетская поговорка: „Поколотите китайца, и он заговорит по-тибетски“? Это была эпоха, в которую Тибет находился в союзе с багдадскими халифами, которых он поддерживал силой оружия. В 1652 г. далай-лама впервые посетил Китай, который тогда видел в нем еще независимого государя. Китайский „посредник“ обосновался в Лхассе лишь в XVIII в. Когда он был убит по повелению тибетского хана, китайцы назначили резидента с конвоем и передали светскую власть хана в руки далай-ламы, лишив его однако права иностранных сношений. Основание Лхассы относится к VII в. Духовное значение далай-ламы получили в конце XV в. Первым священником-царем Тибета сделался верховный священник ламайского монастыря „Красных шапок“ в Сакии (Западный Тибет). Он уже был маленьким царьком в своей области, когда в 1252 г. великий могол, император Китая Кублай-хан, дал ему власть над всем Тибетом за то, что он принял на себя обязанность короновать императоров Китая. Когда в Китае монгольская династия пала, монгольские князья бежали в Монголию и там, отрезанные от Тибета, избрали для себя собственного великого ламу. Культ цел и до сих пор (г. Улан-Батор, б. Урга, у озера Лоб-нора). Происхождение слова „далай-лама“ таково: прозвище „Велик, как океан“—по-тибетски „Джиатшо“, на монгольском наречии — „Далай“, в просторечии — „Та-ле“. (См. Козлов, Цыбиков, Рокхиль, Уоддель—указ. соч.).

Тибетский язык — индо-китайская ветвь монгольских языков, состоит в близком родстве с бирманскими языками; некогда он имел значительно большее распространение; полагают, что родственные тибетскому языки встречаются в Южной Индии и даже на Кавказе. (По Кюннеру, указ. соч.) Отметим, что Н. Я. Марр утверждает, что язык вершиков, племени, живущего в пограничной с Тибетом индийской области, донныне являющийся загадочным — остаток яфетических языков (Бартольд — „Лекции“, 139).

⁸⁵ Известная нам карта Гималаев в английском издании относится к 1917 г. Экономическое Бюро Кит.-Вост. ж. д. издало в 1927 г. превосходную „Карту Внутреннего Китая“, которая обращает на себя внимание также и благодаря правильности транскрипции.

⁸⁶ Ср. примечание I к стр. 6. Ч. I, вып. II Кюннера, указ. соч. Из европейцев первым перевалил Гималаи незуит Антонио д'Андрада (1624 г.); см. у Соколовского, указ. соч., стр. 17.

⁸⁷ М. Е. Ионов, ген.-л., бывший адъютант Скобелева. Его именем назван перевал на Памирах. Последние годы жизни работал вместе с нами над уяснением вопроса о британской экспансии в Азии. Приводимые данные относительно встречи с Ионгхёзбендом почерпнуты из личных сообщений нам ИONOBA.

Камень вывезен Ионовым и хранится в Ср.-Азиатском музее. Он был поставлен китайским генералом Фу-де, который у восточной окраины оз. Яшиль-куль ночью 23 ноября 1759 г. атаковал и разбил повстанцев, восставших против китайской оккупации Восточного Туркестана.

⁵⁸ Согласно „The Indian Year Book“ (1927 г.) специально для Тибета учреждены четыре миссии, главный штаб их—г. Дарджилинг (секретарь миссий Фергюссон), для Гианцзе и Ятунга торговым агентом официально числится Ф. Вильямсон, в Кашгаре в должности генеральского консула находится полк. Р. А. Лайэль. Не перечисляем официальных агентов англо-индийского правительства, находящихся в других пунктах, отметим лишь, что число агентов неофициальных вполне обеспечивает Англии контроль над странами, соприкасающимися с Индией.

⁵⁹ Наклонение вперед левого уха, которое производит тибетец, сняв шляпу, сделав поклон и высунув по обычаю язык, является символом того, что данное лицо предоставляет себя в распоряжение тому лицу, которому оно кланяется. Наклонение уха возникло из старинного китайского обычая отрезать ухо у пленного и представлять это ухо победителю (Уоддель, указ. соч., стр. 318).

⁶⁰ Институт „прорицателей“ занимает в политической жизни Тибета весьма важное место, являясь могучим орудием воздействия ламства на народные умы (ср. Примечание 7 к стр. 107, ч. II, в. I Кюнера, указ. соч.) Уоддель (указ. соч.) говорит, что колдуна-священника св. Падма, основателя ламаизма, большинство лам ставит выше самого Будды. О „черной магии“, замурованных в пещерах на срок свыше двадцати лет, заживо погребенных, о заклинаниях, талисманах на разный случай жизни, вплоть до убийства врага, и проч.—см, там же. Рассказывая о талисманах, которые продаются в Лхассе, Уоддель (примечание 2 к стр. 297 указ. соч.) говорит: „Эти талисманы состоят из лоскутков платя далай-ламы, обрезанных кусков ногтей и так далее. Наведя на месте специальные справки, я выяснил, что теперешние обычаи подтверждают отчет, напечатанный в „Адском словаре“ Коленом де Планси в Париже в 1825 г. Его экскременты сохраняются как священный предмет. Их сушат, превращают в порошок, заключают в золотые коробочки, осыпанные камнями, и рассылают как священные реликвии великим правителям. Его урина—божественный эликсир, способный исцелить от всевозможных болезней“.

Бартольд говорит („Лекции“, стр. 34): „Буддизм остановил политическое и экономическое развитие Тибета... это было достигнуто не столько догматами религии, сколько связанным с религией социальным

явлением — развитием монастырской жизни, которому китайское правительство из политических расчетов оказывало поддержку...”

По определению Совета Государственного Русского Музея в 1928 г. отпечатан XII выпуск по Этнографическому отделу „Жизнь Будды“—проспект А. П. Баранникова к обозрению ламайской, бурято-монгольской живописи музея. Наибольший интерес вызывало всегда последнее перерождение Будды на земле,—в означенной коллекции оно и представлено двенадцатью образами (бурханами). Образа этой серии, представляющие популярнейшие в буддийском мире легенды, высоко чтутся буддистами. В храмах их вешают против входа. Ознакомление с указанным собранием крайне важно. Кроме того, следует иметь в виду, что тибетский фонд Азиатского музея Академии Наук по богатству превосходит все другие собрания. (См. о тибетском фонде „Краткую памятку“ Азиатского музея Академии Наук. Петроград, 1920).

В заключение скажем о транскрипции тибетских слов. Авторитетнейший тибетовед С. Ольденбург отмечает трудность ее (указ. соч. Цыбикова—„От редакции“). Даже особо солидные издания академического характера небезупречны в этом отношении: существует лхасское произношение, более обычно — монгольское; однако произношение в разных наречиях далеко еще не выяснено. ✓

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>А. Ивина</i>	5
Глава I. Тибет и тибетцы	13
Глава II. Первая попытка	19
Глава III. Британское влияние в Сиккиме	25
Глава IV. На торговом тракте	33
Глава V. Британский аванпост Гианцзе	37
Глава VI. Приготовления к новой попытке	43
Глава VII. От джунглей до ледников	52
Глава VIII. В западнe перевалов	59
Глава IX. „Слава богам“	73
Глава X. Под видом кули	82
Глава XI. Управление провинциями	85
Глава XII. Жизнь на равнинах	93
Глава XIII. Вперед, в Шигацзе!	100
Глава XIV. Волшебная дорога	107
Глава XV. Миновали Шигацзе	117
Глава XVI. Вдоль Браманутры	133
Глава XVII. Картины жизни и природы	140
Глава XVIII. В львиную пасть	146
Глава XIX. „Сквозь строй“	150
Глава XX. Цель видна	158
Глава XXI. Я решил открыться	164
Глава XXII. Царонг-шапэ	175
Глава XXIII. Перед городскими властями	184
Глава XXIV. Тайное свидание с далай-ламой	193
Глава XXV. Современная Лхасса	210
Приложение	
„Тибет“. Очерк <i>Э. С. Батенина</i>	I
Примечания	LXI

25 MAR 1941

1.50
17049
25/10

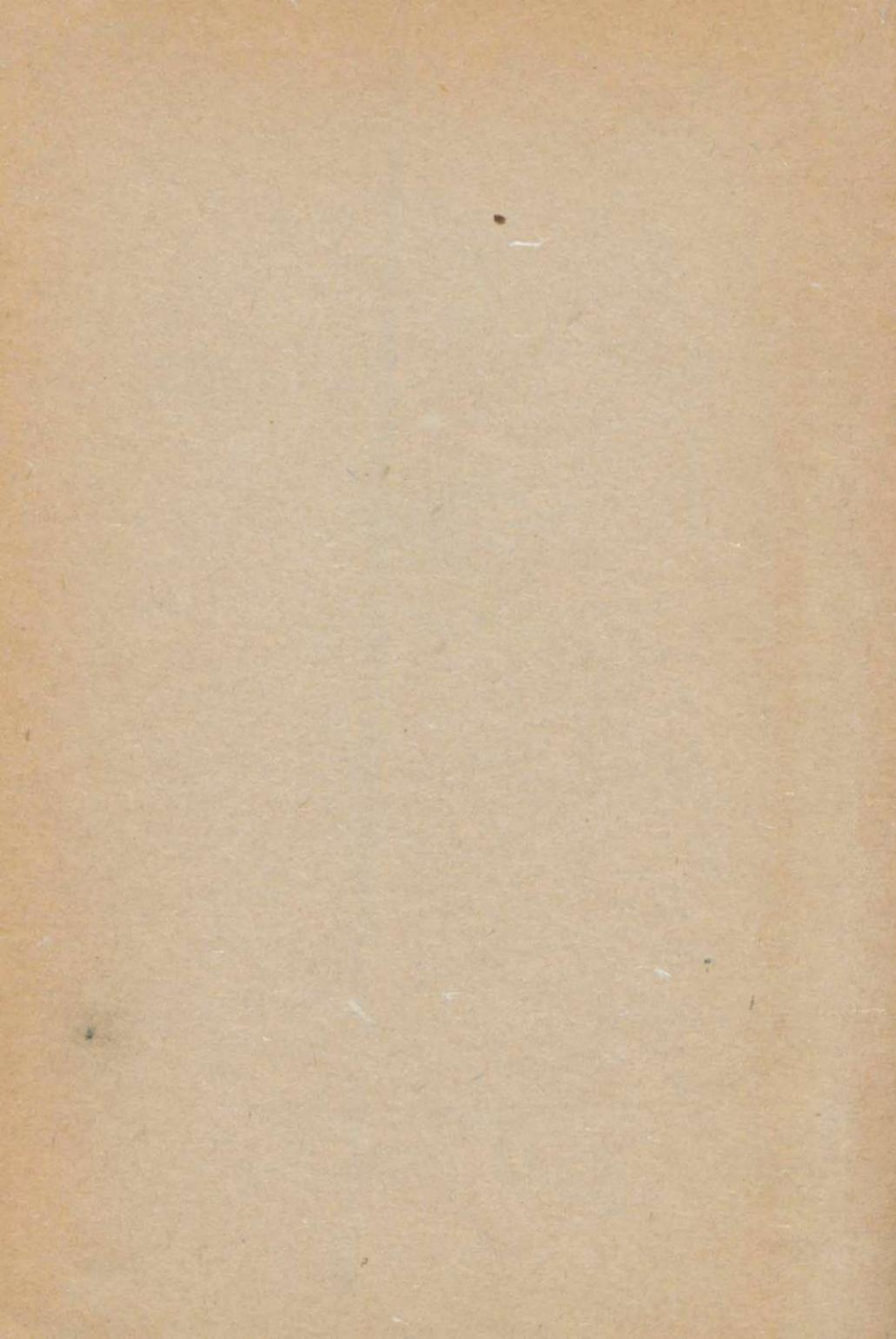
L

99

11

2011109987